

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 16 • № 1 • 2024 • ЯНВАРЬ–МАРТ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, профессор Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 16 • No. 1 • WINTER • 2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Professor at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 29.06.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,0.

Уч.-изд. л. 12,9. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12718. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

Тема в фокусе: 75 лет НАТО – история с продолжением?

Веселов В.А. Проблемы контроля над вооружениями в трансатлантических отношениях (1963–1975)	7
Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны	51
Смирнов П.Е. «Открытые двери» НАТО в постбиполярный период и отношения альянса с Россией	93
Прохоренко И.Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно	141
Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса	163

Региональные проблемы мировой политики

Требух А.Д. Внешнеполитические инициативы администрации Дж. Байдена в Латино-Карибской Америке в контексте нарастания американо-китайского соперничества	202
--	-----

Научные обзоры и рецензии

Мизин В.И. История с продолжением? Рецензия на монографию О.М. Александрии, А.Г. Савельева «Контроль над ядерными вооружениями в российско-американских стратегических отношениях (2010 – начало 2020-х гг.)»	230
---	-----

CONTENTS

Focal Point: 75 Years of NATO – to be Continued?

Veselov V.A. Issues of Arms Control in Transatlantic Relations (1963–1975)	7
Istomin I.A., Levchenko A.V. Changing Role of Security Alliances in the Post-Cold War Era	51
Smirnov P.Ye. Russia and NATO's 'Open Door' Policy in the Post-Bipolar Period	93
Prokhorenko I.L. NATO's Partnership Policy: From the Military Alliance to the Security Community, and Back Again	141
Melnikova Yu.Yu. Securitization of China in the NATO Discourse in the Late 2010s – Early 2020s: Towards a Global Collective Identity	163

Regional Issues of World Politics

Trebukh A.D. The Growing U.S.-Chinese Rivalry and Foreign Policy Initiatives of the Biden Administration in Latin Caribbean America	202
---	-----

Review Essays and Book Reviews

Mizin V.I. To be Continued? <i>Book Review of 'Nuclear Arms Control in Russian-American Strategic Relations (2010 – Early 2020s)' by O.M. Aleksandriya and A.G. Savel'ev</i>	230
--	-----

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ТЕМА В ФОКУСЕ: 75 ЛЕТ НАТО — ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ?

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50

Научная статья / Research paper

В.А. Веселов*

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1963–1975)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях стремительной деградации и разрушения архитектуры международной безопасности, восходящей своими корнями еще к временам холодной войны, новое звучание приобретают проблемы контроля над вооружениями в целом и распространения ядерного оружия в частности. Возрастает потребность в поиске новых многосторонних форматов межгосударственного взаимодействия в этой области, которые позволили бы адаптировать существующие модели контроля над вооружениями к реалиям формирующегося полицентричного мирового порядка. Решение этой задачи в свою очередь требует тщательного осмысления исторического опыта взаимоотношений стран — участниц военно-политических блоков в годы холодной войны. В данной статье подробно рассмотрены три кейса, связанных с дискуссиями между союзниками по НАТО по вопросам запрещения испытаний ядерного оружия, подготовки Договора о нераспространении ядерного оружия и, наконец, переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Показано, что во всех трех случаях решающий голос в выработке решений по проблемам контроля над вооружениями в конечном счете принадлежал США, но позиции их союзников по НАТО существенным образом влияли как на ход переговорного процесса, так и на содержание соглашений. В целом, по мнению автора, наиболее поучительным уроком дискуссий периода 1963–1975 гг. является то, что они показывают, чем обогатится незнание уроков прошлого: игнорирование опыта переговоров

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

межвоенного периода не позволило тогда реализовать все возможности многостороннего межблокового диалога по контролю над вооружениями. Сейчас этот урок становится актуальным как никогда.

Ключевые слова: США, НАТО, разрядка, контроль над вооружениями, разоружение, ядерное оружие, обычные вооружения, стратегические наступательные вооружения, ядерное нераспространение, многосторонние ядерные силы, МЯС, совместные ядерные миссии, СЯМ

Для цитирования: Веселов В.А. Проблемы контроля над вооружениями в трансатлантических отношениях (1963–1975) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–50. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50.

Vasilii A. Veselov

ISSUES OF ARMS CONTROL IN TRANSATLANTIC RELATIONS (1963–1975)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Against the backdrop of the rapid degradation and destruction of the international security architecture dating back to the Cold War, the problems of arms control in general and the proliferation of nuclear weapons in particular assume new significance. There is an increasing need to search for new multilateral forms of interstate cooperation in this area, which would make it possible to adapt the established models of arms control to the realities of the emerging polycentric world order. In this regard, the history of relations between the members of the military-political blocs during the Cold War could offer some valuable lessons. This article examines three cases related to the deliberations between NATO allies on the prohibition of nuclear weapons tests, the preparation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, and negotiations on the mutual reduction of armed forces and conventional armaments in Central Europe. The study shows that though the United States had the final say in developing solutions to arms control problems in all three cases, the positions of its NATO allies significantly affected both the course of the negotiation and the content of the agreements. The author concludes that one of the main lessons to be learnt from the discussions of 1963–1975 is what ignorance of the lessons from the past can lead to. Disregard for the experience of the interwar negotiations did not allow then to unleash the full potential of a

multilateral inter-bloc dialogue on arms control. Now this lesson is becoming more relevant than ever before.

Keywords: United States, NATO, detente, arms control, disarmament, nuclear weapons, conventional weapons, strategic offensive weapons, nuclear non-proliferation, multilateral nuclear force, MLF, nuclear sharing

About the author: Vasilii A. Veselov — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

For citation: Veselov V.A. 2024. Issues of arms control in transatlantic relations (1963–1975). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 7–50. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50. (In Russ.)

Проблема контроля над вооружениями — одна из центральных в исследовании международной безопасности, ей посвящен обширный массив литературы. При этом основное внимание уделяется роли ключевых участников переговорного процесса, от которых зависели выработка и принятие основополагающих решений, определявших содержание договоренностей. Применительно к периоду холодной войны это были СССР и США, которые задавали параметры не только двусторонних соглашений по ядерным вооружениям, но и таких многосторонних договоров, как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) [Шустов, 1977; Тимербаев, 1999; Смирнов, Тимербаев, 2001; Антонов, 2012; Каширина, 2013; Батюк, 2018; Seaborg, Loeb, 1987; The other side of the table..., 1990; Bunn, 1992; Clearwater, 1999; Burns, 2013; Lebovic, 2013; Tal, 2017; Ambrose, 2018; Arms control and disarmament..., 2018]. Роли союзников по военным блокам — Организации Варшавского договора (ОВД) и Североатлантического альянса (Организации Североатлантического договора, НАТО) — уделяется значительно меньше внимания, что соответствует их реальному вкладу в процессы выработки и принятия решений в период холодной войны [Арбатов, 2019; Heuser, 1997; Getting to zero..., 2011; Cooper, 2021; Krepon, 2021; Arbatova et al., 2024; Richter, 2024].

В современных условиях разрушается существующая система контроля над вооружениями, основанная на подходах, сформиро-

ванных в период биполярности. Однако, по мнению автора, данный процесс не является необратимым. Периоды конфронтации в истории международных отношениях сменялись «разрядкой» и наоборот. Переговорный процесс то затухал, то возобновлялся. Его очередное возобновление будет происходить в условиях нового, многополярного мирового порядка, но при этом для правильного понимания этого процесса важно изучать и уроки истории, относящиеся к эпохе биполярности, прежде всего с целью избежать повторения ошибок прошлого [Сетов, 2021].

В частности, очень важным представляется осмысление исторического опыта взаимодействия между союзниками внутри НАТО по вопросам выработки переговорных позиций, поскольку проблемы внутривблоковой солидарности будут иметь ключевое значение при формировании новой архитектуры международной безопасности, когда этот вопрос наконец окажется на повестке дня [Манькин, Пилько, 2005; Rapp-Ноорер, 2020].

С этой точки зрения выбранный для рассмотрения временной интервал с 1963 по 1975 г. — от попытки «разрядки» в первой половине 1960-х годов до ее полномасштабного развертывания в середине 1970-х — представляется исключительно интересным по нескольким причинам. Во-первых, он характеризовался активным осмыслением уроков Карибского кризиса, результатом чего стали отказ от утопических идей «всеобщего и полного разоружения» в пользу прагматичного поиска отдельных мер обуздания гонки вооружений и заключение в 1963 г. на этой идейной основе первого масштабного соглашения в этой области — Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Московский договор)¹. Во-вторых, этот период ознаменовался серьезным разладом между партнерами по трансатлантическому диалогу, заставившим США значительно пересмотреть свою политику в отношении союзников по НАТО. Наконец, выбранный временной интервал завершился принятием Заключительного акта общеевропейского Соперничания в Хельсинки, установившего в том числе первый комплекс мер безопасности и доверия; а так-

¹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762782/ (дата обращения: 15.06.2024).

же образованием «шестерки» («G6»), ставшей еще одним, помимо НАТО, форматом трансатлантического взаимодействия. Кроме того, в мае 1975 г. с ратификацией ДНЯО² Италией и ФРГ завершился почти десятилетний период борьбы США со своими союзниками в Европе, не скрывавшими своих ядерных амбиций. После этого американская политика контрраспространения на европейском направлении перешла в иную плоскость — противодействие крупным экспортным сделкам западноевропейских государств в сфере атомной энергетики.

В предлагаемом вниманию читателей тексте автор ставит перед собой цель проанализировать исторический опыт подходов к контролю над вооружениями в период «малой разрядки» 1960-х годов и начального этапа разрядки 1970-х годов. В этой связи необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить основные проблемы в процессе согласования позиций участников переговоров — членов Североатлантического альянса; во-вторых, оценить соотношение национальных и союзнических интересов при выработке решений по вопросам ограничения ядерных и обычных вооружений в рассматриваемый период; в-третьих, определить долговременные факторы в трансатлантических отношениях, сохраняющие свое значение и в настоящее время, и в ближайшей перспективе.

Соответственно в рамках исследования рассмотрены три кейса, связанных с дискуссиями между союзниками по НАТО по вопросам (1) запрещения испытаний ядерного оружия (ЯО); (2) подготовки ДНЯО и, наконец, (3) переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Уроки Карибского кризиса

Карибский кризис имел масштабные и неоднозначные последствия, в том числе для трансатлантических отношений. Одним из них было признание необходимости принять практические меры, радикально снижающие вероятность возникновения подобных конфликтов, — как по контролю за развитием ситуации, так и по обузданию гонки вооружений. В то же время постепенно происходил отказ от попыток осуществить давнюю идею «всеобщего и полного

² Договор о нераспространении ядерного оружия, одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 15.06.2024).

разоружения», актуальность которой подчеркивало появление оружия массового уничтожения.

В сентябре 1961 г. СССР и США, пойдя на взаимные уступки, в первый и последний раз выработали общий подход, изложенный в «Совместном заявлении о согласованных принципах в качестве основы для многосторонних переговоров по разоружению»³, вошедшем в историю как «соглашение Зорина–Макклоя» в честь дипломатов, возглавлявших делегации на переговорах⁴, которые проходили, что показательно, на фоне другого — Берлинского — кризиса. Обе сверхдержавы тогда официально заявили о своей согласии с принципом «всеобщего и полного разоружения» и необходимостью заключения соответствующего договора.

При этом союзники сверхдержав должны были просто присоединиться к этому решению, что нашло отражение в принципах формирования органа, созданного ООН для реализации советско-американской инициативы. В состав «Комитета 18 государств по разоружению» вошли представители пяти членов ОВД: СССР, Чехословакии, Польши, Румынии и Болгарии; пяти членов НАТО: США, Великобритании, Франции, Канады и Италии; и восьми нейтральных и неприсоединившихся стран: Индии, Бирмы, Египта (ОАР), Эфиопии, Нигерии, Бразилии, Мексики и Швеции.

Никогда — ни до, ни после этого — стороны не подходили так близко к реализации идеи разоружения, но осуществить этот проект, однако, не удалось. С одной стороны, пока отсутствовали национальные средства технического контроля, единственным способом верификации соглашений по разоружению служили инспекции на местах, что было тогда неприемлемо для СССР. С другой стороны, быстро проявилось стремление администрации Дж. Кеннеди увязать разоруженческую проблематику с решением общеполитических задач ведения холодной войны. Выступая 10 июня 1963 г. на выпускной церемонии в Американском университете, президент подчеркнул, что стремится к достижению «подлинного мира» и в этом интересы США и СССР совпадают.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1961 г. № 1722 (XVI) «Вопрос о разоружении» // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1722%28XVI%29> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Советскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин, американскую — Дж. Макклой, советник президента Дж. Кеннеди.

Но вместе с тем он заявил, что «США не пойдут ни на какую сделку с Советским Союзом за счет других народов», пояснив: «... цель политики США — убедить Советский Союз, что он должен позволить каждому народу самому выбирать свое будущее»⁵. Это означало, что условием реализации идеи «всеобщего разоружения» должен был стать демонтаж политической системы как в странах Восточной Европы, так и в самом СССР.

Выходом из тупика могла стать трансформация чисто пропагандистского идеала «всеобщего разоружения» в гораздо более прагматичный лозунг «ограничения и контроля над вооружениями». Примерно в то же время, когда дипломаты работали над «соглашением Зорина–Макклоя», ряд ученых из США и Великобритании опубликовали серию работ, объединенных общей темой — контроля над вооружениями [Arms control, disarmament and national security, 1961; Bull, 1961; Schelling, Halperin, 1961]. Представители этого направления предлагали выдвинуть на передний план частные меры, ограничивающие гонку вооружений в отдельных измерениях: вертикальном (включающем два компонента — количественный и качественный рост арсеналов) и горизонтальном (пространственное распространение оружия). В качестве первых шагов ученые рекомендовали выработку соглашений о запрещении ядерных испытаний и нераспространении ЯО [Bull, 1961].

Предложенная учеными смена цели не сразу была принята государствами на политическом уровне. В США в сентябре 1961 г. был образован правительственный орган, в названии которого присутствовали оба понятия — Агентство по контролю над вооружениями и разоружению (Arms Control and Disarmament Agency). В СССР в 1960-е годы отмечали, что суть предлагаемого «контроля» — не прекращение гонки вооружений, а управление ею, и использовали другой термин — «контроль над разоружением». В Советском Союзе трансформация цели нашла отражение в записке министра иностранных дел А.А. Громыко в Политбюро ЦК КПСС от 13 января 1967 г., где он, в частности, отмечал, что необходимо продолжать активные усилия по разоружению, но следует учитывать, что борьба за всеобщее и полное разоружение займет длительное время. В этой

⁵ Commencement address at American University in Washington, D.C., June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 15.06.2024).

связи предлагалось уделять особое внимание «некоторым ограниченным мерам» и в первую очередь — достижению соглашения по нераспространению ЯО⁶. Тем самым реализация идеала разоружения откладывалась на отдаленную перспективу (отказаться от него было нельзя, поскольку соответствующее положение было включено в текст Программы КПСС, принятой в 1961 г.), а на передний план выдвигались частные меры, блокирующие гонку вооружений. Таким образом, практика ведения переговоров потребовала выработки единого понятийного аппарата.

В ООН замена цели формально не принята до сих пор. Деятельность «Комитета 18 государств» продолжалась до 1969 г., когда ему на смену пришла Конференция Комитета по разоружению, а с 1978 г. и по сей день эти функции выполняет Конференция по разоружению. Иными словами, «всеобщее разоружение» до настоящего времени формально остается в повестке дня ООН, а «Комитет 18 государств» и его преемники сыграли роль площадки для обсуждения и выработки целого ряда документов, самым важным из которых можно считать ДНЯО.

Тем не менее прагматизм нового подхода к решению ключевых проблем международной безопасности оказался особенно востребованным сразу после завершения Карибского кризиса. Уже в посланиях, подводивших черту под острой фазой конфронтации, Н.С. Хрущёв и Дж. Кеннеди выразили готовность вернуться за стол переговоров по широкому кругу вопросов международной безопасности. Инициатива при этом принадлежала советской стороне, предложившей в качестве приоритета проблему ядерных испытаний, что совпадало с рекомендациями западных ученых⁷.

Такое совпадение мнений не было случайным: запрет натуральных испытаний блокировал возможность появления новых обладателей ядерных арсеналов, а начало 1960-х годов было временем тревожных

⁶ Выдержки из записки были опубликованы А.Ф. Добрыниным в качестве приложения к англоязычному изданию его мемуаров. См.: Dobrynin A. In confidence: Moscow's ambassador to America's six Cold War presidents (1962–1986). New York: Times Books, Random House, 1995. P. 651. В тексте, опубликованном на русском языке, данный фрагмент отсутствует. См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

⁷ Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy, Moscow, October 30, 1962 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d71> (accessed: 15.06.2024).

ожиданий в отношении перспектив горизонтального распространения ЯО. Добавление новых государств в «ядерный клуб» не только усиливало дестабилизирующие начала в международных отношениях, увеличивало их непредсказуемость, но и подтачивало особые позиции двух сверхдержав.

При этом вероятность появления ЯО у новых акторов оценивалась в то время как весьма высокая. Президент Дж. Кеннеди уже через 10 дней после инаугурации в своем первом послании «О положении страны» от 30 января 1961 г. отметил угрозу ядерного распространения в горизонтальном и вертикальном измерениях: «Каждый день мы приближаемся к часу максимальной опасности по мере того, как вооружения распространяются и враждебные силы растут»⁸.

После Карибского кризиса тема стала привлекать к себе еще более пристальное внимание руководства сверхдержав, особенно США. Кризис показал, с каким трудом могут договориться два лидера, причем при постоянном риске срыва в эскалацию. Возникал вопрос: а если бы участников кризиса было больше? В этих условиях руководители обеих сверхдержав пришли к выводу о необходимости активизировать усилия по противодействию пространственному распространению ЯО.

Выступая на пресс-конференции 21 марта 1963 г., президент Дж. Кеннеди представил следующий прогноз: «Меня преследует такое чувство, что если нам не удастся [остановить процесс распространения], то вместо четырех нынешних к 1970 г. в мире может быть 10 ядерных держав, а к 1975 г. — 15 или 20 <...>. Существует вероятность, что в 1970-х годах президент США столкнется с миром, в котором 15, или 20, или 25 стран будут обладать ядерным оружием»⁹. «Чувство», преследовавшее президента, было основано на данных американских разведслужб, вскоре подготовивших очередную доклад «Национальная разведывательная оценка», в котором рассматривались перспективы и разрабатывались первичные вари-

⁸ Annual message to the Congress on the State of the Union, January 30, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/annual-message-the-congress-the-state-the-union-5> (accessed: 15.06.2024).

⁹ News conference 52, March 21, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-press-conferences/news-conference-52> (accessed: 15.06.2024).

анты противодействия данной тенденции¹⁰. Руководители СССР также не скрывали своего беспокойства перспективой ядерного распространения. Об этом, в частности, писал Н.С. Хрущёв в послании, направленном президенту США вскоре после выступления Дж. Кеннеди¹¹.

Обсуждение предложений по двум взаимосвязанным проблемам, более широкой — нераспространению ЯО и более узкой — запрещению ядерных испытаний, началось почти сразу после Карибского кризиса и на площадке «Комитета 18 государств», и в прямом советско-американском диалоге. При этом для США в обоих случаях прогресс в переговорном процессе прямо зависел от их способности найти общий язык с ключевыми партнерами по НАТО.

«Большая тройка» против Ш. де Голля: на пути к Московскому договору

За прекращение ядерных испытаний выступали и США, и СССР, но с разными подходами. Администрация Дж. Кеннеди при этом преследовала двоякую цель. Во-первых, эта миролюбивая инициатива отвечала интересам подготовки к выборам 1964 г. О значении предвыборных соображений брат президента Р. Кеннеди откровенно говорил советскому послу А.Ф. Добрынину¹². Вторую цель американцы так явно не афишировали, но советская сторона ее хорошо понимала.

В сфере ядерных вооружений США в тот момент имели не только количественное, но и качественное преимущество перед СССР, однако, по американским оценкам, этот разрыв должен был сокращаться по мере реализации советских программ. Таким образом, прекращение испытаний блокировало возможность совершенствования советского арсенала и консервировало американское превосходство, но руководство СССР всё же приняло политическое решение в поль-

¹⁰ Likelihood and consequences of a proliferation of nuclear weapons systems: National intelligence estimate, Number 4-63, June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 15.06.2024).

¹¹ Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy, Moscow, undated // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d98> (accessed: 15.06.2024). Документ был передан послом А.Ф. Добрыниным 29 апреля 1963 г.

¹² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 83.

зу запрета, настаивая на том, что он должен быть полным. В таком случае прекращение испытаний стало бы первым шагом к ликвидации ЯО, что в итоге должно было обнулить превосходство США.

Камнем преткновения в достижении договоренности о полном запрете ядерных испытаний (как и вообще в контроле над вооружениями) стала проблема верификации — проверки исполнения положений соглашения его участниками. Испытания можно проводить в четырех сферах: в космосе, в атмосфере, под водой и под землей, при этом лишь в первых трех могут проводиться ядерные взрывы большой мощности, которые достаточно легко контролировать техническими средствами. Верификация подземных испытаний, мощность которых ограничена, требует сложной системы мониторинга с установкой различных датчиков на территории всех контролируемых государств. Против этой меры в тот период возражал СССР, причем сначала — категорически. В итоге глобальная система мониторинга ядерных испытаний была создана лишь в конце XX в. в связи с заключением Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)¹³ в 1996 г.

Выходом из тупика в начале 1960-х годов могло стать промежуточное решение — не полное прекращение ядерных испытаний, а частичное — в тех сферах, где не было проблем с контролем (т.е. в космосе, в атмосфере, под водой). Такое решение в начале 1963 г. представляло серьезную политическую проблему для советского руководства, публично отстаивавшего позицию о всеобъемлющем запрете испытаний. Следует учитывать и контекст — урегулирование Карибского кризиса на американских условиях воспринималось руководством СССР как вынужденное отступление, причем на этом спекулировали в Пекине, что ослабляло позиции КПСС в рамках полемики. Согласие пойти на решение крупной международной проблемы на условиях, предлагавшихся США и Великобританией, могло выглядеть как очередное отступление под давлением Вашингтона. В результате проходившие в Женеве трехсторонние переговоры (за рамками «Комитета 18 государств») зашли в тупик и 16 апреля 1963 г. были прекращены. Тем не менее политическая воля руководителей

¹³ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Открыт для подписания 24 сентября 1996 г. // Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Доступ: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

трех держав позволила найти решение. Важно, что его принимали не только в Москве и Вашингтоне.

Очевидно, что проблема межсоюзнических отношений стала более актуальной при переходе от идеи «всеобщего разоружения» к обсуждению ограниченных мер в рамках «контроля над вооружениями». Если разоружение — «всеобщее», то все участники находятся в одинаковом положении. В «контроле над вооружениями» подход дифференцированный, а значит, возникает проблема неравенства участников, связанная со статусом, ресурсами, различиями в интересах и целях и т.д. Внутри военных блоков также обостряется проблема гарантий безопасности, которая при «всеобщем разоружении» снимается, а при «контроле над вооружениями» тесно связана с политическим контекстом и пределами возможных сокращений.

Решение проблемы ограничения ядерных испытаний зависело от подхода всех четырех ядерных держав, две из которых были союзниками США по НАТО. Позиции, занятые Великобританией и Францией, оказались противоположными, что отражало тенденцию, существовавшую к тому времени уже несколько лет и связанную с осмыслением уроков Суэцкого кризиса 1956 г. Его участники сделали для себя разные выводы. Великобритания, во время кризиса уже принадлежавшая к «ядерному клубу», после определенных колебаний отказалась от части национального суверенитета в пользу тесного сотрудничества с США в ядерной сфере [Heuser, 1997; Walker, 2010]. К противоположному выводу пришли во Франции: страна взяла курс на ускоренное приобретение ядерного статуса. В том же 1958 г., когда Лондон заключил «ядерную сделку» с Вашингтоном (техническая помощь в обмен на превращение национальных ядерных сил в де-факто филиал американских), во Франции к власти вернулся Ш. де Голль, сделавший атомную программу символом национального суверенитета, что привело к прекращению трехстороннего проекта с участием ФРГ и Италии¹⁴.

¹⁴ В 1957–1958 гг. руководители военных ведомств Франции, ФРГ и Италии (Ж. Шабан-Дельмас, Ф. Штраус и П. Тавиани) с ведома глав государств обсуждали различные варианты объединения усилий трех стран в сфере науки и технологий в целях скорейшего создания ядерного оружия. Обсуждения велись в глубокой тайне, поскольку были грубым нарушением международных обязательств, об их конкретном содержании сохранилось мало сведений (часть договоренностей была устной, часть документов уничтожена) [Ahonen, 1995; O'Driscoll, 1998].

Для Великобритании частью «ядерной сделки» с США стало участие в моратории трех держав на ядерные испытания 1958–1961 гг. — сотрудничество избавляло от необходимости форсированной разработки собственных зарядов. Важность этого решения в том, что таким образом была апробирована новая модель противодействия гонке вооружений — параллельные односторонние шаги государств в одном направлении без заключения формального соглашения. Впоследствии данная модель не раз применялась.

В то же время «особые отношения» не гарантировали отсутствие противоречий между союзниками. Один из таких кризисов в англо-американском сотрудничестве возник в конце 1962 г. Источником разногласий стало решение министра обороны США Р. Макнамары о закрытии программы разработки аэробаллистической ракеты «Skybolt», которая, по его мнению, не отвечала критерию «стоимость/эффективность». Проблема заключалась в том, что ракета была обещана администрацией Д. Эйзенхауэра британскому союзнику как средство продления жизненного цикла основы национальных ядерных сил — бомбардировщиков серии «V», к тому времени значительно устаревших. Для урегулирования кризиса потребовалась личная встреча президента Дж. Кеннеди с премьер-министром Г. Макмилланом в Нассау (Багамские острова) в декабре 1962 г. На саммите было принято решение об оснащении британских ядерных сил вместо авиационных ракет американскими баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) «Polaris» [Murray, 2000]. В перспективе это должно было привести к превращению ядерного арсенала Великобритании из триады в морскую монаду, что для бывшей «владычицы морей» было вполне приемлемо. В то же время комбинация «английская подводная лодка — американская ракета — английская головная часть» ставила Лондон в критическую зависимость от Вашингтона. Следует отметить, что в Нассау аналогичное предложение о приобретении ракет «Polaris» было сделано и Франции [Jones, 2019].

Быстрое урегулирование кризиса в межсоюзнических отношениях было необходимо и в связи с началом обсуждения в трехстороннем формате проблемы ядерных испытаний [Oliver, 1998]. Внешне это выглядело как ослабление биполярности, однако участие Лондона отвечало интересам и Вашингтона, и Москвы. Для США это стало демонстрацией особых отношений с наиболее близким, несмотря на кризис, союзником, а с точки зрения СССР такой формат можно

было интерпретировать как возрождение «Большой тройки» 1943–1945 гг., формировавшей Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, т.е. решение насущных проблем международной безопасности не представлялось «сговором двух сверхдержав», что было тогда важно в полемике с Пекином.

Дж. Кеннеди и Г. Макмиллан, согласовав свои позиции после остановки женевских переговоров о проблеме прекращения ядерных испытаний, направили председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущёву идентичные послания, в которых выразили готовность делегировать в Москву своих специальных представителей для выработки компромиссного решения. От Великобритании прибыл министр науки и технологий, второй виконт Хайшлем К.М. Хогг, а от США — А. Гарриман, заместитель государственного секретаря, в 1940-х годах — посол в СССР. Переговоры начались в Москве 14 июля 1963 г. В их ходе советская сторона сняла свое условие об увязке соглашения по ядерным испытаниям с заключением договора о ненападении между военными блоками в Европе, а также было решено оставить «за скобками» самый сложный вопрос — о верификации [Смирнов, Тимербаев, 2001].

Сделанные уступки позволили прийти к соглашению о запрете ядерных испытаний в трех сферах. В результате документ был подписан 5 августа 1963 г. и действует до сих пор. По оценке МИД РФ, Московский договор «стал первым шагом на пути сдерживания гонки ядерных вооружений, за которым последовали многие другие»¹⁵. Отказ от полного запрета ядерных испытаний в пользу их ограничения был первым примером перехода от глобального решения к частным.

Следует отметить, что среди участников Московского договора в настоящее время находятся такие государства, как Израиль, Индия и Пакистан, не подписавшие ни ДНЯО, ни ДВЗЯИ, при этом он до сих пор не подписан двумя официальными ядерными державами — КНР и Францией.

При обсуждении участия в договоре четвертой ядерной державы политическая линия президента Ш. де Голля не давала надежды

¹⁵ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на церемонии открытия памятной доски на Доме приемов МИД России, Москва, 1 декабря 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1956600 (дата обращения: 15.06.2024).

на присоединение Франции. 14 января 1963 г. на своей пресс-конференции французский президент объявил о «двух нет». Первое касалось американского предложения по БРПЛ «Polaris», второе — заявки Великобритании на вступление в Европейское экономическое сообщество. Более того, через неделю, 22 января, был подписан Елисейский договор с ФРГ. Тем самым Ш. де Голль демонстрировал приверженность идее суверенных ядерных сил (чему противоречила сама мысль о возможности перехода на американские ракеты), а отсекая Великобританию от участия в европейской интеграции, он заявлял о претензии на лидерство Франции на континенте, условием которого становился «исторический компромисс» с ФРГ. Этот курс Ш. де Голль противопоставлял как политике «англосаксов», так и «сговору сверхдержав», воплощавшемуся в договоре об ограничении ядерных испытаний (в последнем случае позиция Парижа полностью совпадала с точкой зрения Пекина). Тем не менее усилия американской дипломатии по привлечению Франции к соглашению по ядерным испытаниям продолжались вплоть до последнего момента.

В личном послании Ш. де Голлю от 25 июля 1963 г. Дж. Кеннеди выразил готовность США в случае присоединения Парижа к договору «рассмотреть альтернативы, которые избавят Францию от необходимости проводить испытания в трех сферах», выразив надежду, что возникающие при этом политические и технические проблемы могут быть решены¹⁶. Ш. де Голль в своем ответе отклонил сделку, мотивируя это как техническими (самый молодой член «ядерного клуба» нуждался в испытаниях для развития своего арсенала), так и политическими аргументами — приверженностью национальному суверенитету, что исключало зависимость от иностранной «помощи» в этой чувствительной сфере¹⁷.

Проблема суверенитета была одной из главных и при выработке позиции по отношению к Московскому договору еще одного союзника США — Западной Германии. После подписания документа государственный секретарь США Д. Раск направился в Бонн, где про-

¹⁶ Letter from President Kennedy to President de Gaulle, Washington, D.C., July 25, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d352> (accessed: 15.06.2024).

¹⁷ Telegram from the White House to the Embassy in France, August 4, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d358> (accessed: 15.06.2024).

вел непростые переговоры с канцлером К. Аденауэром. По мнению западногерманской стороны, наличие в тексте Московского договора ссылки на «суверенное право государств» после подписания его ГДР (состоялось 8 августа — за два дня до боннских переговоров) делало автоматическим признание легитимности восточногерманского соседа, что для ФРГ было тогда совершенно неприемлемо¹⁸. Лишь получив от Д. Раска заверения, что участие ГДР в Московском договоре никак не скажется на позиции США по «германскому вопросу», К. Аденауэр выразил согласие на присоединение к соглашению (состоялось 19 августа)¹⁹.

Интерес ФРГ к проблеме ядерных испытаний не был случайным: в конце 1950-х годов западногерманские специалисты исследовали тему ядерных взрывов в мирных целях, в том числе изучали проект строительства каскада ГЭС во впадине Каттара в Египте. Московский договор оставлял легальной эту категорию ядерных взрывов, что могло стать обходным путем в «ядерный клуб».

Так или иначе, Московский договор доказал принципиальную возможность заключения бессрочных международных соглашений по контролю над ЯО даже в условиях продолжения холодной войны. Однако развить успех и договориться о полном прекращении ядерных испытаний тогда не удалось, хотя в преамбуле соглашения его участники заявили о своем стремлении «достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия» и о «решимости продолжать переговоры с этой целью»²⁰. В соответствии с этой декларацией в «Комитете 18 государств» после подписания Московского договора проходили напряженные и длительные переговоры о полном запрещении подземных ядерных испытаний, но они зашли в тупик вследствие противоположных позиций, занятых сторонами по вопросу верификации.

США и Великобритания настаивали на проведении международных инспекций на местах для выявления характера сомнительных сейсмических событий. СССР отстаивал позицию, согласно которой национальные технические средства обнаружения и идентифика-

¹⁸ Telegram from Secretary of State Rusk to the Department of State, Bonn, August 10, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d361> (accessed: 15.06.2024).

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.)...

ции сейсмических явлений обеспечивают должный контроль за соблюдением обязательств по прекращению подземных ядерных испытаний [Ядерные испытания СССР, 2000: 24]. В этом вопросе позиции сторон разошлись настолько, что в переговорах о проблеме ядерных испытаний наступил почти 10-летний застой. Запрет ядерных взрывов в трех сферах лишь частично затормозил гонку вооружений, но остановить ее не мог. Более того, сохранение возможности испытаний под землей давало США определенные преимущества в качественном совершенствовании ядерных арсеналов.

Ядерные амбиции союзников против глобальной безопасности: непростой выбор Вашингтона

Несмотря на разногласия, и СССР, и США, и Великобритания уже осенью 1963 г. пытались развить тот задел, который создавал Московский договор. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко во время встречи с президентом Дж. Кеннеди и переговоров с государственным секретарем Д. Раском 10 октября предложил реализовать советские инициативы, обсуждавшиеся с А. Гарриманом в Москве, в том числе замораживание военных бюджетов и некоторое сокращение численности иностранных войск в германских государствах²¹. Осуществить эти шаги предлагалось без заключения формальных соглашений, в виде параллельных односторонних действий, т.е. по аналогии с мораторием на ядерные испытания.

Со своей стороны Д. Раск выдвинул новое предложение — о ликвидации американских и советских средних бомбардировщиков (В-47 и Ту-16 соответственно). 21 января 1964 г. новый американский президент Л. Джонсон направил в «Комитет 18 государств» послание, в котором предложил еще ряд мер для остановки гонки вооружений. Одна из них предполагала «верифицируемое замораживание количественных и качественных характеристик стратегических вооружений, как наступательных, так и оборонительных», другая предусматривала прекращение производства расщепляющихся материалов для военных целей²². Добиться согласия сторонам

²¹ Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 78.

²² Message to the 18-nation disarmament conference in Geneva, January 21, 1964 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/message-the-18-nation-disarmament-conference-geneva> (accessed: 15.06.2024).

тогда не удалось. Главным препятствием на пути к соглашению по стратегическим наступательным вооружениям было существенное превосходство США, которое и предлагалось «заморозить». Причем именно на 1963–1964 гг. пришелся пик наращивания американских стратегических ядерных сил, т.е., уходя в отрыв, Вашингтон стремился зафиксировать соотношение в свою пользу. Лишь достижение стратегического паритета к концу 1960-х годов открыло путь к продуктивным переговорам о стратегических вооружениях.

Если остановить гонку стратегических вооружений тогда не удалось, то в противодействии горизонтальному измерению ядерного распространения сторонам сопутствовал успех. Стимулом к активизации усилий на данном направлении послужило очередное расширение «ядерного клуба».

16 октября 1964 г. пятым членом этого сообщества стал Китай, произведший свое первое ядерное испытание. Нельзя сказать, что это было неожиданным — такое развитие событий прогнозировалось, но оно произошло, когда великие державы были связаны собственными проблемами: США втягивались в войну во Вьетнаме, а в СССР и Великобритании происходила смена власти.

С точки зрения великих держав наиболее важным было не само приобретение этого оружия еще одним государством, а то, что, в отличие от предыдущего расширения «клуба», когда в него вступила Франция (1960), ядерной державой стала страна с особой политической и стратегической культурой, придерживающаяся радикального внешнеполитического курса. Не менее важным было и то, что успех Китая подстегнул желание его соседей, не скрывавших своих амбиций, создать собственное ЯО.

Прежде всего, это касалось Японии, Индии и Австралии. Премьер-министр Э. Сато прямо заявил президенту Л. Джонсону, что после китайского испытания Япония должна получить собственное ЯО [Kusunoki, 2008]. Техническими возможностями для этого страна к тому времени уже располагала. С точки зрения трансатлантических отношений возникала проблема: если своим ЯО обзаведется Япония, то как это повлияет на позицию другого проигравшего во Второй мировой войне — Германии? Не станет ли это поводом для отказа от обязательств, взятых на себя ФРГ при вступлении в НАТО?

Очевидно, что выработка глобального соглашения о нераспространении ЯО требовала определения обязательств как ядерных, так

и неядерных государств. От первых нужно было получить согласие не передавать свое оружие другим, от вторых — такое оружие не получать. И снова особое значение приобрели вопросы выстраивания Вашингтоном диалога со своими союзниками по НАТО. Поскольку среди них были как ядерные, так и неядерные государства, это ставило перед дипломатией США непростые задачи. На одной чаше весов находилась глобальная угроза распространения ЯО, на другой — проблема прочности военно-политических союзов, составлявших каркас американоцентричного мирового порядка. Для того чтобы сделать выбор, администрации Л. Джонсона потребовалось несколько лет. В итоге необходимость снизить потенциальную угрозу самому существованию США взяла верх над стремлением укрепить трансатлантические отношения.

К числу официальных ядерных держав относились два ключевых союзника США, вновь занявшие диаметрально противоположные позиции. Великобритания поддержала идею ДНЯО, поскольку это было развитием сотрудничества, начатого при выработке Московского договора. Франция в свою очередь также продолжала линию, занятую при обсуждении проблем ядерных испытаний (полный отказ от каких-либо ограничений национального суверенитета), и придерживалась ее до конца холодной войны, присоединившись к ДНЯО только в 1992 г.

Во второй группе американских союзников, помимо названных, выделялись еще два европейских государства, в то время не скрывавших своих ядерных амбиций, — ФРГ и Италия. После того как Ш. де Голль закрыл трехсторонний проект совместного создания ЯО, в Бонне и Риме продолжали искать собственные пути в «ядерный клуб», в том числе под прикрытием развития атомной энергетики. Италия при этом особенно рассчитывала на Евратом, объекты которого находились на ее территории, ФРГ — в большей мере на собственные силы [Schwabe, 2004; Lutsch, 2022].

При администрации Д. Эйзенхауэра оба эти государства стали участниками программы «Атомы для мира» и получали от США помощь в развитии ядерной энергетики. В то же время некоторые виды их деятельности вызывали серьезные сомнения в мирном характере их намерений, особенно нацеленность ядерной энергетики ФРГ на получение плутония.

Этот элемент, нарабатываемый в энергетических промышленных реакторах, по изотопному составу отличается от плутония оружейного качества, получаемого в специальных реакторах, и формально не считается сырьем для создания оружия. Однако в 1962 г. в США на полигоне в Неваде был успешно испытан «на мощность менее 20 кТ» экспериментальный ядерный заряд на основе не оружейного, а реакторного плутония²³. Как показало это испытание, конструкция такого заряда более сложная, а мощность взрыва получается существенно меньше, чем с оружейным плутонием. Но, в принципе, была доказана возможность использования этого пути для создания ЯО. Всё это означало, что без должного политического контроля даже сотрудничество в сфере «мирного атома» может иметь опасные последствия.

Таким образом, ФРГ в начале 1960-х годов уже располагала собственной базой, достаточной для создания ЯО в сжатые сроки. По американским оценкам 1963 г., на это требовалось от 4 до 5 лет с момента принятия политического решения²⁴, поэтому контроль над ядерным потенциалом и возможностями создания средств его доставки был одним из методов предотвращения превращения ФРГ в самостоятельный центр силы — как часть более широкой задачи «двойного сдерживания», возникшей еще на заре холодной войны.

Эта задача была сформулирована в США в первые послевоенные годы с учетом печального опыта межвоенного периода. Помимо более явной задачи «сдерживания коммунизма» требовалось предотвратить возрождение Германии в качестве враждебной силы [Leffler, 2005; Rearden, 2004]. Вторая часть «двойного сдерживания» оставалась в повестке дня до середины 1970-х годов, пока ФРГ не ратифицировала ДНЯО и не стала одним из членов «семерки» («G7»).

Компромиссом между задачей «двойного сдерживания» и необходимостью учитывать стремления ценного союзника стал проект создания Многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО. Данная программа преследовала двоякую цель: с одной стороны — способствовать преодолению «кризиса доверия» в альянсе [Пилько, 2007],

²³ Additional information concerning underground nuclear weapon test of reactor-grade plutonium // Canadian Coalition for Nuclear Responsibility. Available at: https://ccnr.org/plute_bomb.html (accessed: 15.06.2024).

²⁴ Likelihood and consequences of a proliferation of nuclear weapons systems: National intelligence estimate, Number 4-63, June 28, 1963...

а с другой — обеспечить «контролируемое приобщение» к ЯО союзников США, не скрывавших своих ядерных амбиций: ФРГ и Италии.

Проект МЯС НАТО в течение 6 лет своего существования (1959–1965) претерпел ряд трансформаций. Его первая редакция была изложена главнокомандующим Объединенных вооруженных сил НАТО генералом Л. Норстэдом в августе 1959 г. [Dietl, 2006]. Он предложил превратить альянс в четвертую ядерную державу путем формирования многонациональной группировки баллистических ракет средней дальности, часть которых изготавливалась бы по американским технологиям в Западной Европе и принадлежала союзникам США. По расчетам американских военных из аппарата Л. Норстэда, ядерные силы НАТО должны были включать 1087 баллистических ракет наземного и морского базирования [Palmer, 2019: 30].

В части наземных сил речь шла не об устаревавших ракетах «Thor» и «Jupiter», размещенных тогда в трех странах НАТО общим числом 105 единиц, а о нескольких сотнях ракет нового типа — твердотопливных и мобильных с увеличенной дальностью полета и улучшенной точностью наведения (мобильные баллистические ракеты средней дальности; Mobile Medium-Range Ballistic Missiles, MMRBM)²⁵.

Вторая редакция проекта МЯС принадлежала министру обороны США Т. Гейтсу. Поскольку ракеты MMRBM еще предстояло создавать, на заседании министров обороны НАТО 31 марта 1960 г. он предложил партнерам развернуть на суше модификации морских ракет «Polaris» на мобильных пусковых установках в количестве 300 единиц. Их расчеты должны были комплектоваться на многонациональной основе. Как и в плане Л. Норстэда, предполагалась передача союзникам технологий производства ракет, кроме боеголовок.

С третьей редакцией выступил Государственный департамент США. Поскольку размещение ракет на суше требовало сложных переговоров с союзниками (это наглядно продемонстрировала история с выбором мест базирования «Thor» и «Jupiter»), дипломаты решили избежать этого с помощью экстерриториального базирования

²⁵ Nalty B.C. USAF ballistic missile programs, 1962–1964. USAF Historical Division Liaison Office, April 1966. P. 59 // Minuteman Missile. Available at: http://www.alternatewars.com/WW3/WW3_Documents/USAF/USAF_BM_1962-64.pdf (accessed: 15.06.2024).

на море. Государственный секретарь А. Гертер предложил передать под управление НАТО 5 подводных лодок с ракетами «Polaris» (80 единиц). Это был минимальный по количеству вариант МЯС, такое уменьшение размеров было обусловлено тем, что ближайшие планы администрации Д. Эйзенхауэра предусматривали строительство всего 14 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами, т.е. в совместное управление передавалась треть первоначального количества (о строительстве лодок в странах Европы речь не шла).

Инициатива Госдепартамента, неоднозначно воспринятая союзниками, встретила решительное сопротивление со стороны военного ведомства США. Командование ВМС, особенно «отец атомного флота» адмирал Х. Риквер, было категорически против доступа иностранцев, даже союзников, на атомные подводные лодки, опасаясь утечек информации не столько о ракетном оружии, сколько о системе связи и управления. Более приемлемым выглядело формирование международных экипажей на надводных кораблях с теми же ракетами «Polaris».

После саммита в Нассау в декабре 1962 г. появился четвертый, окончательный вариант проекта МЯС. Теперь они должны были выглядеть как группировка 25 надводных кораблей-ракетоносцев с 8 ракетами «Polaris» на каждом. Строительство этих судов должно было вестись в Европе и финансироваться 8 странами НАТО (США, Великобритания, ФРГ, Италия, Нидерланды, Бельгия, Турция и Греция), а их экипажи — формироваться из представителей названных государств. Срок ввода головного корабля должен был составлять 3,5 года после заключения контракта, а на строительство всей серии отводилось 10 лет.

По своему внешнему виду эти корабли не должны были отличаться от американских транспортов типа «Mariner», поэтому помимо политических аспектов проект МЯС в таком виде вызывал озабоченность в СССР и по причинам военно-технического порядка. По оценке советских специалистов, подобные корабли, находясь на боевом патрулировании в зонах интенсивного судоходства в Атлантике и на Средиземном море, должны были обладать высокой скрытностью, поскольку их обнаружение и распознавание среди нескольких тысяч других судов, ежедневно находящихся в тех же районах, представляло трудноразрешимую задачу [Васильев, 1997: 26].

Это означало, что НАТО получит 200 зарядов мегатонного класса (половина количества, озвученного позднее Р. Макнамарой в качестве уровня «неприемлемого ущерба»²⁶), отслеживать местонахождение которых Советскому Союзу будет крайне проблематично. В случае оснащения кораблей МЯС ракетами создававшейся в то время модификации «Polaris A3» количество зарядов на них бы утроилось (хотя мощность каждого стала бы меньше). При этом дальность полета ракет возрастала до 4600 км, что отодвигало рубежи пуска от территории СССР и еще больше усложняло противодействие.

Вместе с тем в НАТО помимо политических существовала и организационная проблема: отсутствовали принципы формирования многонациональных экипажей и управления ими, поскольку ранее такой практики никогда не было. Только к осени 1964 г. были согласованы основные подходы к созданию смешанных экипажей надводных кораблей, которые планировалось оснастить баллистическими ракетами «Polaris», и была проведена опытная служба на американском эсминце «Claude Ricketts», ходившем под флагом НАТО. Однако именно в это время произошло событие, которое косвенно привело к закрытию проекта МЯС: вступление Китая в «ядерный клуб».

В США 1 ноября 1964 г. решением президента Л. Джонсона была образована специальная рабочая группа — Комитет по ядерному распространению [Brands, 2006], во главе которой был поставлен Р. Гилпатрик, занимавший пост заместителя министра обороны во время Карибского кризиса. Среди членов группы были также Дж. Макклой (соавтор соглашения 1961 г.) и бывший директор ЦРУ А. Даллес.

Задачами этой группы были обсуждение новой ситуации, возникшей после вступления КНР в «ядерный клуб», и выработка предложений о дальнейших действиях США. Свой доклад президенту «Комитет Гилпатрика» представил 21 января 1965 г.²⁷

По мнению авторов доклада, китайское испытание показало, что создание ЯО доступно государствам со средними возможностями,

²⁶ Remarks by Secretary of Defense Robert S. McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 27.

²⁷ A report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (accessed: 15.06.2024).

но большими политическими амбициями²⁸. Ситуация с ядерным распространением, таким образом, становилась настолько угрожающей, что требовалось срочно достичь договоренности с Советским Союзом по вопросам противодействия этим процессам. Однако для этого нужно было пойти на серьезную уступку — снять озабоченности СССР в отношении амбиций ФРГ, прикрытием которых служил проект МЯС. Это означало, что данный проект, активно продвигавшийся Госдепартаментом США при сопротивлении военного ведомства²⁹ и Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, должен был быть принесен в жертву интересам контрраспространения.

Члены «Комитета Гилпатрика» полагали, что если условием участия СССР в выработке договора о нераспространении будет отказ от планов создания ядерных сил НАТО, то с этим следует согласиться. Еще одно предложение касалось диалога с Москвой об ограничении ядерных вооружений в двустороннем порядке. Однако Л. Джонсон не подписал приложенный к докладу проект президентской директивы и далеко не сразу принял рекомендации членов «Комитета Гилпатрика».

В борьбе ведомств вокруг проекта МЯС президент в то время склонялся к позиции Государственного департамента, продвигавшего свою идею как оптимальный способ управления ядерными амбициями союзников по НАТО и утверждавшего, что в случае отказа от этого плана ФРГ пойдет на сближение с Францией. Несмотря на убедительность аргументации авторов доклада «Комитета Гилпатрика», идти на уступку Советскому Союзу по ключевому пункту разногласий за счет интересов одного из ближайших союзников в условиях обострения международной обстановки (именно в это время раскручивался маховик Вьетнамской войны) президент Л. Джонсон был не готов.

Проекты основных положений будущего ДНЯО, предлагавшиеся США в течение 1965 — первой половины 1966 г., отвергались Советским Союзом, поскольку их формулировки оставляли возможности приобщения неядерных государств к ЯО через участие в наднациональных группировках, что рассматривали в Москве как

²⁸ Ibid. P. 3.

²⁹ О причинах сдержанного отношения Министерства обороны США и Комитета начальников штабов к проекту МЯС см.: [Kaplan et al., 2006: 390–396].

«лазейку» для ФРГ — путь в «ядерный клуб» через участие в МЯС НАТО [Тимербаев, 1999: 236–249].

Переломным в переговорном процессе стал 1966 г., когда были достигнуты принципиальные договоренности между США и СССР о положениях статей I и II будущего соглашения (соответственно обязательства ядерных держав не передавать ЯО кому бы то ни было и неядерных государств — его не принимать). К тому времени администрация Л. Джонсона, выбирая между двумя приоритетами — противодействием ядерному распространению и обязательствами перед союзниками, остановилась окончательно на первом.

Если ключевые формулировки статей I и II были согласованы в ходе переговоров А.А. Громыко с Л. Джонсоном и Д. Раском в сентябре–октябре 1966 г., то выработка остальных положений договора затянулась еще на полтора года. Это время потребовалось для работы американской дипломатии с союзниками, которые до достижения компромисса с СССР к обсуждению не привлекались [Brands, 2007].

Почти одновременно с выработкой компромисса между США и СССР по проекту ДНЯО произошла смена власти в ФРГ: в декабре 1966 г. была образована «большая коалиция», консервативная часть которой продолжала придерживаться курса правительств К. Аденауэра и Л. Эрхарда на приобретение ядерного статуса. При этом руководители ФРГ понимали, что просто «идти против течения» было бы контрпродуктивно, и искали собственные варианты контрраспространения [Lutsch, 2017]. Одним из таких вариантов стало предложение о разработке не универсального, а регионального договора о нераспространении, который бы оставлял лазейку типа МЯС для приобщения ФРГ к ЯО. Таким образом, была «перевернута с ног на голову» инициатива ОВД, известная как «план Рапацкого», предусматривавшая создание в Центральной Европе зоны, свободной от ЯО, т.е. «жесткий» вариант контрраспространения. В западногерманское предложение, как и в последующем в ДНЯО, был заложен «мягкий» вариант, при котором участники соглашения, отказываясь от создания собственного ЯО, могут разрешать размещение на своей территории чужого.

Собственные поиски альтернатив советско-американским договоренностям вели и в Италии [Nutti, 2017]. В частности, был предложен вариант не заключения договора, а установления моратория на создание ЯО (по аналогии с ядерными испытаниями в период

1958–1961 гг.), по истечении которого участники соглашения были бы свободны от обязательств по отказу от его приобретения.

Со своей стороны администрация Л. Джонсона также искала компромиссы, призванные учесть запросы союзников при сохранении договоренностей с СССР [Лекаренко, 2015]. В итоге по инициативе министра обороны Р. Макнамары в качестве компенсации союзникам за отмену МЯС было предложено участие в создаваемой Группе ядерного планирования НАТО [Priest, 2011].

В результате благодаря сочетанию давления и уступок текст ДНЯО был окончательно согласован и открыт для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне 1 июля 1968 г. Первоначально договор был заключен на ограниченный срок — 25 лет, что стало результатом компромисса с потенциальными «пролиферантами» (прежде всего ФРГ и Италией), которые хотели оставить для себя «окно возможностей» на будущее, как предусматривала ранее итальянская идея «моратория».

Союзники США, способные серьезно повлиять на режим распространения, — ФРГ и Италия (а также Япония) — подписали ДНЯО под сильным давлением Вашингтона, причем в Бонне это стало возможным только после смены власти и формирования правительства социал-демократов во главе с В. Брандтом, пришедшего на смену «большой коалиции» [Борисова, 2014: 100]. При этом три названных государства сильно затянули ратификацию договора: ФРГ и Италия — до 2 мая 1975 г., Япония — до 8 июня 1976 г. Пожинать плоды их деятельности пришлось уже после окончания холодной войны, когда по истечении установленного периода на Обзорной конференции 1995 г. ДНЯО был продлен бессрочно, оставаясь и в настоящее время краеугольным камнем глобального режима нераспространения ЯО.

Первые подходы к проблеме ограничения обычных вооружений в Европе

Как было отмечено, первоначальная позиция СССР на переговорах о ядерных испытаниях была комплексной: предлагалось одновременно с соглашением о ЯО заключить пакт о ненападении между двумя блоками в Европе — ОВД и НАТО. В преддверии московских переговоров трех держав эту позицию еще раз подтвердил Н.С. Хрущёв, выступая 2 июля 1963 г. на митинге в Берли-

не³⁰. Неслучайно это было сделано в столице ГДР — как ответ на нашумевшее выступление Дж. Кеннеди в Западном Берлине и как очередное указание на то, что ключевой проблемой европейской безопасности является германская, а региональная и глобальная безопасность тесно связаны.

По мнению советской стороны, заключение соглашения о ненападении между военными блоками должно было стать основой новой системы европейской безопасности и дать старт процессу разрядки международной напряженности как контексту для сокращения вооружений. Это следует рассматривать и как стремление извлечь уроки из Карибского кризиса и снизить вероятность его повторения там, где она была наиболее высока, — в Центральной Европе.

Советская позиция была вполне логичной: процесс разоружения должен предусматривать создание механизма, гарантирующего безопасность его участников при их отказе от национальных вооружений. Очевидно, что сокращение вооружений возможно только в благоприятной политической «атмосфере», но и само в свою очередь создает новый политический «климат». Вопрос: что должно быть первым? Советское руководство в своем предложении о заключении пакта исходило из предположения, что изменение «атмосферы» должно предшествовать сокращениям вооружений.

В то же время указанный формат — заключение пакта между блоками — был неприемлем для США, поскольку в случае его реализации исчезала необходимость американских гарантий безопасности западноевропейским странам и в целом существования НАТО как одного из главных элементов сети военных блоков, на которой строилась вся архитектура американоцентричного миропорядка [Rapp-Ноорег, 2020]. В результате советская сторона ради достижения соглашения о ядерных испытаниях сняла увязку указанных вопросов, но не отказалась от самой идеи пакта между блоками, которая была вынесена на отдельное обсуждение на московских переговорах, проходивших вслед за подписанием Московского договора. В ходе обмена мнениями госсекретарь Д. Раск не отвергал идею в принципе (с логикой советской инициативы было трудно спорить), но утверждал, что такой документ

³⁰ Хрущёв Н.С. В едином строю — к великой цели! Речь на митинге германо-советской дружбы в Берлине 2 июля 1963 года. М.: Госполитиздат, 1963.

должен стать не первым шагом, а финалом процесса ослабления напряженности³¹.

В связи с отсутствием интереса со стороны НАТО к идее пакта о ненападении между блоками советское руководство пошло на расширение повестки в сфере европейской безопасности. Достигнутый к середине 1960-х годов уровень противостояния обычных вооруженных сил, особенно в центре Европы, насыщенном промышленными (в том числе химическими) и энергетическими (в том числе атомными) объектами, в случае военных действий даже без перехода «ядерного порога» представлял собой смертельную опасность для всего континента, а не только для прямых участников конфликта. С учетом этого государства — члены ОВД выдвинули ряд предложений о созыве общеевропейского совещания по безопасности.

На XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ее открытие было приурочено к 25-летию начала Второй мировой войны) министр иностранных дел Польши А. Рапацкий представил предложение о созыве общеевропейской конференции по вопросам безопасности³². В определенной степени это можно считать возвращением как к формату обсуждения проблем международной безопасности в межвоенный период, нереализованным проектам создания системы коллективной безопасности, так и к инициативам 1950-х годов. В частности, государства — участники Варшавского договора 1955 г. в статье 11 этого документа заявили о своем стремлении к созданию такой системы и к заключению общеевропейского соглашения о коллективной безопасности. Неслучайно уже 20 января 1965 г. инициатива Польши была поддержана Политическим консультативным комитетом ОВД, став официальной позицией организации³³. Предложение стран Варшавского договора созвать общеевропейское совещание было затем подтверждено в «Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе», принятой 5 июля 1966 г. в Бухаре-

³¹ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 147.

³² Conference on European security urged by Poland in U.N. // The New York Times. 15.12.1964. Available at: <https://www.nytimes.com/1964/12/15/archives/conference-on-european-security-urged-by-poland-in-un.html> (accessed: 15.06.2024).

³³ Коммюнике о заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора в Варшаве, 20 января 1965 г. // Организация Варшавского договора, 1955–1985: Документы и материалы / Отв. ред. В.Ф. Мальцев. М.: Госполитиздат, 1986. С. 80.

сте³⁴, однако ответное предложение Запада поступило только через два года и предусматривало иной формат.

Этот временной интервал был насыщен событиями в трансатлантических отношениях — от выхода Франции из военной организации НАТО до заключения ДНЯО. Инициатива ОВД о созыве общеевропейского совещания по безопасности вызвала неоднозначную реакцию в Североатлантическом альянсе. Во-первых, эта концепция соответствовала идеям Ш. де Голля об «общеевропейском доме» и одновременном роспуске военных блоков в Европе. Во-вторых, общеевропейский, т.е. внеблоковый, формат был привлекателен для ряда малых стран НАТО, которые в прошлом играли значительную роль в европейской политике. На возможность обсуждать крупные проблемы без ограничений, налагаемых блоковой дисциплиной, обратили внимание в Дании и Нидерландах. После принятия в декабре 1965 г. по инициативе Румынии резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2129 (XX)³⁵ образовалась неформальная группа из 9 малых государств, в течение 1966–1968 гг. обсуждавшая проблемы европейской безопасности. Группа состояла из трех «троек»: ОВД представляли Болгария, Венгрия и Румыния; НАТО — Бельгия, Дания и Нидерланды; нейтральные и неприсоединившиеся страны — Австрия, Финляндия и Швеция. В-третьих, существовала жесткая увязка переговорной повестки с проблемами ядерного распространения. Инициативы ОВД (заявление А. Рапацкого и последующие документы организации, прямой польско-американский диалог³⁶) выдвигали условием создания системы коллективной безопасности в Европе недопущение к ЯО Западной Германии. Для Вашингтона такая постановка вопроса имела и плюсы, и минусы. С одной стороны, этот был рычаг косвенного давления на ФРГ в целях во-

³⁴ Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, принятая Политическим консультативным комитетом государств — участников Варшавского договора на совещании в Бухаресте, 5 июля 1966 г. // Там же. С. 94–95.

³⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. № 2129 (XX) «Мероприятия на региональном уровне с целью улучшения добрососедских отношений между европейскими государствами, имеющими различные социальные и политические системы» // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/221/42/pdf/nr022142.pdf?token=JwPMx7V4rNDtBpHOc5&fe=true> (дата обращения: 15.06.2024).

³⁶ Memorandum of Conversation, New York, September 23, 1966 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d206> (accessed: 15.06.2024).

влечения страны в ДНЯО, с другой — осложняло диалог с Бонном. Наконец, и это самое главное, центральным сюжетом того времени в трансатлантических отношениях была борьба за принятие новой стратегии НАТО, определявшей контекст для выработки подходов к контролю над вооружениями.

В декабре 1966 г. на министерской встрече НАТО было принято решение о расширении политической функции организации, включая оживление переговоров по проблемам европейской безопасности. Соответствующий доклад, подготовленный группой во главе с министром иностранных дел Бельгии П. Армелем, был рассмотрен и одобрен через год — в декабре 1967 г. Центральной идеей доклада было сочетание «сдерживания» (*deterrence*) и «разрядки» (*détente*). С одной стороны, в качестве новой коалиционной стратегии была принята концепция «гибкого реагирования», предусматривавшая повышение «ядерного порога» и роли обычных сил [Пилько, 2013; Stromseth, 1988]. С другой стороны, было необходимо перехватить инициативу у ОВД в обсуждении проблем европейской безопасности путем выдвижения новой повестки. В этой связи была предложена идея проведения переговоров между двумя военными блоками в целях ликвидации количественного превосходства СССР. Аналогов этого формата в межвоенный период не существовало, поскольку тогда не было и военных блоков, но истоки самой идеи сбалансированных сокращений вооружений восходят к 1930-м годам, в частности к женевской Конференции по разоружению 1932–1934 гг.

Первые обсуждения новой идеи происходили в узком кругу лиц, ответственных за внешнеполитическое планирование в ФРГ, США и Великобритании, регулярно встречавшихся для обмена мнениями. Непосредственно инициатива исходила от представителей внешнеполитического ведомства ФРГ, где, как было отмечено, в декабре 1966 г. сменилась власть и существовал собственный запрос на новые идеи. С точки зрения ФРГ, сокращения вооружений в Европе были привлекательны не сами по себе, а как одно из средств достижения конечной цели — объединения Германии путем поглощения ГДР. Такие препятствия, как членство в ОВД и масштабное военное присутствие СССР на ее территории, выглядели в принципе устранимыми [Kieninger, 2016: 86–91]. В этой связи ФРГ предложила наметить в качестве цели создание в 1970-е годы Европейской системы безопасности (European Security System), которая заменила бы со-

бой и НАТО, и ОВД. При этом США и СССР не должны были быть непосредственными участниками новой системы, но становились ее гарантами. С учетом возможной реакции при обнародовании предложений оговаривалось, что одним из условий создания такой архитектуры коллективной безопасности должно стать глубокое сокращение вооружений на «взаимной и сбалансированной» основе, чтобы объединенная Германия не выглядела угрозой для соседей и континента в целом (в противном случае отказ от блоковой системы был нереален).

Препятствий на пути реализации данного замысла было достаточно. Прежде всего, созданию новой системы должны были предшествовать межблоковые переговоры о сокращении вооружений с неизбежным привлечением ГДР в качестве полноправного участника со стороны ОВД, а это в свою очередь было неприемлемо для консервативной части коалиционного правительства.

Представители США смотрели на проблему шире, имея в виду, что в случае успеха межблоковых переговоров установление количественного равенства при качественном превосходстве НАТО поставит альянс в более выгодное положение в случае крупномасштабного военного конфликта. Британские участники первых обсуждений склонялись к такому же мнению, но не упускали из виду и тесную связь контроля над вооружениями с «германским вопросом». Из Лондона перспектива усиления Германии виделась иначе, нежели из Вашингтона. Позиция Франции, в случае если бы ее представители участвовали в данных обсуждениях, скорее всего, была бы аналогичной, но в связи с политической линией Ш. де Голля на выход из военной организации НАТО они были оставлены за бортом этих сугубо конфиденциальных дискуссий. На американский подход влиял еще целый ряд факторов. В период, когда обсуждения только начинались (1966), и военное, и внешнеполитическое ведомства США единогласно выступали против сокращения американского военного присутствия в Западной Европе³⁷. В то же время для администрации Л. Джонсона сам факт ведения межблоковых переговоров позволял

³⁷ Secretary of Defense Robert McNamara memorandum for the President, 'NATO Strategy and Force Structure', September 21, 1966, top secret, excised copy // National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17560-document-15-secretary-defense-robert-mcnamara> (accessed: 15.06.2024); INR-Thomas L. Hughes to the Secretary, 'Possible Implications of a Substantial Cutback of US Forces in Europe', April 26, 1966, REU-37-RM, secret, attached to INR report and release form // National

решить внутривнутриполитическую проблему — погасить активность республиканцев в Конгрессе во главе с сенатором М. Мэнсфилдом, выступавших за односторонний вывод части американских войск из Европы [Dean, 1987]. Одновременно администрация обусловила поддержку западногерманской инициативы участием ФРГ в ДНЯО.

Коммюнике Североатлантического совета в Рейкьявике от 25 июня 1968 г. содержало предложение провести переговоры между двумя военными блоками о «взаимных сбалансированных сокращениях вооруженных сил» (Mutual Balanced Force Reductions, MBFR)³⁸, однако произошедшие месяц спустя события в Чехословакии послужили удобным поводом для отказа от практической реализации данной идеи. Следует подчеркнуть, что это был именно повод. Причина того, что переговоры начались лишь 5 лет спустя, заключалась в том, что внутри Североатлантического альянса в 1968 г. еще не решили, как должны соотноситься два подхода: предложенное ОВД обсуждение более широкого круга проблем безопасности в общеевропейском формате и инициатива НАТО о межблоковых переговорах.

Согласно одной точке зрения сокращения вооруженных сил необходимо было включить в повестку общеевропейской конференции во внеблоковом формате; согласно другой — вопросы контроля над вооружениями должны были стать предметом обсуждений между НАТО и ОВД. Наиболее сильным сторонником первого подхода была Франция — и при Ш. де Голле (что естественно вытекало из его представлений о европейской безопасности), и при сменившем его Ж. Помпиду. Аналогичную позицию занимала Италия, не имевшая своих войск в Германии. По своим мотивам такой же точки зрения придерживались Бельгия, Нидерланды и Люксембург, державшие свои контингенты в ФРГ, но руководствовавшиеся внутривнутриполитическими и экономическими соображениями о снижении бремени военных расходов. Последовательным сторонником отдельных межблоковых переговоров была ФРГ — автор идеи. Великобритания занимала промежуточную позицию, выжидая ответной реакции СССР (она была озвучена только на XXIV съезде КПСС в марте

Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17559-document-14-inr-thomas-l-hughes-secretary> (accessed: 15.06.2024).

³⁸ North Atlantic Council meets at Reykjavik: Text of final communique // The Department of State Bulletin. 1968. Vol. LIX. No. 1516. P. 77. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b2931909&seq=119> (accessed: 15.06.2024).

1971 г.). Находившиеся у власти в 1964–1970 гг. лейбористы в целом выступали за снижение напряженности в Европе, чему сокращения вооруженных сил должны были способствовать, но многоопытная британская дипломатия понимала, что сформированная ФРГ исходная позиция о радикальном сокращении «непереговороспособна».

В США смена власти в январе 1969 г. обострила ряд проблем. С точки зрения администрации Р. Никсона, выдвинувшей «Гуамскую доктрину» для Азии³⁹, вопросы военного присутствия США должны были решаться ростом вклада союзников. Об этом же шла речь при обсуждении новой стратегии «гибкого реагирования», предусматривавшей растягивание доядерной фазы конфликта (в отличие от принципа «натянутой проволоки» в «массированном возмездии») и соответственно повышение роли обычных сил. Однако дело было не только в «справедливом распределении бремени» (*burden sharing*) между участниками альянса. В отличие от азиатских союзников США, технико-экономический потенциал европейских стран НАТО уже мог обеспечить их существенной вклад в качественное совершенствование коалиционных сил. В этих условиях количественное сокращение вооружений двух блоков в Центральной Европе до равных уровней давало в результате перевес НАТО.

В случае конфликта это, с одной стороны, отодвигало решение о переходе «ядерного порога», а с другой — становилось одним из условий эскалационного доминирования США. Вопрос был в том, насколько глубокими могли быть сокращения. Предложение ФРГ о радикальном, на 75%, сокращении Вашингтон не устраивало, поскольку присутствие США в Европе становилось символическим. Но и отвергнуть саму идею было нельзя, поскольку инициативе ОВД об общеевропейской конференции необходимо было противопоставить что-либо конкретное. Кроме того, контроль над вооружениями рассматривался администрацией Р. Никсона (а затем и ее

³⁹ Выступая на пресс-конференции на острове Гуам 25 июля 1969 г., президент Р. Никсон впервые изложил внешнеполитическую концепцию, согласно которой региональные союзники должны брать на себя всё большую долю ответственности за обеспечение безопасности. При этом США сохраняют за собой вклад в виде высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, а союзники должны нести основное бремя ведения боевых действий. См.: *Informal remarks in Guam with newsmen, July 25, 1969* // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/informal-remarks-guam-with-newsmen> (accessed: 15.06.2024).

преемниками) как инструмент политики холодной войны, средство не прекращения гонки вооружений, а ее направления в выгодное для США русло. Обсуждать же принципиальные вопросы своего военного присутствия в Европе в формате, где Соединенные Штаты имели бы такой же голос, как Люксембург, Вашингтон не собирався. В результате проблемы контроля над вооружениями были вынесены из общеевропейского в отдельный, межблоковый формат.

Очевидно, что подходы, предложенные ОВД и НАТО, в принципе не противоречили, а дополняли друг друга. Только разработка различных мер по укреплению доверия и безопасности в общеевропейском формате могла проложить дорогу процессу количественного ограничения и сокращения обычных вооружений и вооруженных сил двух военных блоков. Однако прийти к этому выводу стороны смогли лишь к 1972 г., что было закреплено в решениях Московского саммита. США и СССР пришли к компромиссу по европейской безопасности, признав необходимость вести предложенные в 1960-х годах переговоры в двух форматах сразу: общеевропейском (об общих вопросах безопасности) и межблоковом (о сокращении обычных вооружений), т.е. началась реализация идей, выдвинутых, но не нашедших воплощения ранее. Судьба их оказалась различной.

Сначала начались переговоры в общеевропейском формате, предложенном ОВД в 1964 г. После интенсивных двусторонних обсуждений между будущими участниками общеевропейского совещания состоялись многосторонние предварительные консультации в Хельсинки (22 ноября 1972 г. — 8 июня 1973 г.). Позднее, 30 октября 1973 г., в Вене начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, предложенные НАТО в 1968 г. Характерно, что разница в подходах сторон отразилась даже в названии переговоров, поскольку о принципах проведения сокращений договориться так и не удалось. В НАТО их называли «Переговоры о взаимных сбалансированных сокращениях вооруженных сил» (Mutual Balanced Force Reductions, MBFR), в ОВД — «Переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе». Если опустить детали, то страны НАТО отстаивали свою исходную позицию о сокращениях до равных уровней, а делегации ОВД настаивали на одинаковых размерах сокращений.

В итоге в общеевропейском формате были согласованы позиции, приведшие к принятию «Заключительного акта» 1 августа 1975 г., а межблоковые переговоры быстро зашли в тупик. Ни СССР, ни США не были заинтересованы в реализации западногерманского замысла, лежавшего в основе диалога. При этом сам факт ведения переговоров был привлекательным для обеих сверхдержав по политическим (в том числе внутривнутриполитическим) соображениям. Выход из этого тупика был найден лишь в конце 1980-х годов в новых политических условиях. В то же время была упущена альтернатива — ведение переговоров об обычных вооруженных силах в центре континента во внеблоковом формате, в рамках общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству с обсуждением в том числе мер доверия, дополняющих решения по контролю над вооружениями. С одной стороны, эта упущенная возможность была следствием пренебрежения опытом 1930-х годов, когда нехватка мер доверия стала одной из причин провала всех предложений по контролю над вооружениями количественного и качественного характера. С другой стороны, фактор внутривнутриблоковой дисциплины (также отсутствовавший 1930-е годы) в условиях, когда разрядка рассматривалась в Вашингтоне как временное отступление от стратегии ведения холодной войны, привел к неизбежному результату — «переговоры ради переговоров».

* * *

В рассмотренный исторический период, с одной стороны, были достигнуты крупные результаты: заключены Московский договор и ДНЯО, начаты переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в Центральной Европе — регионе с наивысшей угрозой перерастания холодной войны в «горячую». С другой стороны, эти успехи были неполными. Среди участников Московского договора не оказалось Франции — ядерной державы, союзника США по НАТО. ДНЯО был заключен на ограниченный срок — всего 25 лет, что стало результатом компромисса Вашингтона со своими крупнейшими союзниками в НАТО из числа неядерных государств. Таким образом, США были вынуждены балансировать такие интересы, как ликвидация угрозы распространения ЯО и прочность крупнейшего военно-политического союза.

Во всех трех рассмотренных кейсах ключевую роль в конечном счете играло мнение Соединенных Штатов, но позиции их со-

юзников существенно влияли как на ход переговоров, так и на их результат. Политический курс президента Франции Ш. де Голля привел к тому, что за рамками Московского договора осталась одна из четырех ядерных держав, продолжавшая испытания в атмосфере почти до конца холодной войны. При выработке ДНЯО ФРГ и Италия торпедировали идею бессрочного характера договора и добились его заключения на ограниченный срок. В случае переговоров об обычных вооружениях в Европе на начальном этапе важную роль в формировании позиции НАТО играла политика ФРГ, где появился их замысел.

Таким образом, роль США в НАТО в рассмотренный период холодной войны не может быть охарактеризована как «гегемония»; их способность в одиночку формировать политику альянса по ключевым проблемам международной безопасности была ограниченной. В то же время, формулируя подходы к контролю над обычными вооружениями, Вашингтон навязал своим союзникам такой формат (расщепление переговорных процессов на межблочный и общеевропейский), который не мог дать положительный результат в условиях холодной войны. Только взаимодополнение форматов, когда мандат новых межблочных переговоров был утвержден на общеевропейском совещании, привело к успеху. Но это произошло уже во второй половине 1980-х годов, когда был в том числе проанализирован исторический опыт 1960-х — начала 1970-х годов. В рассматриваемый же в настоящей статье временной интервал не были учтены уроки межвоенного периода. Политики 1960-х годов полагали, что такие мощные новые факторы, как появление ЯО и постоянных военно-политических организаций, обесценивают примеры прошлого. В настоящее время кажется, что исчезновение биполярного устройства мира обесценивает в свою очередь модели, выработанные в период холодной войны. Очевидно, что оба вывода ошибочны. Переход к многостороннему подходу в контроле над ЯО, внеблочному формату в сфере обычных вооруженных сил и вооружений требует анализа и обобщения уроков истории, насчитывающих уже более века (если считать первым успешным соглашением такого рода Вашингтонский договор 1922 г.). Уроки периода 1963–1975 гг. являются одними из наиболее поучительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РОССПЭН; ПИР-центр, 2012.
2. Арбатов А.Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16.
3. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.): очерки истории. М.: Весь мир, 2018.
4. Борисова К.А. Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения: от МЯС к ДНЯО (1960–1969 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 86–102.
5. Васильев А.М. Проект «Скорпион» — замаскированные надводные ракетноносцы // Тайфун. 1997. № 4. С. 26–32.
6. Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969–2010 гг. Воронеж: Научная книга, 2013.
7. Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17.
8. Маныкин А.С., Пилько А.В. Солидарность добровольная и вынужденная в исторической ретроспективе НАТО // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 100–111.
9. Пилько А.В. Борьба за принятие доктрины «гибкого реагирования» в НАТО (1961–1969) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 5. С. 72–91.
10. Пилько А.В. Кризис доверия в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М.: Издательство Московского университета, 2007.
11. Сетов Р.А. Наследие биполярной эпохи в макроструктуре современного мира // Человеческий капитал. 2021. № 11 (155). С. 33–43. DOI: 10.25629/НС.2021.11.03.
12. Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к взаиморазумию в ядерном мире (к истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний) // Ядерный контроль. 2001. Т. 7. № 1. С. 74–88.
13. Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999.
14. Шустов В.В. Советский Союз и проблема прекращения испытаний ядерного оружия. М.: Атомиздат, 1977.
15. Ядерные испытания СССР. Т. 3. Ядерное оружие. Военно-политические аспекты / Под ред. В.Н. Михайлова. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000.

16. Ahonen P. Franz-Josef Strauss and the German nuclear question, 1956–1962 // *The Journal of Strategic Studies*. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 25–51. DOI: 10.1080/01402399508437593.
17. Ambrose M.J. *The control agenda: A history of the strategic arms limitation talks*. Ithaca: Cornell University Press, 2018.
18. Arbatova N., Perkovich G., Hooft van P. *The future of nuclear arms control and the impact of the Russia-Ukraine war*. Cambridge: American Academy of Arts and Sciences, 2024.
19. *Arms control and disarmament: 50 years of experience in nuclear education* / Ed. by P. Foradori, G. Giacomello, A. Pascolini. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
20. *Arms control, disarmament and national security* / Ed. by D.G. Brennan. New York: George Braziller, 1961.
21. Brands H. Non-proliferation and the dynamics of the middle Cold War: The superpowers, the MLF, and the NPT // *Cold War History*. 2007. Vol. 7. No. 3. P. 389–423. DOI: 10.1080/14682740701474857.
22. Brands H. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy // *Journal of Cold War Studies*. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 83–113. DOI: 10.1162/jcws.2006.8.2.83.
23. Bull H. *The control of the arms race: Disarmament and arms control in the missile age*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961.
24. Bunn G. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford: Stanford University Press, 1992.
25. Burns R.D. *The evolution of arms control: From antiquity to the nuclear age*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2013.
26. Clearwater J.M. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM treaty, 1963–1969*. Irvine: Universal Publishers, Inc., 1999.
27. Cooper D.A. *Arms control for the third nuclear age: Between disarmament and Armageddon*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2021.
28. Dean J. *Watershed in Europe: Dismantling the East-West military confrontation*. Lexington: Lexington books, 1987.
29. Dietl R. In defence of the West: General Lauris Norstad, NATO nuclear forces and transatlantic relations 1956–1963 // *Diplomacy and Statecraft*. 2006. Vol. 17. No. 2. P. 347–392. DOI: 10.1080/09592290600695334.
30. *Getting to zero: The path to nuclear disarmament?* / Ed. by C.M. Kelleher, J. Reppy. Stanford: Stanford University Press, 2011.
31. Heuser B. *NATO, Britain, France, and the FRG: Nuclear strategies and forces for Europe, 1949–2000*. New York: St. Martin's Press, 1997.
32. Jones M. Prelude to the Skybolt crisis: The Kennedy administration's approach to British and French strategic nuclear policies in 1962 // *Journal of Cold War Studies*. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 58–109.

33. Kaplan L.S., Landa R.D., Drea E.J. The McNamara ascendancy, 1961–1965 // *History of the Office of the Secretary of Defense*. Vol. 5 / Ed. by A. Goldberg. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 2006.

34. Kieninger S. *Dynamic détente: The United States and Europe, 1964–1975*. Lanham: Lexington Books, 2016.

35. Krepon M. *Winning and losing the nuclear peace: The rise, demise, and revival of arms control*. Stanford: Stanford University Press, 2021.

36. Kusunoki A. The Satō cabinet and the making of Japan's non-nuclear policy // *The Journal of American-East Asian Relations*. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 25–50. DOI: 10.1163/187656108793645806.

37. Lebovic J.H. *Flawed logics: Strategic nuclear arms control from Truman to Obama*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013.

38. Leffler M.P. Cold War and global hegemony, 1945–1991 // *OAH Magazine of History*. 2005. Vol. 19. No. 2. P. 65–72.

39. Lutsch A. From Bonn to Valhalla? West German nuclear ambitions, France and U.S. nuclear assistance, 1960–63 // *France, Germany, and nuclear deterrence: Quarrels and convergences during the Cold War and beyond* / Ed. by N. Badalassi, F. Gloriant. New York: Berghahn Books, 2022. P. 61–89.

40. Lutsch A. In favor of 'effective' and 'non-discriminatory' non-dissemination policy: The FRG and the NPT negotiation process (1962–1966) // *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order* / Ed. by R. Popp, L. Horovitz, A. Wenger. London: Routledge, 2017. P. 36–57.

41. Murray D. *Kennedy, Macmillan and nuclear weapons*. London: Palgrave Macmillan, 2000.

42. Nuti L. 'A turning point in postwar foreign policy': Italy and the NPT negotiations, 1967–1969 // *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order* / Ed. by R. Popp, L. Horovitz, A. Wenger. London: Routledge, 2017. P. 77–96.

43. O'Driscoll M. 'Les Anglo Saxons', F-I-G and the rival conceptions of 'advanced' armaments research and development co-operation in Western Europe, 1956–1958 // *Journal of European Integration History*. 1998. Vol. 4. No. 1. P. 105–130.

44. Oliver K. *Kennedy, Macmillan and the nuclear test-ban debate, 1961–63*. London: Palgrave Macmillan, 1998.

45. *The other side of the table: The Soviet approach to arms control* / Ed. by M. Mandelbaum. New York; London: Council on Foreign Relations Press, 1990.

46. Palmer D.A.R. *A strategic odyssey: Constancy of purpose and strategy-making in NATO, 1949–2019*: NATO Defense College research paper No. 3. Rome: NATO Defense College, Research Division, 2019. Available at: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDC_RP_03.pdf (accessed: 15.06.2024).

47. Priest A. The president, the 'theologians' and the Europeans: The Johnson administration and NATO nuclear sharing // *The International History Review*. 2011. Vol. 33. No. 2. P. 257–275. DOI: 10.1080/07075332.2011.555437.

48. Rapp-Hooper M. *Shields of the republic: The triumph and peril of America's alliances*. Cambridge: Harvard University Press, 2020.

49. Rearden S.L. The dilemmas of dual containment: Germany as a security problem, 1945–1950 // *The United States and Germany in the era of the Cold War, 1945–1990: A handbook*. Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 204–208.

50. Richter W. German efforts to halt the disintegration of nuclear and conventional arms control // *Germany and nuclear weapons in the 21st century: Atomic Zeitenwende?* / Ed. by U. Kühn. London: Routledge, 2024. P. 157–181.

51. Schelling T.C., Halperin M.H. *Strategy and arms control*. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

52. Schwabe K. Adenauer and nuclear deterrence // *Europe, Cold War and coexistence, 1953–1965* / Ed. by W. Loth. London: Routledge, 2004. P. 33–51.

53. Seaborg G.T., Loeb B.S. *Stemming the tide: Arms control in the Johnson years*. Lexington: Lexington books, 1987.

54. Stromseth J.E. *The origins of flexible response: NATO's debate over strategy in the 1960s*. London: Palgrave Macmillan, 1988.

55. Tal D. *US strategic arms policy in the Cold War: Negotiations and confrontation over SALT, 1969–1979*. New York: Routledge, 2017.

56. Walker J. *British nuclear weapons and the test ban 1954–1973. Britain, the United States, weapons policies and nuclear testing: Tensions and contradictions*. London: Routledge, 2010.

REFERENCES

1. Antonov A.I. 2012. *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms control: history, state of affairs, and prospects]. Moscow, ROSSPEN Publ., PIR-tsentr Publ. (In Russ.)

2. Arbatov A.G. 2019. Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami [Dreams and realities of arms control]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 11, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16. (In Russ.)

3. Batyuk V.I. 2018. *Kholodnaya voyna mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.): Ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991): Historical essays]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

4. Borisova K.A. 2014. Evolyutsiya politiki FRG v otnoshenii problemy rasprostraneniya yadernogo vooruzheniya: ot MYaS k DNYaO (1960–1969 gg.) [The evolution of FRG policy on the proliferation of nuclear weapons: From MLF to NPT (1960–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 86–102. (In Russ.)

5. Vasil'ev A.M. 1997. Proekt 'Skorpion' — zamaskirovannye nadvodnye raketnostsy [The 'Scorpion' project: Camouflaged surface launch platforms]. *Taifun*, no. 4, pp. 26–32. (In Russ.)

6. Kashirina T.V. 2013. *Problema ogranicheniya i sokrashcheniya strategicheskikh vooruzhenii v amerikano-sovetskikh/rossiiskikh otnosheniyakh v 1969–2010 gg.* [The problem of limitation and reduction of strategic arms in American-Soviet/Russian relations in 1969–2010]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)

7. Lekarenko O.G. 2015. Problema razdeleniya yadernoi otvetstvennosti v NATO v gody prezidentstva L. Dzhonsona [The problem of sharing nuclear responsibility in NATO during the presidency of Lyndon Johnson]. *Tomsk State University Journal*, no. 401, pp. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17. (In Russ.)

8. Manykin A.C., Pil'ko A.V. 2005. Solidarnost' dobrovol'naya i vynyuzhdenaya v istoricheskoi retrospektive NATO ['Voluntary' and 'forced' solidarity in NATO's history]. *International Trends*, vol. 3, no. 2 (8), pp. 100–111. (In Russ.)

9. Pil'ko A.V. 2013. Bor'ba za prinyatie doktriny 'gibkogo reagirovaniya' v NATO (1961–1969) [The struggle for the adoption of the flexible response doctrine in NATO (1961–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 72–91. (In Russ.)

10. Pil'ko A.V. 2007. *Krizis doveriya v NATO: al'yans na poroge peremen (1956–1966)* [The credibility gap in NATO: The alliance on the verge of change (1956–1966)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

11. Setov R.A. 2021. Nasledie bipolyarnoi epokhi v makrostrukture sovremennogo mira [Legacy of bipolarity in macrostructure of contemporary world]. *Human Capital*, no. 11 (155), pp. 33–43. DOI: 10.25629/HC.2021.11.03. (In Russ.)

12. Smirnov Yu.N., Timerbaev R.M. 2001. Pervyi shag k blagorazumiyu v yadernom mire (k istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy) [The first step towards reasonable behavior in nuclear world (A history of the conclusion of the 1963 Limited Test Ban Treaty)]. *Nuclear Control*, vol. 7, no. 1, pp. 74–88. (In Russ.)

13. Timerbaev R.M. 1999. *Rossiya i yadernoe nerasprostranenie, 1945–1968* [Russia and nuclear nonproliferation, 1945–1968]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Shustov V.V. 1977. *Sovetskii Soyuz i problema prekrashcheniya ispytaniy yadernogo oruzhiya* [The Soviet Union and the problem of stopping nuclear weapons tests]. Moscow, Atomizdat Publ. (In Russ.)

15. Mikhailov V.N. (ed.). 2000. *Yadernye ispytaniya SSSR. T. 3. Yadernoe oruzhie. Voенно-politicheskie aspekty* [Nuclear tests of the USSR. Vol. 3. Nuclear weapons. Military and political aspects]. Sarov, RFYaTs-VNIIEF Publ. (In Russ.)

16. Ahonen P. 1995. Franz-Josef Strauss and the German nuclear question, 1956–1962. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 25–51. DOI: 10.1080/01402399508437593.

17. Ambrose M.J. 2018. *The control agenda: A history of the strategic arms limitation talks*. Ithaca, Cornell University Press.

18. Arbatova N., Perkovich G., Hooft van P. 2024. *The future of nuclear arms control and the impact of the Russia-Ukraine war*. Cambridge, American Academy of Arts and Sciences.

19. Foradori P., Giacomello G., Pascolini A. (eds.). 2018. *Arms control and disarmament: 50 years of experience in nuclear education*. Cham, Palgrave Macmillan.

20. Brennan D.G. (ed.). 1961. *Arms control, disarmament and national security*. New York, George Braziller.

21. Brands H. 2007. Non-proliferation and the dynamics of the middle Cold War: The superpowers, the MLE, and the NPT. *Cold War History*, vol. 7, no. 3, pp. 389–423. DOI: 10.1080/14682740701474857.

22. Brands H. 2006. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy. *Journal of Cold War Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 83–113. DOI: 10.1162/jcws.2006.8.2.83.

23. Bull H. 1961. *The control of the arms race: Disarmament and arms control in the missile age*. London, Weidenfeld and Nicolson.

24. Bunn G. 1992. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford, Stanford University Press.

25. Burns R.D. 2013. *The evolution of arms control: From antiquity to the nuclear age*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.

26. Clearwater J.M. 1999. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM treaty, 1963–1969*. Irvine, Universal Publishers, Inc.

27. Cooper D.A. 2021. *Arms control for the third nuclear age: Between disarmament and Armageddon*. Washington, D.C., Georgetown University Press.

28. Dean J. 1987. *Watershed in Europe: Dismantling the East-West military confrontation*. Lexington, Lexington books.

29. Dietl R. 2006. In defence of the West: General Lauris Norstad, NATO nuclear forces and transatlantic relations 1956–1963. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 17, no. 2, pp. 347–392. DOI: 10.1080/09592290600695334.

30. Kelleher C.M., Reppy J. (eds.). 2011. *Getting to zero: The path to nuclear disarmament?* Stanford, Stanford University Press.

31. Heuser B. 1997. *NATO, Britain, France, and the FRG: Nuclear strategies and forces for Europe, 1949–2000*. New York, St. Martin's Press.

32. Jones M. 2019. Prelude to the Skybolt crisis: The Kennedy administration's approach to British and French strategic nuclear policies in 1962. *Journal of Cold War Studies*, vol. 21, no. 2, pp. 58–109.

33. Kaplan L.S., Landa R.D., Drea E.J. 2006. The McNamara ascendancy, 1961–1965. In: Goldberg A. (ed.). *History of the Office of the Secretary of Defense*. Vol. 5. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office.

34. Kieninger S. 2016. *Dynamic détente: The United States and Europe, 1964–1975*. Lanham, Lexington Books.
35. Krepon M. 2021. *Winning and losing the nuclear peace: The rise, demise, and revival of arms control*. Stanford, Stanford University Press.
36. Kusunoki A. 2008. The Satō cabinet and the making of Japan's non-nuclear policy. *The Journal of American-East Asian Relations*, vol. 15, no. 1, pp. 25–50. DOI: 10.1163/187656108793645806.
37. Lebovic J.H. 2013. *Flawed logics: Strategic nuclear arms control from Truman to Obama*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.
38. Leffler M.P. 2005. Cold War and global hegemony, 1945–1991. *OAH Magazine of History*, vol. 19, no. 2, pp. 65–72.
39. Lutsch A. 2022. From Bonn to Valhalla? West German nuclear ambitions, France and U.S. nuclear assistance, 1960–63. In: Badalassi N., Gloriant F. (eds.). *France, Germany, and nuclear deterrence: Quarrels and convergences during the Cold War and beyond*. New York, Berghahn Books, pp. 61–89.
40. Lutsch A. 2017. In favor of 'effective' and 'non-discriminatory' non-dissemination policy: The FRG and the NPT negotiation process (1962–1966). In: Popp R., Horovitz L., Wenger A. (eds.). *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order*. London, Routledge, pp. 36–57.
41. Murray D. 2000. *Kennedy, Macmillan and nuclear weapons*. London, Palgrave Macmillan.
42. Nuti L. 2017. 'A turning point in postwar foreign policy': Italy and the NPT negotiations, 1967–1969. In: Popp R., Horovitz L., Wenger A. (eds.). *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order*. London, Routledge, pp. 77–96.
43. O'Driscoll M. 1998. 'Les Anglo Saxons', F-I-G and the rival conceptions of 'advanced' armaments research and development co-operation in Western Europe, 1956–1958. *Journal of European Integration History*, vol. 4, no. 1, pp. 105–130.
44. Oliver K. 1998. *Kennedy, Macmillan and the nuclear test-ban debate, 1961–63*. London, Palgrave Macmillan.
45. Mandelbaum M. (ed.). 1990. *The other side of the table: The Soviet approach to arms control*. New York, London, Council on Foreign Relations Press.
46. Palmer D.A.R. 2019. *A strategic odyssey: Constancy of purpose and strategy-making in NATO, 1949–2019: NATO Defense College research paper No. 3*. Rome, NATO Defense College, Research Division. Available at: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDC_RP_03.pdf (accessed: 15.06.2024).
47. Priest A. 2011. The president, the 'theologians' and the Europeans: The Johnson administration and NATO nuclear sharing. *The International History Review*, vol. 33, no. 2, pp. 257–275. DOI: 10.1080/07075332.2011.555437.

48. Rapp-Hooper M. 2020. *Shields of the republic: The triumph and peril of America's alliances*. Cambridge, Harvard University Press.

49. Rearden S.L. 2004. The dilemmas of dual containment: Germany as a security problem, 1945–1950. In: Junker D. (ed.). *The United States and Germany in the era of the Cold War, 1945–1990: A handbook*. Vol. 1: 1945–1968. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 204–208.

50. Richter W. 2024. German efforts to halt the disintegration of nuclear and conventional arms control. In: Kühn U. (ed.). *Germany and nuclear weapons in the 21st century: Atomic Zeitenwende?* London, Routledge, pp. 157–181.

51. Schelling T.C., Halperin M.H. 1961. *Strategy and arms control*. New York, The Twentieth Century Fund.

52. Schwabe K. 2004. Adenauer and nuclear deterrence. In: Loth W. (ed.). *Europe, Cold War and coexistence, 1953–1965*. London, Routledge, pp. 33–51.

53. Seaborg G.T., Loeb B.S. 1987. *Stemming the tide: Arms control in the Johnson years*. Lexington, Lexington books.

54. Stromseth J.E. 1988. *The origins of flexible response: NATO's debate over strategy in the 1960s*. London, Palgrave Macmillan.

55. Tal D. 2017. *US strategic arms policy in the Cold War: Negotiations and confrontation over SALT, 1969–1979*. New York, Routledge.

56. Walker J. 2010. *British nuclear weapons and the test ban 1954–1973. Britain, the United States, weapons policies and nuclear testing: Tensions and contradictions*. London, Routledge.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования
11.06.2024; принята к публикации 26.06.2024

The paper was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 11.06.2024;
accepted for publication 26.06.2024

И.А. Истомин, А.В. Левченко*

МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации» 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

После окончания холодной войны в академической и экспертной среде развернулась широкая дискуссия относительно целесообразности сохранения военно-политических альянсов ввиду снижения интенсивности вооруженных конфликтов и минимизации вероятности возникновения крупных межгосударственных войн. Эти рассуждения, однако, столкнулись с новой постбиполярной международной реальностью, в которой стали активно формироваться новые союзы и коалиции, а старые объединения были подвергнуты реформированию и/или расширили членский состав. На практике государства не только продолжили рассматривать союзничество как важный инструмент внешней политики, но и стали активно разрабатывать новые формы союзов и коалиций. В этой связи цель настоящей статьи — выявление и оценка тенденций эволюции союзничества в период 1990–2010-х годов. Во-первых, авторы обращают особое внимание на снижение интереса ведущих держав к формализации союзнических отношений, которая всё больше воспринимается ими как излишнее обременение при стабильной конвергенции интересов. При этом исследователи отмечают, что ведущие державы в постбиполярный период придерживались разных подходов к союзничеству и коалиционному строительству: в то время как США укрепили трансатлантическое ядро (НАТО) в американоцентричной сети альянсов, опираясь при этом на более гибкие

* *Истомин Игорь Александрович* — кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343); *Левченко Алла Вадимовна* — соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

** Материал подготовлен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20170).

малосторонние форматы в других регионах мира, Россия, Индия и Китай в целом не стремились к расширению союзничества, а гарантии коллективной безопасности предоставляли избирательно. Вместе с тем указанные игроки, по мнению авторов, были едины в использовании асимметричных союзов в качестве не только инструментов сдерживания потенциальных противников, но и механизмов контроля над младшими партнерами в условиях борьбы за сферы влияния. Во-вторых, магистральной тенденцией в развитии союзничества является так называемое ритуальное союзничество, когда военно-политические обязательства включаются в повестку дня региональных интеграционных группировок скорее как дополнение к субстантивному вопросам сотрудничества. Наконец, в 1990–2010-х годах расширился спектр практических форматов союзничества: от традиционных приоритетов поддержания территориальной обороны фокус сместился в сторону проведения экспедиционных операций в составе коалиций, которые помимо собственно государств-партнеров включают и негосударственные патронажные сети. В заключение авторы отмечают, что крупные державы продолжают полагаться на комбинированные формы союзничества, при этом всё большее стратегическое значение будет приобретать борьба за лояльность последователей на фоне усиливающегося межгосударственного соперничества.

Ключевые слова: альянсы, военно-политические союзы, коалиция, асимметричные союзы, союзничество, межгосударственное соперничество, постбиполярный период, НАТО

Для цитирования: Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92.

Igor A. Istomin, Alla V. Levchenko

CHANGING ROLE OF SECURITY ALLIANCES IN THE POST-COLD WAR ERA

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In the aftermath of the Cold War, both scholars and experts frequently questioned the political relevance of security alliances, given the declining

intensity of armed conflicts and the decreasing probability of major interstate wars. However, the post-bipolar international reality marked by the burgeoning of new alliances and coalitions, with old associations being reformed and/or expanded in membership rendered these questions obsolete. In fact, states not only continue to consider military alliance as an important foreign policy tool but actively develop new forms of alliances and coalitions. The article identifies the key trends in the evolution of military and political alliances over the period from the 1990s till the 2010s. Firstly, the authors highlight the waning interest of the leading powers towards formalized allied relations, since they increasingly perceive the latter as an unnecessary burden. At the same time, the researchers note that the leading powers adhered to different approaches to alliance and coalition building in the post-bipolar period. While the United States strengthened the transatlantic core (NATO) in the U.S.-centered network of alliances, relying on more flexible plurilateral formats in other regions of the world, Russia, India, and China did not seek to expand their respective blocs, providing collective security guarantees selectively. That said, all major powers share interest in promoting and developing asymmetric alliances both as tools to deter potential opponents and leverages over junior partners amidst the struggle for spheres of influence. Secondly, the authors conclude that the key feature of the post-Cold War coalition-building is the so-called ritual alliance, when military and political commitments are included in the agenda of regional integration groupings as an addition to substantive issues of cooperation rather than the reverse. Finally, in the 1990s and 2010s, the range of formats of an alliance expanded: from the traditional priorities of territorial defense, the focus has shifted towards expeditionary operations as a part of coalitions, the latter including not only sovereign states but also non-state patronage networks. In conclusion, the authors note that the major powers will continue to promote combined forms of alliances, as the loyalty of partners becomes of increasing strategic importance against the background of growing interstate rivalry.

Keywords: alliances, military-political alliances, coalition, asymmetric alliances, coalition-building, interstate rivalry, post-bipolar period, NATO

About the authors: Igor A. Istomin — PhD (Political Science), Acting Chair, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343); Alla V. Levchenko — PhD Candidate, MGIMO University (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 17-78-20170.

For citation: Istomin I.A., Levchenko A.V. 2024. Changing role of security alliances in the post-Cold War era. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92. (In Russ.)

Военно-политические альянсы выступали неотъемлемым элементом международных отношений на протяжении истории. Тем не менее после распада биполярной системы их значимость была поставлена под сомнение. Широкое распространение приобрели утверждения об устаревании межгосударственных войн и общем уменьшении уровня организованного насилия в мире [Mueller, 1989; Pinker, 2011]. Следовательно, снижение рисков вооруженной борьбы должно было привести к исчезновению запроса на союзничество, которое традиционно рассматривалось в качестве инструмента аккумуляирования потенциалов для балансирования более мощных противников [Waltz, 1979].

Неудивительно, что рубеж 1980–1990-х годов был отмечен исчезновением одних военно-политических объединений (таких как Организация Варшавского договора) и дискуссиями относительно возможности расформирования других (Североатлантический альянс). Тем не менее эта тенденция не получила развития впоследствии. Наоборот, после окончания холодной войны наблюдалось появление новых альянсов (например, Организация Договора о коллективной безопасности), расширение ранее созданных (НАТО), а также придание военно-политических функций объединениям, прежде ориентированным на другие сферы сотрудничества (Европейский союз). Такая динамика объяснялась приспособлением альянсов к изменявшимся условиям, переосмыслением их функций, распространением смежных форматов межгосударственного взаимодействия.

Цель настоящей статьи состоит в определении тенденций эволюции союзничества в период 1990–2010-х годов. Начало 2020-х годов характеризуется резким возрастанием рисков возобновления крупных войн между ведущими мировыми державами в контексте усиления военно-политической и экономической конкуренции. При этом изменение повестки глобальной безопасности отражает структурные сдвиги в международной системе. В этой связи появляется возможность подвести итоги преобразо-

вания союзничества в рамках завершившегося 30-летнего этапа и оценить значение сформировавшихся форматов и подходов в новых условиях.

В российской и зарубежной научной литературе изучению военно-политических альянсов уделяется растущее внимание [Истомин и др., 2018; Сучков, Ходынская-Голенищева, 2021; Ghez, 2011; Ironclad..., 2019; Karlsrud, Reykers, 2020], при этом до сих пор не было предпринято заметных попыток представить систематизированный обзор новых типов и форм союзнических отношений, ставших неотъемлемыми элементами международной практики после холодной войны. Тем не менее в 2021 г. в МГИМО была издана монография «Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции» [Стратегии союзничества в современном мире..., 2021], в которой дана характеристика различных вариантов сотрудничества в военно-политической сфере, в том числе в условиях современных международных отношений. Среди иностранных публикаций выделяются работы Т. Уилкинса [Wilkins, 2008, 2011, 2012, 2015], который провел концептуально-таксономический анализ понятия «альянс», соотнеся его с другими формами военно-политического сотрудничества и проиллюстрировав конкретными историческими примерами.

В настоящей статье рассмотрены традиционные и новые формы военно-политического союзничества, а также их роль и значение в качестве инструментов проведения внешней политики государств. Соответственно за пределами исследования оказываются практики экономической интеграции, технологических альянсов, секторальных партнерств или иных форм сотрудничества, не имеющих отношения к совместной вооруженной борьбе. Вне рамок настоящей работы находятся также организации коллективной безопасности и различные инструменты управления межгосударственным соперничеством (такие как контроль над вооружениями или меры доверия).

Ввиду неоднозначности категории союзничества анализ трендов предвзается прояснением терминологических нюансов, связанных с определением различных типов объединений государств как «альянсов» или «коалиций». Далее рассмотрены причины, обусловившие снижение интереса к формальному закреплению обязательств между ведущими державами, а также

проанализирован обширный опыт асимметричного союзничества после холодной войны. Наибольшее внимание уделено практикам функционирования американоцентричных альянсов, так как США на протяжении долгого времени удерживали доминирующее положение на «рынке» союзничества. Вместе с тем рассмотрены также примеры закрепления военно-политических обязательств в рамках региональных объединений. После этого представлен опыт коалиционного взаимодействия в рамках вооруженных конфликтов в 1990–2010-х годах. В заключение авторы подводят итоги проведенного анализа.

Формы союзничества в международной политике

Феномен военно-политического союзничества в исследованиях международной безопасности имеет две субстантивно различающиеся трактовки. Первая концентрируется на *юридически закреплённых обязательствах* оказания поддержки в случае вооруженного конфликта. В рамках второй приоритетное внимание уделяется *реальным практикам кооперативного взаимодействия* государств (включающим дипломатическую поддержку и материальную помощь) по значимым для них вопросам международной безопасности [Wilkins, 2012].

Терминологически объединения, соответствующие формально-юридическому пониманию союзничества, как правило, обозначаются как *альянсы*. В свою очередь случаи неоформленного договорами о взаимных гарантиях безопасности, но в действительности осуществляемого военно-политического сотрудничества в русскоязычных публикациях характеризуются как *коалиции*. При этом на практике в международных отношениях нередко наблюдаются экстравагантные соотношения формально закреплённых статусов и ситуативно возникающих группировок государств.

Например, в 2003 г. Германия и Франция, выступив против политики Вашингтона в отношении Ирака, вошли в политическую коалицию с Москвой. В то же время обе западноевропейские страны оставались союзниками Соединённых Штатов по Североатлантическому альянсу. Между тем Россия оппонировала разворачивавшейся параллельно политике расширения НАТО. Таким образом, в отдельных случаях практическая кооперация

может выстраиваться вопреки формальным обязательствам или по крайней мере без их учета¹.

Подобные формы волюнтаризма в выстраивании кооперативных связей без привязки к договорным форматам могут быть следствием ослабления напряженности в международной политике, когда риски вооруженных конфликтов между государствами снижаются. Неудивительно, что после холодной войны распространение таких форм сотрудничества не приводило к эвентуальному подрыву юридически закрепленных альянсов. В период биполярности также накапливались политические противоречия между союзниками (например, между Францией и западными странами или Советским Союзом и Китаем), но они всё же приводили к последующему разрыву формализованных обязательств.

Зачастую договоренности, не имеющие юридического закрепления, представляются менее надежными по сравнению с «полноценными альянсами». Между тем коалиционные связи, воплощая совпадение интересов государств, могут сохраняться неопределенно долго — до тех пор, пока предпочтения их участников остаются неизменными. Более того, если конвергенция предпочтений очевидна и стабильна, то юридическое закрепление обязательств оказывается излишним (равно как и в обыденной жизни отношения между близкими друзьями не нуждаются в контрактном оформлении).

На практике международная обстановка в большинстве случаев характеризуется динамичными изменениями, а относительно намерений контрагентов почти всегда присутствует неустранимая неопределенность (асимметрия доступа к информации [Fearon, 1995]). В результате большинство коалиций оказываются кратковременными и ситуативными [Rice, 1997]. Зачастую сам по себе успех объединения становится прологом его распада. Достигнув общей цели, государства лишаются причин для дальнейшей кооперации и нередко превращаются в противников. Пример тому дает антигитлеровская коалиция, возникшая в ходе Второй мировой войны, но сменившаяся жестким противостоянием между СССР и западными союзниками.

¹ В этой связи в политической риторике порой используется выражение «союзник, но не соратник» (*allied, but not aligned*), к которому, в частности, прибегают французские дипломаты и руководители.

Противоположной крайностью являются утверждения, что альянсы, основанные на письменных договоренностях, стоят не дороже той бумаги, на которой они записаны [Carr, 1939; Morgenthau, 1948]. В таких заявлениях не учитывается, что в условиях недостатка информации касательно реальных намерений государств на международной арене формализация союзничества (заключение договора) выступает сигналом как друг другу, так и потенциальным противникам о готовности прийти на помощь в оговоренных случаях [Smith, 1995]. Основным залогом верности данным обязательствам становится международно-политическая репутация: государства, систематически нарушающие союзные договоренности, сталкиваются с растущими трудностями и издержками при необходимости формирования новых альянсов и коалиций [Gibler, 2008; Crescenzi et al., 2012; Snyder, Diesing, 2015].

Исторический опыт свидетельствует, что государства в большинстве случаев выполняют требования заключаемых договоров (в серии исследований, опиравшейся на базу данных АТОР — Alliance Treaty Obligations and Provisions, авторы пришли к выводу, что участники альянсов оказываются верны принятым на себя обязательствам в трех случаях из четырех [Leeds et al., 2000; Leeds et al., 2002; Leeds, 2003]). В то же время зачастую государства стараются обставлять свою помощь большим числом условий и оговорок еще на стадии установления союзничества — тем самым они минимизируют вероятность наступления обстоятельств, требующих от них вмешательства на стороне партнеров². В этой связи при оценке надежности союзнических отношений сложно давать обобщенные выводы только на основе их отнесения к категории альянсов — необходимо учитывать специфические положения конкретных документов.

В частности, в рамках 5-й статьи Вашингтонского договора каждая страна — участница НАТО обязалась в случае нападения на одного из членов альянса оказать помощь «путем немедленного осуществления такого индивидуального или *совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопас-*

²Для обозначения ситуации, требующей активизации союзных обязательств, используется латинское выражение *casus foederis*.

ности Североатлантического региона»³. Бывший госсекретарь США Д. Ачесон в своих мемуарах подробно описывал сопутствующие заключению договора сложности, связанные с противодействием американских сенаторов вероятности «автоматического вовлечения» в военные конфликты за сторонние интересы [Acheson, 1987]. Склонность к использованию расплывчатых формулировок достаточно типична для «творцов» договоров о военно-политических альянсах, поскольку они допускают широкое пространство для интерпретаций. Положения договоров обычно проясняются и пересматриваются в ходе конкретного опыта взаимодействия участников.

Многообразие различных форм и условий, которыми оговаривается сотрудничество, делает международные альянсы весьма гибким инструментом внешней политики государств. Вместе с тем юридическое закрепление ограниченных обязательств может порождать у их политического руководства ожидания от контрагентов лояльности по более широкому кругу вопросов, в том числе выходящих за рамки подписанных договоров [Snyder, 2007]. Подобные ожидания особенно характерны для крупных государств, находящихся в союзе с более слабыми участниками, которые фактически обменивают часть своей автономии в принятии внешнеполитических решений на гарантии безопасности [Morrow, 1991]. Показательным проявлением таких представлений стал запрос Вашингтона к союзникам по НАТО на оказание содействия в его интервенционистских операциях 1990–2000-х годов. Критика со стороны ряда западных стран американского вторжения в Ирак обостренно воспринималась США как проявление дефицита преданности⁴. Аналогично уклончивая позиция Германии в отношении интервенции в Ливии вызвала недовольство ее союзников. В обоих случаях речь шла об операциях,

³ Североатлантический договор: Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. // Организация Североатлантического договора. 20.10.2023. Доступ: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Широкоую известность получила формула, приписываемая советнику по национальной безопасности США Кондолизе Райс: «Францию наказать, Германию игнорировать, Россию простить». См.: Hoagland J. Three miscreants // The Washington Post. 12.04.2003. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/04/13/three-miscreants/5b846b52-9935-4bb5-86c4-c71589ad994a/> (accessed: 25.04.2024). Показательно, что позиция Москвы, не входившей в НАТО, воспринималась наименее болезненно.

не подпадавших под категорию коллективной обороны. Таким образом, на практике даже в формализованном союзничестве может сохраняться значительная дистанция между буквой подписанных документов и реально осуществляемой деятельностью. Важной особенностью при этом является то, что приверженность более сильного игрока обеспечению защиты младших союзников, как правило, официально закреплена в документах, а по известным нормативно-правовым основаниям обещание политической верности младших партнеров не может стать формальным обязательством [Истомин, Байков, 2019]. В этом смысле ведущие державы полагаются на «благоразумие» зависимых союзников в проведении дружественной внешней политики.

Традиционно ключевым положением, отличающим союзнические отношения от других форм международного сотрудничества государств, выступало обязательство предоставления помощи (в первую очередь военной) в условиях вооруженного конфликта [Liska, 1962; Osgood, 1968; Snyder, 2007]. Вместе с тем на практике данное положение сосуществует с множеством форм военно-политической кооперации, размывающих традиционные типологии. В том числе государства сотрудничают в обучении военных, создании и закупках вооружений и военной техники, реформировании вооруженных сил, обеспечении слаженности и совместимости войск в различных типах операций.

Не всегда этим формам кооперации сопутствуют твердые обязательства оказания помощи в случае конфликта. Они получили широкое распространение после холодной войны как способ закрепления внешнеполитической ориентации государств, который позволял исключить вероятность нежелательного втягивания собственных вооруженных сил в чужие противостояния. В частности, Соединенные Штаты с 1989 г. стали присваивать отдельным странам статус «основного союзника вне НАТО»⁵. Его наличие открывает приоритетным американским партнерам более широкие возможности для развития военно-технического сотрудничества с США. В то же время связанные с этим статусом привилегии не

⁵ На 2022 г. таким статусом обладали 18 государств: Австралия, Аргентина, Бахрейн, Бразилия, Египет, Израиль, Иордания, Катар, Колумбия, Кувейт, Марокко, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Таиланд, Тунис, Филиппины, Япония. См.: Major non-NATO ally status / U.S. Department of State. 20.01.2021. Available at: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status/#footnote> (accessed: 01.03.2024).

соответствуют устоявшемуся представлению об альянсах, так как не гарантируют американскую защиту в случае вооруженного нападения.

Несмотря на столь расширительное использование риторики союзничества, оно по большей части продолжает ассоциироваться с исключительно высоким уровнем обязательств. Во многих случаях государства предпочитают прибегать к более размытым категориям для характеристики сотрудничества с контрагентами (таким как «стратегическое партнерство» или «специальные отношения»), избегая употребления столь обязывающей категории, как альянс. Показательно, что, несмотря на увеличение западных поставок вооружений и расширение других форм военного содействия Киеву, глубокое взаимодействие американской и украинской разведок после 2014 г., Украина не получила статуса «основного союзника вне НАТО».

Дополнительную сложность анализу союзнических связей добавляет наличие секретных альянсов или засекреченных положений в союзных договорах, что затрудняет оценку уровня и условий сотрудничества между государствами. В том числе стороны могут сохранять амбивалентность относительно наличия или отсутствия обязательств по взаимной помощи в случаях вооруженных конфликтов [Bas, Schub, 2016]. Использование секретных положений было характерно в прошлом для наступательных альянсов, ориентированных на территориальную экспансию, но и в настоящее время отдельные аспекты военно-политического сотрудничества могут регулироваться закрытыми документами.

В частности, низкий уровень транспарентности характерен для отношений Вашингтона с арабскими монархиями. Например, секретный характер носил текст заключенного в 1994 г. Соглашения об оборонном сотрудничестве между США и Объединенными Арабскими Эмиратами. После подписания в 2017 г. обновленного соглашения стороны раскрыли различные меры военно-политического сотрудничества, которые регулировались его положениями. В то же время сам документ так и не был опубликован⁶.

⁶ Sharp J.M. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. policy // Congressional Research Service. 13.09.2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf> (accessed: 20.02.2024).

Подводя итог рассмотрению терминологических дискуссий по вопросам союзничества, следует заключить, что юридически закрепленные альянсы и неформальные коалиции представляют собой качественно различающиеся, хотя и взаимосвязанные формы военно-политической кооперации. Нельзя утверждать, что какая-то из них обладает приоритетом, отражает более высокий уровень сотрудничества или оказывается более устойчивой по сравнению с другой формой. По своей природе они сущностно различаются.

Заключение *альянсов* выступает в первую очередь инструментом внешнеполитического сигнализирования, но после создания они способны порождать у участников набор новых ожиданий и интересов, воздействующих на их дальнейшее поведение (прежде всего, поддержание союзнических отношений может приобретать самостоятельную ценность, переставая играть чисто инструментальную роль). В свою очередь *военно-политические коалиции* — это механизм объединения ресурсных потенциалов государств для противодействия общему противнику или для достижения совместимых целей. Формирование коалиций предполагает определение конкретной проблемы, требующей кооперации государств для ее решения без обязательств долгосрочного сотрудничества [Pierre, 2002]. Такие формы союзничества в меньшей степени влияют на национальные идентичности и интересы, чем альянсы. Несмотря на то что нередко примеры использования инфраструктуры и возможностей альянса для формирования коалиции, подготовка и проведение боевых действий этими объединениями могут существенно различаться. Так, в рамках альянсов требуется достижение политической сплоченности и согласия между союзниками для осуществления эффективного военного планирования, в то время как в коалиции достаточно добиться оперативной совместимости сил участников [Weitsman, 2010].

Общей характеристикой и альянсов, и коалиций остается их нацеленность на противодействие внешней угрозе. В этом они отличаются от сообществ безопасности, в которых акцент делается на поддержание мира между непосредственными участниками формируемого объединения [Walt, 1990, 1997]. Альянсы и коалиции создаются в первую очередь против кого-то (или чего-то), а общая позитивная повестка выступает уже в качестве дополнения к негативной.

Соотношение равновесных и асимметричных альянсов

Особенностью международных отношений со второй половины XX столетия выступало фактическое отсутствие равновесных альянсов между крупными державами. Такое положение установилось еще в период холодной войны и сохранилось после ее окончания. Между тем оно не было типичным на протяжении истории: в XVII–XIX вв. альянсы между крупными европейскими государствами являлись распространенной практикой. Перед Первой мировой войной образовалась сложная система формализованных обязательств, охватывавшая в том числе и внерегиональных игроков, в первую очередь Японию.

Возможным объяснением снижения стремления крупных держав к заключению альянсов друг с другом стало появление в середине XX в. ядерного оружия. Его наличие дает возможность нанести неприемлемый ущерб потенциальному агрессору, а значит, снижает потребность во внешней помощи в случае вооруженного конфликта. В этом отношении для ведущих ядерных государств интерес к формализации союзничества в целях коллективной обороны снизился.

В этой связи, например, сближение России и Китая со второй половины 1990-х годов привело к формированию устойчивой коалиции, отстаивающей схожие позиции по широкому кругу вопросов международной повестки. Уже на ранних этапах кооперации Москва и Пекин пошли на демилитаризацию общей границы, впоследствии наметилось укрепление военно-технического сотрудничества, в том числе по вопросам стратегического сдерживания. Стороны регулярно проводят совместные учения различного масштаба. Они также подписали соглашение о взаимодействии в киберпространстве, которое превращается в еще одну область силового противоборства⁷.

Тем не менее углубление российско-китайской кооперации не приводит к оформлению альянса в традиционном понимании. Стороны избегают юридического закрепления обязательств, которые повысили бы вероятность нежелательного вовлечения в конфликтные ситуации [Киреева, 2019]. Более того, Россия и Китай также не

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.05.2015. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1> (дата обращения: 25.02.2024).

пошли на превращение в военно-политический альянс Шанхайской организации сотрудничества, хотя она изначально создавалась как инструмент кооперации в сфере безопасности. Тем не менее стороны нарочито подчеркивают, что их отношения «не являются военно-политическим союзом», а «превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия»⁸.

Ряд наблюдателей связывают такое положение со стратегической культурой КНР, которая не приемлет формализации обязательств [Ruonan, Feng, 2017]. Вместе с тем опыт последних десятилетий свидетельствует о высокой адаптивности и прагматичности китайской политики. Скорее отказ от заключения альянса, основанного на взаимной военной помощи, объясняется его нерелевантностью для обеих держав, которые и в период сравнительной слабости в 1990-х годах, и на фоне роста международной конкуренции в 2010-х исходили из способности обеспечить сдерживание за счет угрозы неприемлемого ущерба в отношении возможного противника.

Напротив, Германия и Япония, которые ввиду своего экономического, технологического и военного потенциала могли бы с наибольшими основаниями претендовать на равноправное взаимодействие с Соединенными Штатами, по совокупности политических и юридических причин ограничены в развитии своих вооруженных сил и не обладают ядерным оружием. В результате их отношения с Вашингтоном определяются системой формальных обязательств, которые закрепляют подчиненное положение Берлина и Токио. В случае Японии асимметричный характер альянса имеет договорное выражение: соглашение 1960 г. не требует от нее оказывать помощь Соединенным Штатам в случае нападения на их территорию, но обязывает размещать американские войска на своей [Christensen, 1999].

Последний пример отражает более широкую практику использования военно-политических альянсов как одного из инструментов закрепления неравноправных отношений между государствами и кодификации сфер влияния крупных игроков [Womack, 2016]. Для последних они выступают не столько как инструменты сдерживания потенциальных противников, сколько как механизмы контроля

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 21.03.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 25.02.2024).

над младшими союзниками. В частности, такие альянсы снижают вероятность появления у последних независимых ядерных арсеналов. В этом отношении показательны примеры не только Германии и Японии, которые так и остаются неядерными государствами, но и Великобритании, создавшей собственную бомбу, но поставившей ее под фактический контроль Соединенных Штатов.

В более широком смысле альянсы могут использоваться для ограничения связей младших союзников с потенциальными противниками, предотвращения присутствия на их территории контингентов недружественных держав и для создания дополнительных оснований для размещения собственных войск. Именно такую роль Вашингтон изначально отводил Организации Североатлантического договора. В ряде случаев альянсы используются для сдерживания союзников от проведения слишком авантюрной политики. Показательно, что на основе соглашения между США и Республикой Корея южнокорейская армия была поставлена под контроль американских военных [Cha, 2016]. Такое условие было связано с опасениями Вашингтона относительно ревизионистских устремлений Сеула, готового возобновить вооруженную борьбу за присоединение севера.

Асимметричное союзничество как инструмент американского доминирования

В период после окончания холодной войны США располагали наиболее широкой сетью союзников, отношения с которыми формализованы на основании двух многосторонних и ряда двусторонних договоров [Beckley, 2015]. Вашингтон удерживал такое положение на протяжении последующих трех десятилетий. Если говорить только о юридически закрепленных и публично декларируемых обязательствах о взаимной военной помощи, то Соединенные Штаты находятся в альянсе с 55 государствами — членами ООН, а также предоставляют гарантии безопасности Тайваню на основе национального законодательства. При этом более половины американских союзников приходится на евро-атлантический блок НАТО. В организацию, созданную в 1949 г., на март 2024 г. входили 32 страны.

Особенностью Североатлантического альянса выступает высокий уровень институционализации: наряду с постоянно действующей переговорной площадкой на уровне дипломатических представителей государств — членов организация располагает обширным

секретариатом и разветвленной военно-штабной структурой⁹. Кроме того, НАТО имеет даже собственные небольшие военно-воздушные силы, поддерживая две эскадрильи самолетов электронной разведки AWACS. Первоначальные импульсы развитию общих структур альянса придали, с одной стороны, фронтальный характер противостояния в Европе в годы холодной войны и отставание в конвенциональных силах от Советского Союза, с другой — опасения относительно возрождения германского милитаризма, которые побуждали к усилению международного контроля над вооруженными силами ФРГ¹⁰.

В период после распада биполярного порядка институциональная структура НАТО претерпела несколько раундов реформирования, но в своей основе сохранилась. Более того, она использовалась в качестве одного из аргументов сторонниками сохранения альянса после исчезновения основного потенциального противника блока в 1991 г.: общие структуры координации позиционировались как актив для поддержания трансатлантического сотрудничества в условиях высокой непредсказуемости и волатильности международной среды.

После окончания холодной войны блок также приобрел еще один механизм, отличавший его от других многосторонних союзов: в 1990-х годах появился институт партнерства с НАТО, позволивший привлечь к сотрудничеству с альянсом широкий круг стран без распространения на них обязательств по коллективной обороне. Если в рамках первоначальной программы «Партнерство ради мира» предполагалось участие только европейских государств, то впоследствии были созданы дополнительные инструменты, распространившие статус партнеров на страны Ближнего и Среднего Востока, а также Азиатско-Тихоокеанского региона. Институт партнерства

⁹ Особенностью положения Франции с 1966 по 2009 г. выступало то, что, будучи полноценным членом НАТО, она не участвовала в работе штабных органов. Вместе с тем подобное неучастие в значительной степени было политическим символом, так как на практике военное сотрудничество с другими странами — членами альянса оставалось весьма интенсивным, хотя и регулировалось отдельными двусторонними документами.

¹⁰ В этой связи первому генеральному секретарю НАТО лорду Г. Исмю приписывается формула, что альянс создавался для того, чтобы удерживать «американцев в Европе, русских вне Европы, а немцев под контролем» (*'Americans — in, Russians — out, Germans — down'*).

позволил НАТО оказывать воздействие на военное строительство в странах-контрагентах и привлекать их к проводимым альянсом операциям. В конечном счете он выступал одним из механизмов закрепления внешнеполитической ориентации широкого круга государств на США. Для наиболее активных сторонников в Европе такой институт стал промежуточным этапом на пути вступления в НАТО.

При этом произошла существенная дифференциация по уровню реальной кооперации государств, аффилированных с альянсом. В результате ряд стран (например, Грузия, а также Финляндия, Швеция до вступления последних двух в НАТО) были настолько глубоко интегрированы в различные аспекты деятельности блока, что мало отличались по своему реальному положению от его членов, за исключением распространения на них юридических гарантий по коллективной обороне. В этих условиях в рамках НАТО нередко разворачиваются дискуссии относительно уровня неформальных, но политически чувствительных обязательств в отношении партнеров, не являющихся членами блока [Cottey, 2018].

Другой многосторонний военно-политический альянс, созданный при участии США, оперирует в Западном полушарии. Межамериканский договор о взаимной помощи, также известный как Пакт Рио, был подписан еще до создания НАТО — в 1947 г. В него наряду с Соединенными Штатами вошли все независимые на тот момент страны Латинской Америки. На протяжении холодной войны Вашингтон активно использовал Пакт Рио и Организацию американских государств для противодействия просоветским силам в регионе. Тем не менее ввиду отсутствия сопоставимой с европейским театром угрозы прямого вооруженного столкновения с Советским Союзом многостороннее военно-политическое сотрудничество в Латинской Америке не получило столь же высокого уровня институционализации, как в Европе. В большей степени оно протекало в формате двусторонних связей США с отдельными региональными партнерами.

В XXI в. в условиях роста оппозиции Вашингтону в Латинской Америке со стороны стран левой ориентации несколько государств вышли из Пакта Рио. Первой по этому пути пошла Мексика в 2004 г., а в 2012–2014 гг. состоялся коллективный выход представителей Боливарианской альтернативы для Америк (Боливии, Венесуэлы,

Кубы, Никарагуа, Эквадора). Во второй половине 2010-х годов политический климат в регионе начал меняться, и в ряде стран к власти пришли правительства, более лояльные к Соединенным Штатам. Тем не менее в сентябре 2019 г. о выходе из Пакта Рио заявил Уругвай, выступивший против санкционного давления на Венесуэлу, в которой начались прямые столкновения между правительством Николаса Мадуро и оппозицией, поддержанной США¹¹. Таким образом, после окончания холодной войны выход из Пакта Рио стал значимым инструментом демонстрации фронды ряда латиноамериканских государств в отношении Вашингтона.

Имевшие место в период биполярности американские попытки формирования аналогичных НАТО и Пакту Рио многосторонних альянсов в других регионах (Багдадский пакт — СЕНТО, Манильский пакт — СЕАТО, Тихоокеанский пакт — АНЗЮС) оказались по большей части неудачными. В результате на Ближнем Востоке Соединенные Штаты опираются на ряд неформализованных или публично не афишируемых обязательств в отношении отдельных региональных партнеров¹², а в Азии — на систему «оси и спиц». Под последней понимают комплекс двусторонних альянсов США с Австралией, Республикой Корея, Таиландом, Филиппинами и Японией. Кроме того, после того как в 1970-х годах в рамках нормализации отношений с Пекином Вашингтон отказался от дипломатического признания Тайваня, американский Конгресс принял специальный закон, гарантирующий последнему американскую защиту. Наконец, такие малые островные государства, как Маршалловы Острова,

¹¹ In support of Venezuela, Uruguay abandons the Rio Treaty // MercoPress. 25.09.2019. Available at: <https://en.mercopress.com/2019/09/25/in-support-of-venezuela-uruguay-abandons-the-rio-treaty> (accessed: 10.02.2024). 27 сентября 2019 г. Уругвай направил в организацию уведомление о денонсации Межамериканского договора о взаимной помощи, а 10 марта 2020 г. информировал об отказе от денонсации. См.: Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance (Rio Treaty) // Organization of American States. Available at: <https://www.oas.org/juridico/english/Sigs/b-29.html> (accessed: 01.03.2024).

¹² Наиболее показательным случаем в этом отношении выступает американо-израильское взаимодействие. Судя по политическим заявлениям и реальной практике, оно носит исключительно тесный характер. В сфере военно-технического сотрудничества Тель-Авив пользуется привилегиями даже большими, чем большинство союзников Вашингтона. Американские представители не раз заявляли о готовности защищать Израиль. При этом такие гарантии не оформлены юридически. Отношения США и Израиля могут представлять собой пример исключительно устойчивой коалиции, которой не требуется договорное закрепление.

Республика Палау и Федеративные Штаты Микронезии, подписали договоры о свободной ассоциации с США, на основании которых передали Вашингтону компетенции в сфере обеспечения собственной безопасности и обороны.

После окончания холодной войны американские союзы в Азии подвергались большим рискам распада в сравнении с другими регионами, в том числе в 1990-х годах усилилась критика военно-политического сотрудничества с США в Японии. Тем не менее развитие ракетной и ядерной программ в Северной Корее и подъем Китая сформировали новое обоснование сохранения альянсов ряда азиатских государств с Вашингтоном. В последующие десятилетия в регионе развернулся интенсивный процесс становления новых эксклюзивных форматов военно-политического сотрудничества, инициированных США.

В результате на протяжении 2000-х и 2010-х годов наблюдалась эрозия системы «оси и спиц», связанная с размыванием статусной дифференциации партнеров Вашингтона. В частности, фактически в чистую формальность превратился американо-тайландский альянс. С 2014 г., после переворота в Бангкоке, США перестали оказывать военно-финансовую помощь своему союзнику. В то же время в рамках стратегии «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» Вашингтон отнес к числу своих ключевых контрагентов в Азии Австралию, Японию и Индию¹³. Тем самым США подчеркнули приоритетность отношений с Дели, поставив их на один уровень с двумя крупнейшими союзниками, но выше всех остальных стран.

Наиболее значимыми проявлениями переосмысления системы «оси и спиц» стали гораздо более лояльное по сравнению с периодом холодной войны отношение Вашингтона к развитию горизонтальных связей между его союзниками по альянсам, а также выстраивание гибкой геометрии трехсторонних и четырехсторонних форматов. Прежний примат двусторонних альянсов отражал стремление США максимизировать контроль над младшими союзниками, хотя такая архитектура связей и порождала большие транзакционные издержки. С 2000-х годов на фоне подъема Китая Соединенные Штаты в большей степени заинтересованы в получе-

¹³ Fact sheet: Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. 11.02.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/> (accessed: 15.04.2024).

нии мультипликативных эффектов от сотрудничества региональных игроков, которые, как и Вашингтон, нацелены на сдерживание внешнеполитических амбиций Пекина. Этим и обусловлен переход к малосторонним форматам дипломатической координации и военно-политического взаимодействия (примерами таковых выступают AUKUS¹⁴, Четырехсторонний диалог по безопасности¹⁵, треугольник США — Республика Корея — Япония, четырехстороннее объединение Австралии — США — Филиппин — Японии)¹⁶.

Таким образом, на протяжении 1990–2010-х годов наблюдались разнонаправленные тенденции в развитии американоцентричной сети альянсов: в то время как в Европе США активно лоббировали расширение НАТО, в Латинской Америке сокращалось членство Пакта Рио, а в Азии создавались малосторонние объединения без расширения юридически закрепленных обязательств взаимной военной помощи. При этом Вашингтон достаточно спокойно реагировал даже на разрыв союзнических обязательств, если это происходило за пределами трансатлантического сообщества. Эта разнонаправленная динамика подтверждает привилегированное положение НАТО в системе союзнических отношений, поддерживаемых США.

Союзнические обязательства России, Китая, Индии

В отличие от Соединенных Штатов, другие крупные державы были гораздо более избирательны в принятии формализованных обязательств в военно-политической сфере на протяжении 1990–2010-х годов. В том числе они избегали закрепления обязывающих положений даже при оказании практической военной помощи государствам-партнерам.

¹⁴ AUKUS — объединение Австралии, Великобритании и США, охватывающее ряд областей военно-политического и военно-технического сотрудничества. Компонентом, вызвавшим наибольшие обсуждения, выступает строительство атомных подводных лодок для ВМС Австралии.

¹⁵ Quadrilateral Security Dialogue (Quad) — четырехсторонний стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

¹⁶ В данном случае слово «малосторонний» имеет значение, аналогичное англоязычному понятию *plurilateral*, и призвано подчеркнуть отличия от инклюзивных многосторонних форматов (*multilateral*).

В годы холодной войны Советский Союз во многом повторял американский подход к союзничеству и стремился поддерживать собственную обширную сеть асимметричных альянсов. С 1990-х годов Россия ограничивает формализованные обязательства отношениями с отдельными государствами постсоветского пространства. Тем не менее в 1992 г. на базе СНГ был заключен Договор о коллективной безопасности¹⁷, в котором изначально участвовали шесть стран (Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан), а впоследствии присоединились еще три (Азербайджан, Белоруссия, Грузия). По месту подписания этот документ получил название «Ташкентский договор» (вступил в силу в 1994 г.). В 1999 г. соглашение было продлено, а в 2002 г. на его основе была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). К тому моменту сложился костяк участников оборонного сотрудничества в лице Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. С 2006 по 2012 г. в состав ОДКБ также входил Узбекистан. Другие страны — участницы СНГ к Организации не присоединились. При том что членство в ОДКБ предполагает обязательства по коллективной обороне (на основе ст. 4 Договора), значительная часть ее работы связана с противодействием невоенным угрозам безопасности, в частности с контртеррористической и антинаркотической деятельностью, а также с реагированием на чрезвычайные ситуации [Никитина, 2009]. В 2009 г. были также созданы Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ.

Уникальной особенностью российского подхода к союзничеству с 1990-х годов выступало совмещение многостороннего альянса с обязательствами военной помощи по двусторонним договорам с каждым из его участников. Таким образом, они становились, по сути, дважды союзниками Москвы. Это порождало в том числе правовые коллизии. Например, в 2010 г. в ходе обострения межэтнической напряженности на юге Киргизии (в Ошской области) временное правительство страны, образованное после свержения Курманбека Бакиева, обратилось к России с просьбой о введении

¹⁷ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Организация Договора о коллективной безопасности. Доступ: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 05.05.2024).

мировотворческого контингента третьих сил. Тем не менее решение о направлении контингента было отвергнуто ОДКБ.

С 2008 г. Россия также взяла на себя обязательства по защите Абхазии и Южной Осетии на основании двусторонних договоров вне рамок ОДКБ (более того, другие государства — члены Организации не признают их суверенитет)¹⁸. Вооруженные силы этих двух признанных Москвой государств интегрированы в состав российских военных контингентов, размещенных на их территории. 21 февраля 2022 г. Россия также подписала Договоры о дружбе и сотрудничестве с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, включавшие положения о взаимной военной помощи¹⁹. Таким образом, в период до 30 сентября 2022 г., когда оба государства вошли в состав Российской Федерации, они являлись ее союзниками не только на практике, но и юридически.

В то же время за пределами постсоветского пространства — на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии и других регионах — российская политика строится на стремлении к сотрудничеству с максимальным количеством партнеров, в том числе со странами, находящимися в конфликтных отношениях друг с другом. Проведение подобного курса требует сохранения свободы рук, а значит, плохо совместимо

¹⁸ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, 17 сентября 2008 года (ратифицирован Федеральным законом от 24 ноября 2008 года № 211-ФЗ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45526/ (дата обращения: 25.04.2024); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, 17 сентября 2008 года (ратифицирован Федеральным законом от 24 ноября 2008 года № 211-ФЗ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45527/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 15-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года) // Официальное опубликование правовых актов. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280001> (дата обращения: 25.04.2024); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 16-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года) // Официальное опубликование правовых актов. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280002> (дата обращения: 25.04.2024).

с принятием формализованных обязательств по вмешательству на чужей-то стороне в случае конфликта. В этой связи Москва воздерживается от юридически обязывающих альянсов даже с государствами, которые на практике получали от нее военную помощь в разных формах (такими как Сербия и Сирия).

Две крупнейшие азиатские державы — Китай и Индия — на доктринальном уровне декларируют неприятие юридически обязывающих альянсов, связывая с ними формирование закрытых блоков, рост антагонизма и конфликтности в международной политике. Со времен холодной войны Индия выступала одним из лидеров Движения неприсоединения, которое отстаивало отказ развивающихся стран от необходимости военно-политической аффилиации с одной из сверхдержав. В свою очередь Китай с эпохи Мао Цзэдуна позиционировал себя как голос «третьего мира», выступающий против дуополии США и СССР. После завершения холодной войны подходы двух поднимающихся держав поменялись мало.

Вместе с тем и Пекин, и Дели имеют (или длительное время имели) мало афишируемые формализованные обязательства в отношении младших партнеров. Например, в рамках Договора о дружбе и взаимной помощи между КНР и КНДР 1961 г. Пекин и Пхеньян обещали оказывать поддержку друг другу в случае нападения третьей стороны²⁰. В 2021 г. этот документ был в очередной раз продлен на 20 лет²¹. В свою очередь Индия еще в 1949 г. подписала Договор о дружбе с Бутаном²². Индийское правительство интерпретировало положения этого документа как создающие обязательства по защите

²⁰ Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea, July 11, 1961 // Marxists Internet Archive. Available at: https://www.marxists.org/subject/china/documents/china_dprk.htm (accessed: 14.04.2024).

²¹ China-North Korea friendship treaty 'remains in effect' all the time: FM spokesperson // Global Times. 07.07.2021. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202107/1228071.shtml> (accessed: 17.04.2024).

²² Treaty of Perpetual Peace and Friendship between the Government of India and the Government of Bhutan, Darjeeling, 8 August 1949 // The Ministry of External Affairs. Government of India. Available at: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5242/treaty+or+perpetual+p> (accessed: 01.03.2024); Statement by official spokesperson on the signing of the India-Bhutan Friendship Treaty // The Ministry of External Affairs. Government of India. 08.02.2007. Available at: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/2881/Statement+by+Official+Spokesperson+on+the+signing+of+the+IndiaBhutan+Friendship+Treaty+February+8+2007> (accessed: 01.03.2024).

территориальной целостности партнера, хотя сам Бутан подобную трактовку отвергал. В 2007 г. было подписано новое базовое соглашение между этими странами, которое уже не содержало оснований для подобных расходящихся трактовок²³ [Nga et al., 2019]. Тем не менее в 2017 г., когда китайские военные инженеры начали строить дорогу на спорном плато Доклам, Индия ввела войска для поддержки претензий Бутана на суверенитет над этой территорией.

Таким образом, в период после окончания холодной войны большинство крупных держав за вычетом США не стремились к расширению союзнических отношений и брали на себя формализованные обязательства оказания военной помощи преимущественно соседям, да и то избирательно. Подобная разница в подходах может объясняться тем, что для Вашингтона сеть альянсов выступала в первую очередь инструментом поддержания глобального военного присутствия. Так, непосредственно после окончания холодной войны сохранение НАТО для США имело принципиальное значение прежде всего в качестве оправдания сохранения контингентов в Европе. Между тем другие крупные державы не ставили таких задач.

Тем не менее, как и Вашингтон, они рассматривали асимметричные альянсы в качестве инструмента закрепления внешнеполитической ориентации малых и средних стран [Истомин, Байков, 2019]. Нередко от последних ожидалось лишь символическое выражение лояльности и отказ от вступления во враждебные соответствующим крупным державам объединения. В случае России речь шла о предоставлении военно-политических гарантий как способе поддержать слабую, формирующуюся государственность новых стран, появившихся после распада СССР [Истомин, 2023]. Нестабильность в соседних государствах, в первую очередь Центральной Азии, грозила трансграничным перетеканием угроз (терроризм, радикализм, массовая миграция) в Российскую Федерацию. Таким образом, союзничество выступало инструментом государствовоительства.

Кроме того, преобразование Москвой многостороннего альянса в ОДКБ отражало стремление продемонстрировать способность выстраивать высоко институционализированные форматы, анало-

²³ India-Bhutan Friendship Treaty [2007] INTSer 2 // Commonwealth Legal Information Institute. Available at: <http://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/2007/2.html> (accessed: 17.04.2024).

гичные тем, которые создавались на Западе. Иными словами, речь шла о примере социальной мимикрии, направленной на обеспечение статусного признания (в первую очередь со стороны тех же западных игроков). Показательно, что Китай и Индия не проявляли аналогичных амбиций в 1990–2000-е годы, а в последующий периода стали делать ставку на другие формы демонстрации регионального лидерства, не предполагавшие военно-политических обязательств.

Военно-политический компонент региональной интеграции

Наряду с сохранением в международных отношениях двусторонних альянсов и многосторонних военно-политических объединений характерной чертой периода после окончания холодной войны стало оформление взаимных гарантий безопасности в рамках региональных интеграционных группировок. При этом, несмотря на активное развитие последних и усиление их позиций в мировой экономике, военно-политический компонент сохранял преимущественно номинальное значение. Тем не менее сама по себе эта тенденция представлялась показательной в контексте диалектических отношений между процессами глобализации и регионализации.

Во многом модельным для других группировок стал пример европейского интеграционного объединения [Громыко, 2019; Журкин, Носов, 2019]. Еще в 1970-х годах его участники наладили регулярную координацию по внешнеполитическим вопросам в рамках Европейского политического сотрудничества. В 1992 г. созданный еще в конце 1940-х годов Западноевропейский союз (ЗЕС) получил новый импульс к развитию с принятием Петербургских задач (включавших миротворчество, гуманитарные операции и кризисное урегулирование)²⁴.

Одновременно в рамках формировавшегося Европейского союза была запущена Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), предполагавшая постепенное движение к коллективной обороне. Более того, Маастрихтский договор о создании ЕС предполагал

²⁴ Petersburg Declaration made by the WEU Council of Ministers (Bonn, 19 June 1992) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. Available at: https://www.cvce.eu/obj/petersberg_declaration_made_by_the_weu_council_of_ministers_bonn_19_june_1992-en-16938094-bb79-41ff-951c-f6c7aae8a97a.html (accessed: 03.03.2024).

интеграцию ЗЕС в создававшееся объединение²⁵. После франко-британских договоренностей, достигнутых на саммите в Сен-Мало в 1998 г.²⁶, была инициирована Европейская политика безопасности и обороны в рамках ОВПБ. Для обеспечения этого направления сотрудничества стала создаваться новая организационная структура, включавшая, например, Военный штаб ЕС и Военный комитет (состоящий из представителей военных штабов государств-членов), а также Европейское оборонное агентство.

Лиссабонский договор, вступивший в силу в 2009 г., был призван способствовать переходу к новой стадии европейской интеграции²⁷. Среди других положений в ст. 42 Договора о Европейском союзе содержалось обязательство для государств-членов оказывать взаимную помощь в случае возможной внешней агрессии. Таким образом, речь шла о коллективной обороне в рамках интеграционного объединения.

В 2000-х годах аналогичные обязательства стали принимать и участники других региональных группировок. Так, члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) обещали в случае нападения оказывать военную помощь друг другу на основании договора, подписанного в 2000 г. В 2005 г. государства — члены Африканского союза заключили Пакт о ненападении и коллективной обороне, содержащий схожие положения²⁸. Более того, военно-политическое сотрудничество получило развитие в субрегиональных организациях, таких как Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС).

²⁵ Treaty on European Union // EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed: 24.02.2024).

²⁶ Joint Declaration on European Defence. Joint Declaration issued at the British-French Summit (Saint-Malo, 4 December 1998) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. Available at: https://www.cvce.eu/content/publication/2008/3/31/f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f/publishable_en.pdf (accessed: 03.03.2024).

²⁷ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT> (accessed: 03.03.2024).

²⁸ The African Union Non-Aggression and Common Defence Pact, January 1, 2005 // African Union. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-union-non-aggression-and-common-defence-pact> (accessed: 05.03.2024).

На общем фоне существенно выделяется подход государств Юго-Восточной Азии. В рамках АСЕАН они особо подчеркивали, что их ассоциация не является военно-политическим блоком, даже несмотря на то что участники объединения сотрудничают по вопросам безопасности. В частности, с 2006 г. проводятся встречи министров обороны стран региона. Отказ от принятия взаимных гарантий в сфере обороны объясняется в том числе сформировавшейся переговорной культурой объединения, получившей обозначение «Путь АСЕАН», который предполагает недоверие к юридическим обязательствам и приоритизацию мягкой координации.

Приведенные примеры демонстрируют динамику, существенно отличающуюся от той, которая характеризовала межгосударственные отношения в прежние исторические периоды. Ранее нередко заключение альянса создавало предпосылки для дальнейшего развития взаимодействия по другим вопросам. В рамках современных региональных группировок обязательства в военно-политической сфере, как правило, дополняют уже имеющееся сотрудничество в иных областях. Стоит отметить, что обязательства по коллективной обороне в рамках таких объединений подчас носят лишь номинальный характер.

Так, для большинства государств — членов ЕС они лишь дублируют договоренности в рамках НАТО. Несмотря на то что со стороны отдельных столиц нередко раздаются заявления о необходимости обретения европейской стратегической автономии, они по-прежнему в значительной степени зависят от американских гарантий безопасности. Об этом свидетельствовал в том числе опыт участия европейских стран в вооруженных конфликтах в Косове, Афганистане, Ливии и Мали, которые неизменно обнаруживали отсутствие потенциала для самостоятельного проецирования существенных боевых сил даже в относительно близкие регионы. На практике военно-политическое сотрудничество в Европе способствует не столько наращиванию коллективных возможностей вовлеченных стран, сколько сокращению издержек на оборону.

В свою очередь для государств Африканского союза основные вызовы безопасности связаны с рисками внутренней дестабилизации и спорами между участниками объединения. Их коллективные усилия в военной сфере представляют собой в первую очередь

миротворческие операции и кризисное реагирование. Зачастую такая деятельность опирается на поддержку более сильных вне-региональных игроков. Аравийские монархии не только обладают весьма ограниченным потенциалом (несмотря на высокий уровень оборонных расходов), но между ними наблюдаются существенные разногласия, которые, в частности, выразились в разрыве дипломатических отношений между Катаром и его номинальными союзниками в 2017 г.

Таким образом, сложившуюся практику включения положений о коллективной обороне в учредительные документы региональных интеграционных группировок, которая получила распространение в период после окончания холодной войны, можно охарактеризовать как *ритуальное союзничество*. Оно свидетельствует об амбициях таких объединений, а также о том, что даже в период сравнительно низких угроз межгосударственной конфронтации военно-политические обязательства выступали выражением привилегированного характера отношений и взаимной дружественности.

Международные конфликты и практики коалиционной борьбы

Еще одной тенденцией периода после окончания холодной войны стало смещение фокуса уже непосредственно в функционировании формализованных и неформальных союзов с территориальной обороны на осуществление экспедиционных операций. Этот сдвиг объяснялся общим пересмотром повестки международной безопасности. На фоне сравнительного снижения вероятности вооруженного столкновения между ведущими державами в 1990-х годах большее значение в их восприятии угроз приобрели вызовы дестабилизации, переливающейся из периферийных регионов международной системы.

В наибольшей степени это проявилось в политике Соединенных Штатов, которые перенесли акцент военной активности на проектирование силы в удаленных частях мира. В результате новое значение приобрели уже упоминавшиеся расширительные представления о лояльности в формальных альянсах. От их участников стала в еще большей степени, чем ранее, ожидать поддержку в вопросах, выходящих за рамки заключенных договоров, прежде всего легитимация

политики вмешательства и мобилизация дополнительных ресурсов для ее осуществления.

Еще в 1991 г. при проведении операции «Буря в пустыне» в Кувейте союзники США покрыли почти половину финансовых затрат²⁹. Впоследствии в риторике НАТО закрепились хлесткая формула американского сенатора Ричарда Лугара «out of area or out of business» («либо действовать за пределами зоны ответственности, либо остаться не у дел»)³⁰. Следуя ей, в 1994–1995 гг. альянс сыграл центральную роль в принуждении сербов к прекращению вооруженной борьбы в ходе боснийского конфликта. Дальнейшая переориентация НАТО с вопросов коллективной обороны на выполнение экспедиционных миссий наблюдалась в рамках бомбардировок Югославии в 1999 г., которые альянс осуществлял без мандата со стороны Совета Безопасности ООН. В том же году обновленная стратегическая концепция НАТО закрепила возможность проведения операций, не подпадающих под ст. 5 Североатлантического договора о коллективной самообороне³¹.

Вместе с тем опыт длительных бюрократических согласований в ходе конфликтов на Балканах продемонстрировал недостатки опоры на высокоинституционализированные образования при проведении экспедиционных миссий. В результате в 2000-х годах новая администрация США во главе с Дж. Бушем-мл. перешла от использования устойчивых альянсов в нехарактерной для них роли проекции силы к опоре на *ad hoc* объединения, создаваемые под конкретную миссию. Так, несмотря на то что и НАТО, и участники Пакта Рио выразили солидарность с Вашингтоном после терактов 11 сентября 2001 г., Соединенные Штаты проводили операцию против талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане

²⁹ Allied contributions in support of operations Desert Shield and Desert Storm: T-NSIAD-91-52 // U.S. Government Accountability Office. 31.07.1991. Available at: [https://www.gao.gov/products/t-nsiad-91-52#:~:text=GAO%20noted%20that%3A%20\(1\),about%202444.5%20billion%2C%20including%202439.1](https://www.gao.gov/products/t-nsiad-91-52#:~:text=GAO%20noted%20that%3A%20(1),about%202444.5%20billion%2C%20including%202439.1) (accessed: 15.04.2024).

³⁰ NATO: Out of area or out of business: A call for U.S. leadership to revive and redefine the alliance, August 2, 1993 // Digital Collections at Indiana University. Available at: <https://collections.libraries.indiana.edu/lugar/items/show/342> (accessed: 17.04.2024).

³¹ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington, D.C., April 24, 1999 // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (accessed: 20.02.2024).

в формате глобальной контртеррористической коалиции, фактически проигнорировав активизацию их союзниками положений о коллективной обороне.

В еще большей степени тенденция к возрастанию значения неформальных коалиций нашла отражение в ходе войны в Ираке в 2003 г. Американские попытки убедить и Совет Безопасности ООН, и ряд союзников по НАТО в необходимости вторжения в эту страну оказались безуспешными. В условиях дипломатического противодействия ряда крупных игроков Вашингтон постарался легитимировать вторжение, добиваясь хотя бы символического выражения поддержки от любых государств, которые были чувствительны к его давлению и убеждению. Сформированная виртуальная группировка (значительная часть ее членов не принимали реального участия в операции, ограничившись дипломатическими декларациями) получила обозначение «коалиция желающих» [Богданов, 2019; Newnham, 2008]. Присоединившиеся государства мотивировали свое участие прежде всего желанием продемонстрировать политическую лояльность Соединенным Штатам.

С середины 2000-х годов Вашингтон начал прибегать к новой комбинированной модели мобилизации поддержки проводимых экспедиционных операций. Эта модель предполагала использование НАТО в качестве институционального ядра более широкой коалиции. По такому принципу были организованы Международные силы содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, к которым перешла центральная роль в противоборстве с талибами после 2003 г. Североатлантический альянс играл в них лидирующую роль, но наряду с ним в афганском конфликте принимали участие партнеры из других стран (на 2013 г. в состав МССБ входили представители 49 государств)³².

Аналогичным образом была организована операция 2011 г. против Муаммара Каддафи в Ливии. Она проводилась под эгидой НАТО, но в ней принимали участие также ряд региональных партнеров (в частности, в составе коалиции активно действовал Катар). Между тем из числа государств — членов Североатлантического альянса

³² The UK's work in Afghanistan: Policy paper // GOV.UK. 14.01.2014. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/uks-work-in-afghanistan/the-uks-work-in-afghanistan> (accessed: 15.04.2024).

свои силы направили только шесть участников. В ходе борьбы против «ИГИЛ»³³ в Ираке и Сирии с 2014 г. Соединенные Штаты также сформировали специализированную коалицию, в которую вошли как союзники, так и государства, не связанные с Вашингтоном формальными обязательствами (НАТО официально поддержала эту миссию, но военно-штабные ресурсы организации мало привлекались к ней).

Опора на специализированные коалиции, создаваемые для проецирования силы в конкретной ситуации обусловлена, с одной стороны, потребностью в комбинации различных видов материальных и нематериальных ресурсов, а с другой — стремлением к большей гибкости по сравнению с задействованием формализованных объединений. В этой связи наблюдается расширение практик эмуляции американского опыта коалиционного строительства другими государствами.

В частности, осенью 2015 г. было объявлено о создании коалиции в составе Ирака, Сирии, Ирана и России (действует отдельно от объединения, возглавляемого США)³⁴. Она обеспечивала координацию вооруженных действий вовлеченных стран против исламистских группировок на территории Сирии и Ирака. Аналогичным образом в связи с обострением конфликта в Йемене весной 2015 г. Саудовская Аравия сформировала коалицию арабских государств (в которую также вошел Сенегал) для борьбы с шиитским движением хуситов. Последнее в свою очередь подозревают в связях с Ираном.

Такие подозрения обусловлены наличием обширной практики на Ближнем и Среднем Востоке по созданию асимметричных коалиций патронажного типа, в которые наряду с правительствами стран также входят негосударственные группировки и движения. Зачастую такого рода связи официально не закрепляются. Их распространение обусловлено слабостью государственности в этой части мира. В результате в ряде случаев функции официальных властей замещают местные племенные структуры, полевые командиры и объединения, мобилизующие конфессиональную солидарность.

³³ Террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.

³⁴ Россия, Сирия, Иран и Ирак создали в Багдаде информцентр для борьбы с ИГ // ТАСС. 26.09.2015. Доступ: <https://tass.ru/politika/2293549> (дата обращения: 15.04.2024).

Они также способны вступать в продолжительные кооперативные связи с иностранными правительствами.

В частности, к сети, возглавляемой Тегераном, относят не только хуситов в Йемене, но и правительство Ирака, а также отдельные шиитские группировки в этой стране, официальные власти в Сирии, движение «Хезболла» в Ливане и ХАМАС в Палестине. Последнее объединяет преимущественно суннитов, что подтверждает скорее политический, а не религиозный характер коалиции. В свою очередь к противостоящему Ирану фронту арабских государств, формировавшемуся под руководством Саудовской Аравии в 2010-х годах, относили не только ряд исламистских группировок, но также Израиль. Несмотря на отсутствие взаимного дипломатического признания между Тель-Авивом и Эр-Риядом, оба правительства видели ключевую угрозу собственной безопасности в политике Тегерана, а значит, оказались в ситуативной неафишируемой коалиции³⁵.

Свою патронажную сеть в регионе сформировал и Катар, поддерживающий в том числе движение «Братья-мусульмане». По ряду направлений он действовал в связке с Турцией. Так, обе страны активно помогают Свободной сирийской армии и Правительству национального согласия в Триполи (имелись даже сообщения об их участии в переброске боевиков между Ливией и Сирией)³⁶. Аналогичным образом пакистанские военные на протяжении десятилетий сотрудничали с рядом группировок в Афганистане, в том числе с талибами. Богатый опыт вхождения в коалиции с местными силами имеют и Соединенные Штаты. В 2000-х годах в ходе оккупации Ирака они поддерживали местное суннитское объединение «Сыны Ирака», остатки которого впоследствии влились в состав «ИГИЛ». Во второй

³⁵ В 2023 г. Саудовская Аравия и Иран пошли на нормализацию отношений, что способствовало ослаблению тенденции к блоковому делению в регионе.

³⁶ Turkey and Qatar sign military cooperation deal with Libya government // Middle East Monitor. 18.08.2020. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20200818-turkey-and-qatar-sign-military-cooperation-deal-with-libya-government/> (accessed: 14.04.2024); Khalid T. Turkey, Qatar recruit thousands of Somali mercenaries to fight in Libya: Report // Alarabiya News. 25.07.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/north-africa/2020/07/25/Turkey-Qatar-recruit-thousands-of-Somali-mercenaries-to-fight-in-Libya-Report> (accessed: 12.04.2024); Naar I. Turkey, Qatar agree to provide GNA mercenaries with Libyan citizenship: Sources // Alarabiya News. 19.08.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/north-africa/2020/08/19/Turkey-Qatar-agree-to-provide-GNA-mercenaries-with-Libyan-citizenship-Sources> (accessed: 15.04.2024).

половине 2010-х годов в рамках сирийского конфликта Вашингтон полагался на сотрудничество с рядом курдских группировок.

Несмотря на существенную асимметрию экономических и военных потенциалов во всех этих случаях, не стоит переоценивать зависимость младших партнеров от более крупных государств. Как и в иных видах кооперативных отношений между странами, в этих коалициях более слабые участники нередко способны манипулировать своими союзниками, эксплуатируя их ресурсные возможности в собственных целях [Keohane, 1971]. В результате возрастают риски увязания внешних игроков в локальных проблемах под влиянием других участников коалиции [Snyder, 1984].

Несмотря на то что с середины XX в. произошло закрепление национальных государств как доминирующей модели организации политического сообщества в мире, в тех регионах, где правительствам не удалось добиться монополии на организованное насилие, негосударственные патронажные сети сохраняют существенное значение. Без взаимодействия с ними и вхождения в коалиции с их представителями внешним игрокам практически невозможно обеспечить реализацию собственных интересов, тем более что регионы с ослабленной государственностью остаются объектами интенсивного соперничества крупных держав и источниками угроз их безопасности.

* * *

Рассмотренные тенденции эволюции союзничества в 1990–2010-х годах свидетельствуют об адаптации государствами форм и механизмов военно-политического взаимодействия как инструментов внешней политики к изменившимся реалиям в сфере международной безопасности. В этой связи анализ предваряется терминологическими прояснениями, касающимися, в частности, дифференциации понятий «альянс» и «коалиция». В качестве одной из существенных тенденций рассматриваемого периода констатируется снижение интереса к формализации союзничества между ведущими державами (на примере России и Китая), которые в эти годы в большей степени полагались на обеспечение сдерживания потенциальных противников возможностью нанесения неприемлемого ущерба. При этом в международно-политической практике закрепились альян-

сы между государствами с неравными ресурсными потенциалами (асимметричные союзы), которые стали средствами кодификации сфер влияния и обеспечения доминирования крупных игроков (США и их союзники в Европе, Латинской Америке и Азии), а также способом поддержания процессов государственностроительства (Россия и ее союзники по ОДКБ).

Анализ опыта союзнических отношений России, Китая, Индии и США позволил проследить в целом растущее уклонение ведущих держав от закрепления формальных обязательств по оказанию военной помощи партнерам в рассматриваемый период. Эта тенденция объясняется разными внешнеполитическими целями государств, стратегическими приоритетами, а также стремлением к сохранению свободы рук. Еще одной характерной чертой в повестке союзничества после холодной войны стало включение военно-политического компонента в процессы региональной интеграции. Кроме того, изменения коснулись и практической деятельности как формализованных, так и неформальных военно-политических объединений (экспедиционные операции, специализированные коалиции, асимметричные объединения патронажного типа).

Начало 2020-х годов отмечено резким ухудшением ситуации в сфере международной безопасности, связанным с ростом противоречий между ведущими государствами и стремительным накоплением кризисного потенциала. При этом наблюдаются объективные тенденции трансформации мирополитических процессов, сопряженные с высоким уровнем неопределенности и нестабильности в функционировании международной системы ввиду ее несбалансированности и неравновесности. В этой связи государства, по всей видимости, продолжают полагаться на комбинированные формы союзничества, соединяющие опору на уже созданную инфраструктуру альянсов и совершенствование неформального инструментария взаимодействия при решении вопросов безопасности.

Вместе с тем в повестку дня вернулась считавшаяся периферийной до недавнего времени задача обеспечения силового сдерживания в отношениях ведущих мировых держав как основополагающая функция военно-политических союзов. Так, страны — участницы НАТО усматривают в этом дополнительный стимул инвестирования в укрепление союзнических отношений. Между тем обозначи-

лись пределы возможностей Соединенных Штатов поддерживать широкую сеть альянсов в качестве инструмента глобального доминирования, за чем может последовать процесс инвентаризации Вашингтоном своих расходов на союзников и «сбрасывания» нецелесообразных «активов». В этом смысле не исключено переосмысление роли и значения асимметричных альянсов в стратегии США в долгосрочной перспективе, сохранение которых потребует тщательной калькуляции выгод и затрат.

При этом асимметричные альянсы останутся для ведущих держав преимущественно средством закрепления внешнеполитической ориентации малых и средних государств, особенно в условиях интенсификации политической и экономической конкуренции между центрами силы. В этой связи немаловажным элементом стратегического соперничества может быть борьба за лояльность последователей с помощью конструирования гибких форм преференциального сотрудничества в вопросах безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К.В. Время *ad hoc*? Гибкие коалиции и наследие Дональда Рамсфелда // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 32–45.
2. Громыко А.А. Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28.
3. Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. № 1 (86). С. 5–13. DOI: 0.15211/soveurope120190513.
4. Истомин И.А. Скажи мне — кто твой друг? Опыт и перспективы российского союзничества // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6. С. 203–216. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-203-216.
5. Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48.
6. Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3.
7. Киреева А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.
8. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009.

9. Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции / Под ред. И.А. Истомина [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2021.

10. Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006.

11. Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York; London: W.W. Norton & Company, 1987.

12. Bas M., Schub R. Mutual optimism as a cause of conflict: Secret alliances and conflict onset // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No. 3. P. 552–564. DOI: 10.1093/isq/sqw002.

13. Beckley M. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of U.S. defense pacts // International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

14. Carr E. The twenty years' crisis, 1919–1939: An introduction to the study of international relations. London: Macmillan, 1939.

15. Cha V.D. Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2016.

16. Christensen T.J. China, the US-Japan alliance, and the security dilemma in East Asia // International Security. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 49–80. DOI: 10.1162/isec.23.4.49.

17. Cottey A. NATO's partnerships // The European neutrals and NATO: Non-alignment, partnership, membership? / Ed. by A. Cottey. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 45–72.

18. Crescenzi M.J.C., Kathman J.D., Kleinberg K.B., Wood R.M. Reliability, reputation, and alliance formation // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56. No. 2. P. 259–274. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00711.x.

19. Fearon J.D. Rationalist explanations for war // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. DOI: 10.1017/S0020818300033324.

20. Ghez J. Alliances in the 21st century: Implications for the US-European partnership. Santa-Monica: RAND Corporation, 2011.

21. Gibler D.M. The costs of reneging: Reputation and alliance formation // Journal of Conflict Resolution. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 426–454. DOI: 10.1177/0022002707310003.

22. Ironclad: Forging a new future for America's alliance / Ed. by M.J. Green. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019.

23. Karlsrud J., Reykers Y. Ad hoc coalitions and institutional exploitation in international security: Towards a typology // Third World Quarterly. 2020. Vol. 41. No. 9. P. 1518–1536. DOI: 10.1080/01436597.2020.1763171.

24. Keohane R.O. The big influence of small allies // Foreign Policy. 1971. No. 2. P. 161–182. DOI: 10.2307/1147864.

25. Leeds B.A. Alliance reliability in times of war: Explaining state decisions to violate treaties // *International Organization*. 2003. Vol. 57. No. 4. P. 801–827. DOI: 10.1017/S0020818303574057.
26. Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M. Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises // *The Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. No. 5. P. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006.
27. Leeds B.A., Ritter J., Mitchell S.M., Long A.G. Alliance treaty obligations and provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.
28. Liska G. Nations in alliance: The limits of interdependence. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1962.
29. Morgenthau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. New York: Knopf, 1948.
30. Morrow J.D. Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances // *American Journal of Political Science*. 1991. Vol. 35. No. 4. P. 904–933. DOI: 10.2307/2111499.
31. Mueller J. Retreat from doomsday: The obsolescence of major war. New York: Basic Books, 1989.
32. Newnham R. 'Coalition of the bribed and bullied?' U.S. economic linkage and the Iraq War coalition // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x.
33. Nga L.T.H., Hiep T.X., Thuy D.T., Huyen H.L. India–Bhutan treaties of 1949 and 2007: A retrospect // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 75. No. 4. P. 441–455. DOI: 10.1177/0974928419874547.
34. Osgood R.E. Alliances and American foreign policy. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1968.
35. Pierre A.J. Coalitions building and maintenance: The Gulf War, Kosovo, Afghanistan, and the war on terrorism. Washington, D.C.: Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy, 2002.
36. Pinker S. The better angels of our nature: The decline of violence in history and its causes. London: Penguin, 2011.
37. Rice A.J. Command and control: The essence of coalition warfare // *Parameters*. 1997. Vol. 27. No. 1. P. 152–167.
38. Ruonan L., Feng L. Contending ideas on China's non-alliance strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 151–171. DOI: 10.1093/cjip/pox003.
39. Smith A. Alliance formation and war // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39. No. 4. P. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.
40. Snyder G.H. Alliance politics. Ithaca; London: Cornell University Press, 2007.

41. Snyder G.H. The security dilemma in alliance politics // *World Politics*. 1984. Vol. 36. No. 4. P. 461–495. DOI: 10.2307/2010183.
42. Snyder G.H., Diesing P. Conflict among nations: Bargaining, decision making, and system structure in international crises. Princeton: Princeton University Press, 2015.
43. Walt S.M. The origins of alliance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.
44. Walt S.M. Why alliances endure or collapse // *Survival*. 1997. Vol. 39. No. 1. P. 156–179. DOI: 10.1080/00396339708442901.
45. Waltz K.N. Theory of international politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.
46. Weitsman P.A. Wartime alliances versus coalition warfare: How institutional structure matters in the multilateral prosecution of wars // *Strategic Studies Quarterly*. 2010. Vol. 4. No. 2. P. 113–138.
47. Wilkins T.S. 'Alignment', not 'alliance' — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.
48. Wilkins T.S. From strategic partnership to strategic alliance? Australia-Japan security ties and the Asia-Pacific // *Asia Policy*. 2015. Vol. 20. No. 1. P. 81–111. DOI: 10.1353/asp.2015.0028.
49. Wilkins T.S. Japan's alliance diversification: A comparative analysis of the Indian and Australian strategic partnerships // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2011. Vol. 11. No. 1. P. 115–155. DOI: 10.1093/irap/lcq022.
50. Wilkins T.S. Russo-Chinese strategic partnership: A new form of security cooperation? // *Contemporary Security Policy*. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 358–383. DOI: 10.1080/13523260802284365.
51. Womack B. Asymmetry and international relationships. New York: Cambridge University Press, 2016.

REFERENCES

1. Bogdanov K.V. 2019. Vremya ad hoc? Gibkie koalitsii i nasledie Donalda Ramsfelda [Time for ad hoc? Flexible coalitions and the heritage of Donald Rumsfeld]. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no. 2, pp. 32–45. (In Russ.)
2. Gromyko A.A. 2019. Dilemma Evropejskogo oboronnogo soyuza [Dilemmas of European defense alliance]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economy, Law*, vol. 12, no. 2, pp. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28. (In Russ.)
3. Zhurkin V.V., Nosov M.G. 2019. 20-letie voennogo izmereniya ES [20 years of the military dimension of the EU]. *Modern Europe*, no. 1 (86), pp. 5–13. DOI: 0.15211/soveurope120190513. (In Russ.)

4. Istomin I.A. 2023. Skazhi mne — kto tvoi drug? Opyt i perspektivy rossiiskogo soyuznichestva [Historical record and prospects of Russia's alliances]. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 6, pp. 203–216. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-203-216. (In Russ.)

5. Istomin I.A., Baikov A.A. 2019. Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoi mirovoi sisteme [Dynamics of international alliances in an unbalanced world structure]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 1, pp. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48. (In Russ.)

6. Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. 2018. Strategii soyuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Strategies of alliances of continental and sea powers]. *International Trends*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3. (In Russ.)

7. Kireeva A.A. 2019. Budushchnost' rossiisko-kitaiskogo soyuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Theories of international relations and prospects of a military alliance between Russia and China]. *International Trends*, vol. 17, no. 4 (59), pp. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6. (In Russ.)

8. Nikitina Yu.A. 2009. ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti [The CSTO and the SCO: Regionalism models in the security area]. Moscow, Navona Publ. (In Russ.)

9. Istomin I.A. et al. (eds.). 2021. *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticheskii instrumentarii mezhdunarodno-politicheskoi konkurentsii* [Strategies of alliance building in the modern world: Military and diplomatic tools of international political contest]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

10. Suchkov M.A., Khodynskaya-Golenishcheva M.S. 2021. Sravnitel'nyi analiz rossiiskikh strategii soyuznichestva na Blizhnem Vostoke [Comparative analysis of Russia's alliance-formation strategies in the Middle East]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 1, pp. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006. (In Russ.)

11. Acheson D. 1987. *Present at the creation: My years in the State Department*. New York, London, W.W. Norton & Company.

12. Bas M., Schub R. 2016. Mutual optimism as a cause of conflict: Secret alliances and conflict onset. *International Studies Quarterly*, vol. 60, no. 3, pp. 552–564. DOI: 10.1093/isq/sqw002.

13. Beckley M. 2015. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of U.S. defense pacts. *International Security*, vol. 39, no. 4, pp. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

14. Carr E. 1939. *The twenty years' crisis, 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan.

15. Cha V.D. 2016. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.

16. Christensen T.J. 1999. China, the US-Japan alliance, and the security dilemma in East Asia. *International Security*, vol. 23, no. 4, pp. 49–80. DOI: 10.1162/isec.23.4.49.

17. Cottey A. 2018. NATO's partnerships. In: Cottey A. (ed.). *The European neutrals and NATO: Non-alignment, partnership, membership?* London, Palgrave Macmillan, pp. 45–72.

18. Crescenzi M.J.C., Kathman J.D., Kleinberg K.B., Wood R.M. 2012. Reliability, reputation, and alliance formation. *International Studies Quarterly*, vol. 56, no. 2, pp. 259–274. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00711.x.

19. Fearon J.D. 1995. Rationalist explanations for war. *International Organization*, vol. 49, no. 3, pp. 379–414. DOI: 10.1017/S0020818300033324.

20. Ghez J. 2011. *Alliances in the 21st century: Implications for the US-European partnership*. Santa-Monica, RAND Corporation.

21. Gibler D.M. 2008. The costs of renegeing: Reputation and alliance formation. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 52, no. 3, pp. 426–454. DOI: 10.1177/0022002707310003.

22. Green M.J. (ed.). 2019. *Ironclad: Forging a new future for America's alliance*. Lanham, Rowman & Littlefield.

23. Karlsrud J., Reykers Y. 2020. Ad hoc coalitions and institutional exploitation in international security: Towards a typology. *Third World Quarterly*, vol. 41, no. 9, pp. 1518–1536. DOI: 10.1080/01436597.2020.1763171.

24. Keohane R.O. 1971. The big influence of small allies. *Foreign Policy*, no. 2, pp. 161–182. DOI: 10.2307/1147864.

25. Leeds B.A. 2003. Alliance reliability in times of war: Explaining state decisions to violate treaties. *International Organization*, vol. 57, no. 4, pp. 801–827. DOI: 10.1017/S0020818303574057.

26. Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M. 2000. Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no. 5, pp. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006.

27. Leeds B.A., Ritter J., Mitchell S.M., Long A.G. 2002. Alliance treaty obligations and provisions, 1815–1944. *International Interactions*, vol. 28, no. 3, pp. 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.

28. Liska G. 1962. *Nations in alliance: The limits of interdependence*. Baltimore, Johns Hopkins Press.

29. Morgenthau H.J. 1948. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New York, Knopf.

30. Morrow J.D. 1991. Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances. *American Journal of Political Science*, vol. 35, no. 4, pp. 904–933. DOI: 10.2307/2111499.

31. Mueller J. 1989. *Retreat from doomsday: The obsolescence of major war*. New York, Basic Books.
32. Newnham R. 2008. 'Coalition of the bribed and bullied?' U.S. economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*, vol. 9, no. 2, pp. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x.
33. Nga L.T.H., Hiep T.X., Thuy D.T., Huyen H.L. 2019. India-Bhutan treaties of 1949 and 2007: A retrospect. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, vol. 75, no. 4, pp. 441–455. DOI: 10.1177/0974928419874547.
34. Osgood R.E. 1968. *Alliances and American foreign policy*. Baltimore, Johns Hopkins Press.
35. Pierre A.J. 2002. *Coalitions building and maintenance: The Gulf War, Kosovo, Afghanistan, and the war on terrorism*. Washington, D.C., Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy.
36. Pinker S. 2011. *The better angels of our nature: The decline of violence in history and its causes*. London, Penguin.
37. Rice A.J. 1997. Command and control: The essence of coalition warfare. *Parameters*, vol. 27, no. 1, pp. 152–167.
38. Ruonan L., Feng L. 2017. Contending ideas on China's non-alliance strategy. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no. 2, pp. 151–171. DOI: 10.1093/cjip/pox003.
39. Smith A. 1995. Alliance formation and war. *International Studies Quarterly*, vol. 39, no. 4, pp. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.
40. Snyder G.H. 2007. *Alliance politics*. Ithaca, London, Cornell University Press.
41. Snyder G.H. 1984. The security dilemma in alliance politics. *World Politics*, vol. 36, no. 4, pp. 461–495. DOI: 10.2307/2010183.
42. Snyder G.H., Diesing P. 2015. *Conflict among nations: Bargaining, decision making, and system structure in international crises*. Princeton, Princeton University Press.
43. Walt S.M. 1990. *The origins of alliance*. Ithaca, London, Cornell University Press.
44. Walt S.M. 1997. Why alliances endure or collapse. *Survival*, vol. 39, no. 1, pp. 156–179. DOI: 10.1080/00396339708442901.
45. Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Addison-Wesley Publishing Company.
46. Weitsman P.A. 2010. Wartime alliances versus coalition warfare: How institutional structure matters in the multilateral prosecution of wars. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 4, no. 2, pp. 113–138.
47. Wilkins T.S. 2012. 'Alignment', not 'alliance' — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of align-

ment. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.

48. Wilkins T.S. 2015. From strategic partnership to strategic alliance? Australia-Japan security ties and the Asia-Pacific. *Asia Policy*, vol. 20, no. 1, pp. 81–111. DOI: 10.1353/asp.2015.0028.

49. Wilkins T.S. 2011. Japan's alliance diversification: A comparative analysis of the Indian and Australian strategic partnerships. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 11, no. 1, pp. 115–155. DOI: 10.1093/irap/lcq022.

50. Wilkins T.S. 2008. Russo-Chinese strategic partnership: A new form of security cooperation? *Contemporary Security Policy*, vol. 29, no. 2, pp. 358–383. DOI: 10.1080/13523260802284365.

51. Womack B. 2016. *Asymmetry and international relationships*. New York, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования
23.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The paper was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024;
accepted for publication 21.05.2024

П.Е. Смирнов*

«ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ» НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД И ОТНОШЕНИЯ АЛЬЯНСА С РОССИЕЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН» (ИСКРАН)
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3*

Одна из важнейших проблем, с которой столкнулась Россия после холодной войны при отстаивании своих национальных интересов, была связана с ее стремлением найти свое место в европейском порядке в условиях доминирования коллективного Запада и его институтов. Североатлантический альянс (Организация Североатлантического договора, НАТО) не только не был распущен после завершения миссии, ради которой он был создан, но и стал принимать на себя новые задачи ради удержания европейских союзников в орбите США. Среди механизмов, которые использует Вашингтон в этих целях, особую роль сразу после распада биполярной системы в Европе стал играть процесс постоянного расширения НАТО, в первую очередь за счет бывших союзников СССР по Организации Варшавского договора. В настоящей статье автор ставит двойную цель: выявить логику эволюции политики НАТО по расширению на восток и оценить ее последствия для самого альянса, а также проследить изменения в официальной позиции российской стороны в контексте реализации этой политики. В первом разделе статьи выделяются основные этапы расширения НАТО в постбиполярный период. Отмечается, что западные страны, рассматривая принцип «открытых дверей» как продолжение политики сдерживания в новых геополитических условиях и получая по мере его реализации конкретные военно-политические дивиденды, в определенный момент осознали невозможность быстрого принятия государств постсоветского пространства в НАТО и переключили внимание на регион Северной Европы. Во втором разделе анализируется реакция России на маневрирование альянса. Подчеркивается, что постепенно обеспокоенность российского руководства возможной маргинализацией страны в евро-атлантических

* Смирнов Павел Евгеньевич — старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

институтах сменилась политикой силового противодействия принципу «открытых дверей», по мере того как альянс выходил за рамки зоны своей традиционной ответственности. В заключение автор приходит к выводу, что расширение НАТО оказало неоднозначное влияние и на систему европейской безопасности, и на сам альянс. С одной стороны, оно дало США новые возможности для проекции мощи и закрепления статуса гегемона в Европе. С другой стороны, целесообразность и эффективность такой политики на современном этапе ставятся под сомнение коллективным Западом, столкнувшимся с рядом серьезных вызовов как в Европейском регионе, так и за его пределами. В условиях этой неопределенности, по мнению автора, НАТО будет постепенно отказываться от принципа «открытых дверей» в пользу более гибких форматов военно-политического взаимодействия со странами, не являющимися членами блока.

Ключевые слова: Россия, Украина, Центральная и Восточная Европа, постсоветское пространство, США, расширение НАТО, политика «открытых дверей», Европейский союз, постбиполярный период

Для цитирования: Смирнов П.Е. «Открытые двери» НАТО в постбиполярный период и отношения альянса с Россией // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 93–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-93-140.

Pavel Ye. Smirnov

RUSSIA AND NATO'S 'OPEN DOOR' POLICY IN THE POST-BIPOLAR PERIOD

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebny per., 121069, Moscow, Russian Federation*

A major problem for Russia in formulating and defending its national interests after the Cold War was to fit in the European political order, dominated by the collective West and its institutions. The North Atlantic Alliance (NATO) was not dissolved after completing the mission it had been created for; moreover, it started taking on ever new responsibilities to keep the European allies in the U.S. sphere of influence. In this respect, the ongoing NATO enlargement — primarily by accession of the former Warsaw Treaty allies of the USSR — has become one of the key policy tools for Washington after the breakup of the bipolar system in Europe. This study sets a dual goal, i.e. to identify the changing logic of the NATO's eastward expansion and assess its consequences for the alliance itself,

as well as to trace shifts in Russia's official position in the light of these developments. The first section of the article highlights the main stages of the NATO enlargement in the post-bipolar period. The author argues that the Western countries, viewing the 'open door' principle as a next phase of the containment policy under new geopolitical circumstances and reaping tangible security benefits throughout its implementation, realized at a certain point that a swift accession of post-Soviet states to NATO was unattainable, and switched attention to the Nordic countries. The second section analyzes Russia's response to the alliance's maneuvering. The study emphasizes that the concern of the Russian leadership about its possible marginalization in the Euro-Atlantic institutions gradually gave way to resolute actions to counter the NATO's 'open door' policy as the alliance was expanding beyond its purview. The author concludes that NATO enlargement has had an ambiguous impact on both the European security architecture, and the alliance itself. On the one hand, it gave the United States new opportunities to project power and consolidate its hegemonic status in Europe. On the other hand, the viability and effectiveness of this policy are being questioned by a number of serious challenges for the West both in Europe and beyond. Given these uncertainties, NATO will gradually give up the 'open door' principle in favor of more flexible formats of military and political cooperation with non-member countries.

Keywords: Russia, Ukraine, Central and Eastern Europe, post-Soviet space, United States, NATO enlargement, 'open door' policy, European Union, post-bipolar period

About the author: Pavel Ye. Smirnov — Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН) (e-mail: smi-pavel@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4757-8099).

For citation: Smirnov P.Ye. 2024. Russia and NATO's 'open door' policy in the post-bipolar period. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 93–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-93-140. (In Russ.)

Принцип «открытых дверей» для любой европейской страны, желающей вступить в Североатлантический альянс (Организацию Североатлантического договора, НАТО) и способной вносить свой вклад в безопасность Северо-Атлантического региона, был закреплён в ст. 10 Вашингтонского договора об образовании НАТО 1949 г.¹

¹ The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949 // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 20.02.2024).

Начав свою историю в составе 12 государств, подписавших этот документ, альянс в течение 75 лет увеличил количество своих членов более чем в 2,5 раза. При этом подавляющее большинство стран, вступивших в блок после 1949 г., сделали это уже после окончания холодной войны, распада Организации Варшавского договора (ОВД) и прекращения существования СССР.

Фактически первым — после выраженного Советским Союзом намерения закончить биполярное противостояние — сигналом с западной стороны о готовности включить регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в «сообщество западных демократий» стал призыв президента США Дж. Буша-ст. к строительству «Европы единой и свободной», сделанный в мае 1989 г.² Правда, эта концепция не сразу приобрела открыто натоцентристский характер, ведь первоначально основной акцент делался на развитии и институционализации общеевропейских механизмов (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — СБСЕ, впоследствии Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ), а собственно западный «якорь» для экс-социалистических европейских стран мыслился Западом (и даже Вашингтон до 1993–1994 гг. не ставил эту задачу под сомнение) в первую очередь как интеграция в институты Европейского сообщества (с 1993 г. — Европейский союз, ЕС). Идею же приема в НАТО государств, входивших ранее в орбиту советского влияния (равно как и различные варианты этого приема, состав предполагаемых кандидатов), начали открыто обсуждать в США и Западной Европе, в самих странах ЦВЕ уже тогда, когда стала очевидной потребность коллективного Запада обеспечить прочную геополитическую и военно-политическую привязку бывшего социалистического лагеря к единственному оставшемуся в Европе полюсу силы, а это невозможно было сделать лишь с опорой на ОБСЕ и ЕС.

Процесс расширения НАТО после холодной войны выразился в нескольких волнах приема новых членов (1999, 2004, 2009, 2017, 2020, 2023–2024), сопровождаясь одновременно принятием на себя альянсом всё новых миссий (в том числе военных операций за пределами зоны действия ст. 5 Вашингтонского договора о коллек-

² A Europe whole and free: Remarks to the citizens in Mainz. President George Bush. Rheingoldhalle. Mainz, Federal Republic of Germany, May 31, 1989 // U.S. Diplomatic Mission to Germany. August 2001. Available at: <https://usa.usembassy.de/etexts/ga6-890531.htm> (accessed: 21.02.2024).

тивной обороне членов альянса, включающей Европу и Северную Америку³) и строительством партнерских институтов со странами Европы и вне ее, позволяющих втягивать формально ненаатовские государства в орбиту американской (и в целом западной) геополитики и западных подходов к глобальной безопасности.

Принцип «открытых дверей» Североатлантическому альянсу с самого начала пришлось осуществлять с учетом того, что расширение НАТО непосредственно затрагивало безопасность России и ее место в новой европейской архитектуре. Российский фактор в этом процессе за прошедший с тех пор период претерпел значительную эволюцию. Москве ввиду очевидного неравенства политического, экономического и силового потенциала с Западом долгое время приходилось мириться с практически беспрепятственной экспансией НАТО и в целом «атлантизацией» системы безопасности в Европе. Однако во втором–третьем десятилетиях XXI в. стало очевидно, что по сравнению с первым периодом расширения НАТО стратегический контекст, в котором действует альянс, радикально изменился. Стремление России восстановить хотя бы некоторые свои геополитические позиции, возвышение Китая и превращение его в один из главных центров силы в мире, появление вызовов и угроз глобального характера неизбежно заставляют НАТО модифицировать логику, лежавшую в основе первоначальных планов расширения альянса, а фактически «освоения» тех регионов, которые оказались в «серой зоне» в результате распада СССР и ОВД.

Цель данной работы — проследить, как декларируемый НАТО принцип «открытых дверей» осуществлялся после холодной войны, каким оказался практический вклад новых стран-членов в реализацию военно-политических приоритетов США, как Североатлантический альянс пытался решать в данном контексте проблему негативного отношения России к его расширению на восток, как эволюционировали целеполагание и практические действия Москвы (особенно в условиях украинского конфликта) в данной ситуации, как сам блок маневрирует в применении данного принципа к странам, которым были даны обещания о приеме, становящиеся всё менее реалистичными. В основу исследования положен проблемно-хронологический подход, необходимый для понимания того, как и почему Североатлантический альянс принял решение о включении

³ The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949...

в свой состав бывших союзников СССР, почему коллективный Запад на определенном этапе перешел негласно соблюдавшуюся до этого «красную линию» в виде западной границы бывшего Советского Союза и взял курс на прием в НАТО ряда государств постсоветского пространства. Наряду с этим анализируются и основные факторы, предопределявшие как негативное отношение России к принципу «открытых дверей» весь период после холодной войны, так и меняющийся характер реагирования Москвы на реализацию этого принципа.

Данная проблематика стала темой исследований широкого круга специалистов, на которые опирался автор. В работах таких российских экспертов, как А.Г. Арбатов [Арбатов, 2006], В.Г. Барановский [Барановский, 2021], В.И. Батюк [Батюк, 2020], Д.Ю. Глинский-Васильев [Глинский-Васильев, 2000], Ю.П. Давыдов [Давыдов, 2000], М.А. Троицкий [Троицкий, 2004], с одной стороны, подчеркивается тот вызов, который представляет для Москвы расширение альянса, с другой — констатируется, что хотя бы на определенном этапе институционализация отношений Россия — НАТО и их совместные форумы и мероприятия способны были сыграть стабилизирующую роль. В то же время некоторые другие российские эксперты — А.А. Бартош [Бартош, 2023], В.В. Штоль [Штоль, 2015] — высказывались более скептически в отношении перспектив сотрудничества РФ и НАТО, придерживаясь точки зрения, что принцип «открытых дверей» и его реализация на практике — это лишь один из показателей того, что альянс стремится к глобальному доминированию и глобализации своей миссии.

В отличие от российских, западные (преимущественно американские) эксперты, на работы которых опирается данная статья, исходили из необходимости обосновать западное доминирование в Европе после холодной войны и лидирующую роль НАТО. Однако и здесь даже в 1990-е и начале 2000-х годов, которые были благоприятным периодом для доктрины «открытых дверей», оптимизм на этот счет был отнюдь не единодушным. Большинство экспертов, специализировавшихся на проблеме расширения НАТО (наиболее заметные из них — Р. Асмус [Asmus, 2002], З. Бжезинский [Brzezinski, 1995, 2009], Дж. Голдгейер, И. Даалдер [Daalder, Goldgeier, 2006], С. Лэррэби [Larrabee, 2006]), выступали с позиций западного триумфализма, за максимально быстрое включение бывших социалисти-

ческих стран в альянс независимо от возражений России, равно как и за придание НАТО глобальной миссии. В то же время некоторые политологи (в частности, Д. Йост [Yost, 1998]) обосновывали экспансию НАТО аргументом о необходимости переноса центра тяжести в блоке с «коллективной обороны» на «коллективную безопасность» в отсутствие прежней экзистенциальной угрозы, каковой был СССР. Наконец, и в США, и в Европе были сравнительно немногочисленные эксперты (Р. Арт [Art, 1998], К. Уолтц [Waltz, 2000]), которые считали, что реализация принципа «открытых дверей» даст результаты, прямо противоположные заявленным, и даже приведет к катастрофе, в том числе в отношениях с Россией. Подобный скептицизм в западном экспертном сообществе, в том числе среди тех, кто по-прежнему не считает расширение НАТО ошибкой, значительно усилился со второго десятилетия XXI в., когда Россия стала демонстрировать решимость не допустить распространения альянса на зону своих жизненно важных интересов на постсоветском пространстве [Sarotte, 2021].

В работе использовались также мемуарные исследования государственных деятелей России и США, которые имели непосредственное отношение к формулированию приоритетов Запада относительно расширения НАТО и к реагированию Москвы на возникавшие в этой связи вызовы⁴.

Основные этапы расширения НАТО и место «новой Европы» в американских стратегических приоритетах после холодной войны

Вопрос о том, как интегрировать в ряды западного сообщества бывшие государства «восточного блока», не сразу получил на Западе готовый ответ. Не сразу сложился там и консенсус в пользу принятия их в состав НАТО, равно как и в понимании, до каких пределов может расширяться Североатлантический альянс. В этом отношении продвижение принципа «открытых дверей» можно разделить на два больших этапа.

⁴Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999; Олбрайт М. Госпожа госсекретарь: мемуары М. Олбрайт. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004; Burns W.J. The back channel: A memoir of American diplomacy and the case for its renewal. N.Y.: Random House, 2019.

Первый этап (1990-е — середина 2000-х годов) — прием в НАТО всех бывших союзников СССР по ОВД, трех прибалтийских государств и Словении.

Второй этап (вторая половина 2000-х годов по настоящее время) — вступление в НАТО государств Западных Балкан, Финляндии и Швеции, попытки альянса продолжить расширение путем распространения его на Украину и Грузию.

Когда на повестку дня встал вопрос о включении в НАТО бывших членов ОВД (в первую очередь Вишеградской четверки — Польши, Венгрии, Чехии и Словакии), первоначально наибольшую активность проявляли даже не США, а Германия, принявшая на себя основное бремя экономической трансформации посткоммунистического региона Европы и настаивавшая на синхронизации процессов расширения ЕС и НАТО⁵. Однако определяющим оказалось в итоге мнение Вашингтона, взявшего в свои руки реализацию задачи расширения альянса, хотя и там решение в пользу быстрого приема экс-союзников Москвы в качестве полноправных членов НАТО с распространением на них соответствующих гарантий безопасности стало результатом весьма оживленных споров внутри внешнеполитического сообщества⁶. К тому же быстрое начало расширения блока на страны ЦВЕ было необходимо США для того, чтобы упредить и поставить в жесткие рамки претензии ЕС на автономию в сфере безопасности и обороны, которые активизировались в ряде ведущих европейских государств (прежде всего во Франции: на первых порах она весьма сдержанно отнеслась к идее распространения НАТО на

⁵ Наиболее решительным сторонником «открытия дверей» НАТО (наряду с ЕС) для бывших союзников СССР в первой половине 1990-х годов был министр обороны ФРГ Ф. Рюз, который, по его словам, убеждал колеблющихся в тот период членов администрации США в необходимости такого открытия. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 217–226].

⁶ В частности, сторонниками того, чтобы не проводить или по крайней мере отсрочить расширение НАТО, были министры обороны в администрации У. Клинтона Л. Эспин и У. Перри. В то же время помощник президента по национальной безопасности У. Лейк, государственный секретарь М. Олбрайт (в отличие от своего предшественника У. Кристофера, делавшего основную ставку на программу «Партнерство ради мира»), заместитель государственного секретаря С. Тэлботт были сторонниками максимально быстрой реализации данного проекта. См.: Олбрайт М. Указ. соч. С. 329–346; [Сапотт, 2021: 54–55; Троицкий, 2004: 150; Conklin, 2015: 15–22; Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 405–424].

Восточную Европу, хотя в конечном счете поддержала его⁷) после вступления в силу Маастрихтского договора об образовании Европейского союза.

Показателем того, что Вашингтон принял окончательное решение о поддержке вступления в НАТО бывших членов ОВД и прибалтийских республик, стало заявление президента У. Клинтона, сделанное в январе 1994 г. в Праге: «...вопрос состоит не в том, будет ли НАТО принимать новых членов, а в том, как и когда это будет реализовано» [Goldgeier, 1999: 57].

В этом смысле представляет интерес обзор внутриамериканских дискуссий на данную тему, который представила почетный профессор Школы передовых международных исследований Джонса Хопкинса М.Э. Саротт⁸. Она отмечает: «Хотя НАТО — альянс множества стран, в основном он отражает точку зрения США, когда речь заходит о гарантиях статьи 5 Североатлантического договора — обещание рассматривать нападение на одну страну-участницу как нападение на всех. Поэтому превалировал американоцентричный универсальный подход, хотя других членов тревожила географическая проблема: чем ближе границы альянса подходят к России, тем выше риск, что расширение сведёт на нет новое сотрудничество с Москвой и поставит под угрозу прогресс в сфере контроля над вооружениями». Однако в США, по признанию эксперта, возобладала точка зрения, что они должны проводить политику сдерживания и после холодной войны [Sarotte, 2021: 48].

Правда, на уровне публичных заявлений большинство сторонников расширения НАТО на Западе старались отрицать его направленность против России. Более того, замысел строительства «большой НАТО» с участием экс-социалистических стран ЦВЕ в то время аргументировался не столько задачей отражения угроз западному лагерю, сколько необходимостью строительства новой

⁷ Президент Франции Ж. Ширак, выступая на саммите ОБСЕ в Лиссабоне в декабре 1996 г., заявил, что расширение НАТО и ЕС должно происходить в рамках более широкого европейского проекта, исключающего новые линии раздела на континенте. См.: Boniface P. The NATO debate in France // NATO Academic Forum. 07.10.1997. Available at: <https://www.nato.int/acad/conf/enlarg97/boniface.htm> (accessed: 26.02.2024).

⁸ М.Э. Саротт также является автором книги «Ни на дюйм: Америка, Россия и возникновение тупиковой ситуации после холодной войны» [Sarotte, 2021], в которой данный вопрос исследуется в общем контексте отношений России с Европой и США в первое десятилетие после окончания холодной войны.

политической архитектуры Европы, естественной основой которой должен был стать Североатлантический альянс, действующий в тесной координации с Европейским союзом (также начавшим процесс расширения) и другими институтами, носящими не блоковый, а общеевропейский характер (в первую очередь ОБСЕ)⁹.

Однако, хотя инициаторы расширения НАТО неизменно указывали (в ответ на опасения Москвы¹⁰), что этот замысел не направлен против безопасности России, большинство из них не скрывали, что один из главных смыслов данного процесса — обеспечить страховку на случай возврата к власти в РФ «реваншистских», «неоимперских» и «антидемократических» сил. В частности, эксперт по проблемам евро-атлантической безопасности М. Конклин в исследовании, выполненном в Военно-морской аспирантуре в г. Монтерее (Калифорния, США), выразил мнение, что на протяжении всего обсуждения расширения блока самое сильное влияние на лиц, ответственных в США за эту сферу, оказывали именно внутривнутриполитические события в России. Решения стран НАТО о расширении альянса, по утверждению эксперта, принимались с учетом того, как это повлияет на деятельность правительства президента Б. Ельцина¹¹, чья приверженность демократическим реформам, несмотря на его неоднозначный послужной список, сделала его единомышленником У. Клинтона; при этом западные политики учитывали «попытки государственных переворотов» в СССР и РФ в 1991 и 1993 гг., которые угрожали сближению России с Западом [Conklin, 2015: 19].

Обоснование Североатлантическим альянсом политики «открытых дверей» было непосредственно увязано с тем, как лидеры стран — членов НАТО, прежде всего США, рассматривали предна-

⁹ Study on NATO enlargement. September 3, 1995 // North Atlantic Treaty Organization. 05.11.2008. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24733.htm (accessed: 12.02.2024).

¹⁰ То, что Россия с озабоченностью относится к расширению НАТО, признавали разработчики стратегии этого расширения с самого его начала, в частности, в «Исследовании по вопросу расширения НАТО» 1995 г., в котором перспективы партнерства между РФ и альянсом оценивались оптимистично. См.: Study on NATO enlargement. September 3, 1995...

¹¹ Речь, очевидно, идет о согласии США и их союзников по НАТО отсрочить официальное приглашение в альянс первой группы стран ЦВЕ до тех пор, пока не пройдут президентские выборы в РФ в 1996 г. Об этом свидетельствовал, в частности, тогдашний заместитель государственного секретаря США С. Тэлботт. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 416].

значение и функции организации после холодной войны. Первые три стратегические концепции (1991, 1999, 2010), которыми руководствовался альянс после окончания эпохи биполярности, означали главным образом расширение круга его компетенций, переход от функции исключительно коллективной обороны стран-членов к более аморфной и при этом более глобализированной миссии содействия коллективной безопасности, в том числе за пределами географической зоны, определяемой ст. 5 Вашингтонского договора. НАТО планировала «совместить несколько социальных ролей: оплота безопасности в Евroatлантике; подающего евразийским государствам положительный пример соседа; кризисного менеджера в самом широком географическом масштабе; и миссионера демократии»¹².

Исходя из такого подхода, основанного на представлениях о «конце истории», проект создания «большой НАТО» путем принятия экс-союзников Москвы неизменно обосновывался не геополитическими соображениями западных государств, а стремлением бывших социалистических стран присоединиться к этому сообществу и получить помощь «старых» членов данных объединений¹³. Упор политических элит государств-кандидатов именно на НАТО во многом объяснялся тем, что процедура принятия новых членов в ЕС требует выполнения большого количества условий по соответствию его критериям. Такого соответствия достичь было весьма трудно в связи с незрелой политической культурой в большинстве восточноевропейских стран, отягощенной национализмом, популизмом, коррупцией и авторитарными пережитками.

С такой приоритетностью именно НАТО в деле открытия для стран ЦВЕ «дверей» в западное сообщество вынужден был смириться и Евросоюз, хотя, несмотря на общий с Североатлантическим

¹² Мельникова Ю. #NATO2030: новый виток рефлексии для Североатлантического альянса // Российский совет по международным делам. 07.07.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato2030-novyy-vitok-refleksii-dlya-severoatlanticheskogo-alyansa/> (дата обращения: 16.02.2024).

¹³ В качестве доказательства того, что именно желанием бывших союзников СССР вступить в НАТО руководствовались «старые» члены альянса, сторонники его скорейшего расширения (в частности, С. Тэлботт) приводят просьбу президентов Польши, Чехии и Венгрии Л. Валенсы, В. Гавела и А. Гёнца принять их страны в НАТО, которую они высказали во время визита в Вашингтон в апреле 1993 г. См.: [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 407].

альянсом политический проект интеграции бывших союзников Москвы, институциональное соперничество между ними всегда существовало. Как считает болгарский историк и политолог Н. Аврейски, в расширении НАТО на восток ЕС видит гарантии необратимости переориентации новых демократий с Востока на Запад. Брюссель, по его мнению, «решил использовать НАТО в качестве еще одних ворот в ЕС (в качестве первых уже функционировал Совет Европы, в который на тот момент входили почти все страны Центральной Европы)» [Аврейски, 2013: 591].

Такой, казалось бы, важный критерий, как способность новых членов содействовать приращению совокупного военного потенциала НАТО, не играл принципиальной роли при реализации всех этапов данного расширения (за исключением в какой-то степени Финляндии и Швеции). По мнению, например, В.И. Батюка, «ни страны “Вышеградской тройки” (Венгрия, Польша, Чехия), ни страны “второго призыва” в НАТО (Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Румыния и Болгария), ни балканские страны (Хорватия, Албания и Черногория, которые вступили в альянс в 2009–2017 гг.) не располагают крупными и современными вооруженными силами, способными внести реальный вклад в укрепление обороноспособности НАТО» [Батюк, 2020: 11–12].

Оставшиеся в меньшинстве при обсуждении планов расширения альянса западные эксперты из числа сторонников школы «политического реализма» (К. Уолтц, Дж. Миршаймер, М. Браун, основоположник концепции «сдерживания» СССР Дж. Кеннан) с самого начала критически отнеслись к этим планам¹⁴. В частности, К. Уолтц прогнозировал (во многом весьма точно, как показали события уже XXI в.), что расширение НАТО приведет к отчуждению от Запада демократических и прорыночных сил в России, ослабит надежды на дальнейшие крупномасштабные сокращения вооружений, толкнет Москву в объятия Китая. Кроме того, по мнению К. Уолтца, чем больше в альянсе членов, тем труднее согласовывать внутри него разнонаправленные интересы, тем слабее его сплоченность. Наконец, как показали войны на Балканах, будет расти негативное влияние на НАТО различных дестабилизирующих факторов на границах альянса [Waltz, 2000].

¹⁴ Обзоры взглядов сторонников «реалистской» школы на расширение НАТО см., например: [Михайлов, Воловиков, 2023: 67; Zhang, 2022].

В то же время вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии, особенно война в Боснии и Герцеговине, стали существенным стимулом для форсирования процесса строительства «большой НАТО». К тому же в реагировании на эти конфликты проявилась неспособность Европейского союза сыграть координирующую роль среди своих членов, сделавшая неизбежным вмешательство НАТО (в которой США являются безусловным лидером, диктующим повестку и приоритеты организации), ведь в противном случае западоцентристская система безопасности в Европе была бы поставлена под вопрос. Впоследствии принцип «открытых дверей» НАТО был проведен в жизнь и в отношении большинства самих государств Западных Балкан.

Западно-Балканский регион (страны бывшей Югославии и Албания) был поставлен на повестку расширения НАТО сразу после «поглощения» альянсом бывших восточноевропейских союзников СССР и прибалтийских государств. Отставание данного региона в процессе его интеграции в западные институты было обусловлено его спецификой, связанной с охватившими его военными конфликтами и постконфликтным восстановлением, а не тем, что Западу требовалось вторгаться в чью-то чужую сферу влияния. В 2009 г. в НАТО были приняты Хорватия и Албания, в 2017 г. — Черногория, в 2020 г. — Северная Македония¹⁵. Для большинства западнобалканских стран именно вступление в НАТО стало главным направлением движения к западному «сообществу демократических государств», поскольку путь в Евросоюз ввиду их явного несоответствия принятым в ЕС критериям сопряжен с гораздо большими трудностями.

Спецификой балканского аспекта активности НАТО (в том числе стратегии ее расширения), равно как и политики США на восточном фланге альянса, является тесная взаимосвязь с комплексом проблем, который касается парирования евро-атлантическим сообществом вызовов, исходящих с Ближнего и Среднего Востока и из Северной Африки. Это прежде всего борьба с терроризмом и сдерживание миграционной волны, охватившей Европу с середины 2010-х годов в связи с обострением конфликтов на Ближнем

¹⁵ Для Македонии путь к вступлению в НАТО и началу переговоров с Евросоюзом о вступлении был открыт только после урегулирования многолетнего спора с Грецией о названии страны и принятия самоназвания «Северная Македония».

Востоке (в том числе тех, которые стали прямым следствием поощрявшейся самим же Западом «арабской весны» в начале второго десятилетия XXI в.).

Распространение принципа «открытых дверей» НАТО на государства Западных Балкан затрагивало интересы России в меньшей степени, чем прием бывших союзников СССР и стран Балтии, примыкающих к периметру ее границ на западе, тем более что ни Югославия, ни Албания (после 1968 г.) не входили в ОВД. В то же время Москва, конечно, не могла не ощущать, что ее влияние в этом регионе сокращается (даже в традиционно близкой ей Сербии) в результате расширения НАТО и ЕС, равно как и продолжения функционирования механизмов урегулирования боснийского и косовского конфликтов, где эти западные институты играют доминирующую роль.

Для НАТО же, в первую очередь для США, форсирование вступления стран региона в альянс было важно с точки зрения давления на Сербию, которая остается пусть и шатким, но оплотом российского влияния, не ставит задачу вступления в блок (в силу последствий натовской агрессии 1999 г.), но при этом провозгласила присоединение к ЕС одним из своих главных политических приоритетов.

В то же время обострение противостояния между Россией и Западом из-за начавшегося в 2014 г. «украинского кризиса» значительно усилило антироссийские акценты в «расширительной» стратегии НАТО уже и в Западно-Балканском регионе. Особенно отчетливо антироссийский подтекст ощущался в ходе вступления в альянс Черногории, где этот процесс сопровождался официальными обвинениями Сербии, РФ и «пророссийской» оппозиции в намерении организовать государственный переворот и убийство премьер-министра М. Джукановича¹⁶. К тому же ратификация протокола о приеме Черногории в НАТО долго тормозилась в Сенате США из-за противодействия сенаторов-республиканцев Р. Пола и М. Ли, выступавших за то, чтобы ограничить американские военно-политические обязательства за рубежом. Только после прихода к власти администрации Д. Трампа и давления, которое Государственный

¹⁶ Montenegro PM accuses opposition over 'plot to kill him' // BalkanInsight. 10.11.2016. Available at: <https://balkaninsight.com/2016/11/10/djukanovic-accuses-pro-russian-opposition-over-plot-to-kill-him-11-10-2016/> (accessed: 14.03.2024).

департамент оказал на верхнюю палату Конгресса, этот протокол в марте 2017 г. был ратифицирован¹⁷.

Вне НАТО на Западных Балканах остаются Сербия, Босния и Герцеговина, а также частично признанное Косово¹⁸. Для Боснии и Герцеговины, где действует миротворческая операция ЕС «Алтея» и функционирует институт Высокого представителя международного сообщества, фактически единственным препятствием на пути в НАТО остается позиция Республики Сербской (РС), которая согласно Дейтонским соглашениям 1995 г. является одним из энтитетов в рамках этой слабой федерации и ориентируется на Белград. К тому же ситуация вокруг отношений этой страны с НАТО осложнилась и в результате отказа РС (вслед за Сербией) осудить действия России на Украине после февраля 2022 г. и поддержать антироссийские санкции, несмотря на западное давление.

«Российская угроза» подстегнула стремление властей частично признанного Косова форсировать процесс вступления этого «государства» в НАТО (даже несмотря на непризнание его независимости несколькими членами блока), тем более что уже с 2000 г. на территории этого края действует крупнейшая в Юго-Восточной Европе база американского контингента в составе сил KFOR¹⁹ — Кэмп-Бондстил. При этом притязания Приштины на членство в НАТО активно поддерживали Турция и Хорватия [Арляпова, Пономарева, 2023: 159–162].

Между тем принцип «открытых дверей» предполагал, что после «поглощения» Западом внешнего периметра безопасности бывшего СССР и прибалтийских республик, а также принятия в НАТО государств Западных Балкан «расширительная» повестка альянса не должна быть приостановлена, и он неизбежно должен был определиться с тем, что делать с оставшимися странами посткоммунистической части Европы.

¹⁷ Exclusive: Tillerson urges Senate ratification of Montenegro's NATO membership // Reuters. 22.03.2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-nato-montenegro-exclusive-idUSKBN16S2VH> (accessed: 13.03.2024).

¹⁸ Независимость Косова до сих пор не признана пятью членами ЕС: Грецией, Испанией, Кипром, Румынией и Словакией, четыре из которых являются также членами НАТО. Они обуславливают возможность признания Косова изменением позиции Сербии по данному вопросу.

¹⁹ Международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косове.

Ситуация, возникшая к востоку от новых рубежей НАТО и Евросоюза, где они стали граничить непосредственно с пространством бывшего СССР, выглядела принципиально по-иному, нежели в случае со странами экс-соцлагеря. Бывшие советские республики (за исключением прибалтийских) после холодной войны в меньшей степени были вовлечены в орбиту западного влияния, прежде всего в институциональном плане. Они в той или иной мере были связаны с Россией институтами СНГ, а некоторые — структурами с более высокой степенью интеграции, такими как Организация Договора о коллективной безопасности или Евразийское экономическое сообщество (с 2015 г. — Евразийский экономический союз). Социально-экономический и политический статус европейских государств СНГ вплоть до конца первого десятилетия XXI в. удерживал НАТО и ЕС от того, чтобы рассматривать их на одном уровне с регионом ЦВЕ. Однако и в этом вопросе Вашингтон и наиболее активные сторонники стратегии расширения среди его европейских союзников (особенно среди новичков НАТО) не могли остановиться на достигнутом и удовлетвориться тем, что после вступления стран ЦВЕ в западные институты в Европе возникает новая «серая зона», отделяющая евро-атлантические структуры от России.

Именно из-за того, что Евросоюз и НАТО вплотную подошли к внешним границам СНГ, негласная разграничительная линия между ЦВЕ и постсоветским пространством стала помехой для Запада. ЕС начал преодолевать эту линию, реализуя с 2004 г. Европейскую политику соседства, которая была адресована странам, находящимся к востоку от его новых границ, и в то же время не предполагала быстрого вступления в Евросоюз. Не мог отставать и Североатлантический альянс, который к тому же, в отличие от ЕС, готов предложить для тяготеющих к нему стран Восточной Европы перспективу полноправного членства.

Форсирование Вашингтоном (во многом под влиянием таких «ястребов», как вице-президент Р. Чейни и группировка неоконсерваторов в окружении президента Дж. Буша-мл.) вопроса о переходе НАТО упомянутой разграничительной линии на востоке Европы активизировалось, во-первых, ввиду необходимости восстановления единства атлантического лагеря, подорванного войной в Ираке, во-вторых, ради поощрения «демократических» и антироссийских сил в бывшем СССР (особенно активных в Грузии и на Украине, о

чем свидетельствовали «цветные революции» в этих странах в 2003 и 2004 гг.), в-третьих, для оказания более решительного противодействия «антидемократическим» и «реваншистским» тенденциям в политике России, которые, по мнению ее противников, стали набирать силу вскоре после прихода В.В. Путина на пост президента РФ. Последняя из этих задач становилась особенно актуальной ввиду приписываемого Москве стремления использовать энергетические рычаги (поставки нефти и газа) для политического давления на государства Восточной Европы и западной периферии бывшего СССР, которые гораздо сильнее, чем западноевропейские страны, зависели от этих ресурсов²⁰. Втягивание Украины и стран Черноморского и Каспийского бассейнов в орбиту НАТО (с перспективой приглашения некоторых из них вступить в сам альянс) — параллельно с аналогичными шагами Евросоюза — было тесно связано с выстраиванием коллективным Западом стратегии создания новых транспортных коридоров и маршрутов перевозки углеводородного сырья в обход территории РФ [Кризисная геополитика и Россия, 2024: 247–289].

Особенностью реализации принципа «открытых дверей» НАТО на постсоветском пространстве стало стремление США и их союзников сопроводить эту политику широким набором межгосударственных форумов и структур, призванных закрепить прозападную ориентацию тех стран бывшего СССР, которые особенно интересовали Запад (еще до официального их приглашения в альянс), и обеспечить им покровительство со стороны уже действующих партнеров Вашингтона в ЦВЕ. Среди таких структур — учрежденное еще в 1997 г. межгосударственное объединение ГУАМ²¹, преобразованное в 2006 г. в Организацию за экономическое развитие — ГУАМ; Содружество демократического выбора²², созданное в 2005 г.; и др.

²⁰ В частности, обвинения против России в использовании таких рычагов выдвинул вице-президент США Р. Чейни в своем выступлении на саммите Содружества демократического выбора в Вильнюсе в мае 2006 г. См.: Vice President's remarks at the 2006 Vilnius summit // The White House (President George W. Bush). 04.05.2006. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (accessed: 24.02.2024).

²¹ Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия; до 2005 г. в него входил также Узбекистан.

²² В него вошли Эстония, Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Румыния, Словения, Украина.

Односторонний выход Вашингтона из Договора о противоракетной обороне (ПРО) в 2002 г., разработка и начало осуществления планов размещения элементов американской ПРО в ряде стран ЦВЕ, агрессия США и некоторых его союзников в Ираке, разрушение Западом санкционированного Советом Безопасности ООН механизма урегулирования конфликта в Косове и признание в 2008 г. подавляющим большинством западных государств одностороннее провозглашенной независимости этой территории, открытая поддержка со стороны Соединенных Штатов и различных американских фондов и неправительственных организаций нелегитимной смены правящих режимов в Грузии (2003) и на Украине (2004) (а реакция Москвы на эти действия была поначалу весьма умеренной) создали у Белого дома иллюзию, что и переход «красной линии» в виде внешней границы СНГ также не вызовет особого противодействия. Установившиеся в результате «цветных революций» в Тбилиси и Киеве открыто прозападные режимы сами взяли курс на интеграцию в евро-атлантическое сообщество. Принятие для Украины и Грузии «планов действий по подготовке к членству» (ПДЧ) в НАТО намечалось на Бухарестском (апрель 2008 г.) саммите альянса как техническая процедура, которая до того была обязательна и для других кандидатов из числа стран ЦВЕ. Однако Россия не могла рассматривать эту процедуру как чисто техническую, ведь было очевидно, что за ней через какой-то временной промежуток последует их официальное приглашение вступить в альянс.

Такой радикальный разрыв Вашингтона с негласно соблюдавшейся до тех пор линией на то, чтобы не распространять принцип «открытых дверей» НАТО на страны СНГ, вызвал в тот период возражения некоторых ведущих союзников США по блоку, прежде всего Германии и Франции. Они воспрепятствовали предоставлению ПДЧ Киеву и Тбилиси на саммите в Бухаресте, хотя в заключительном коммюнике было выражено согласие НАТО с тем, что они станут его членами²³.

Однако и в самом американском истеблишменте позиция на этот счет не была монолитной. Тогдашний посол США в РФ У. Бернс

²³ Bucharest Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008 // North Atlantic Treaty Organization, 03.04.2008. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm (accessed: 30.01.2024).

(с 2021 г. — директор ЦРУ) признавал, что сдержанная реакция В.В. Путина на прием в НАТО Эстонии, Латвии и Литвы не могла повториться в случае с Украиной и Грузией. Намерение же любой ценой предоставить последним ПДЧ в НАТО, по утверждению У. Бернса, объяснялось геополитической и идеологической инерцией, интересами тех кругов, которые были связаны с вице-президентом Р. Чейни, и ряда правительственных ведомств. Экс-посол США в РФ предупреждал, что преждевременное форсирование этого якобы технического вопроса отношений Киева и Тбилиси с НАТО не найдет понимания в России даже среди самых убежденных сторонников сближения с США, а также создаст почву для российского вмешательства в Крыму и на востоке Украины, а в случае с Грузией (в том числе с использованием «косовского прецедента») — для признания независимости Абхазии и вооруженного конфликта между Тбилиси и Москвой²⁴.

Подобная «прозорливость» высокопоставленного американского чиновника и дипломата показывает, как еще за несколько лет до возникновения «украинского кризиса» среди высшего руководства ведущих западных стран появилось осознание того, что негативная для трансатлантического сообщества эволюция российского фактора при расширении НАТО (и вообще монополизации Западом формирующейся архитектуры европейской безопасности) станет неизбежной.

Вместе с тем переход России к активным, в том числе силовым, методам противодействия «освоению» Западом Восточно-Европейского региона, отчетливо обозначившийся после государственного переворота на Украине в 2014 г., стимулировал западные институты к более «творческому» применению принципа «открытых дверей» НАТО. Невозможность предоставить полноправное членство в альянсе Украине и Грузии, которая стала очевидной уже на Бухарестском саммите НАТО 2008 г. и только усугубилась в результате последующих кризисов и конфликтов, охвативших эти страны и вынудивших Россию пересмотреть там территориальный статус-кво, альянсу удалось в значительной мере компенсировать в регионе Северной Европы.

Начало Россией специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. дало НАТО новый предлог для реализации

²⁴ Burns W.J. Op. cit. P. 230–233.

политики своего расширения, когда геополитические (в большей степени, чем ценностные) обоснования оказались доминирующими, новые кандидаты на вступление, в отличие от стран ЦВЕ, ранее даже не значились в натовских планах и в то же время альянс мог не опасаться активного противодействия Москвы. Это проявилось прежде всего в поспешно проведенной процедуре принятия в НАТО Финляндии и Швеции²⁵, которые, покончив с многолетней традицией внеблоковой политики, подали соответствующие заявки в мае 2022 г. и для которых была отменена прежде обязательная стадия ПДЧ. Прием в альянс двух северных государств, позволивший США и их европейским союзникам заполнить «недостающее звено» в натовской цепи на востоке Европы (в зоне непосредственного соприкосновения с Россией) и решить проблему несовпадающего членства в НАТО и ЕС, вынуждавшего блок строить свое военное планирование с учетом финского и шведского нейтралитета [Данилов, 2022: 20], существенно отличался по своей логике от приема экс-социалистических стран. Швеции и Финляндии не было необходимости проходить «демократическую трансформацию», их вклад, особенно Стокгольма, в совокупный военный потенциал альянса будет весьма заметным (по крайней мере в масштабах Северо-Европейского региона), а их сотрудничество с НАТО (в том числе участие в совместных учениях, обмен разведывательной информацией) задолго до вступления в блок ориентировало их на атлантический вектор.

Увеличение членского состава НАТО вдвое после окончания холодной войны, хотя и не привело к резкому усилению военной мощи альянса, дало США целый ряд новых возможностей для укрепления своего военного и политического доминирования в Европе и для дальнейшего проецирования силы в различных регионах, выходящих за европейские рамки. В этой связи следует обозначить основные направления использования Вашингтоном этих возможностей, которые он получил за четверть века (1999–2024) практической реализации принципа «открытых дверей» НАТО.

Во-первых, появление в ЦВЕ большого массива государств — новых членов НАТО, видящих именно в США (в большей степени,

²⁵ Официальное присоединение Швеции к НАТО затянулось из-за особой позиции Турции и Венгрии, но и их парламенты в январе и феврале 2024 г. после долгих проволочек ратифицировали соответствующий протокол.

чем в ЕС) основную гарантию закрепления своей прозападной ориентации, позволило Вашингтону, особенно в первые годы после начала расширения альянса, активно задействовать политический ресурс этих стран, а также тех, кто только стоит в очереди на прием в НАТО. В частности, это было нужно для создания противовеса «старым» членам блока («старой Европе», по выражению Д. Рамсфелда, министра обороны в администрации Дж. Буша-мл.²⁶) в тех случаях, когда последние не проявляли энтузиазма в поддержке тех или иных действий США, чреватых вовлечением европейских государств в ненужные им конфликты. Особенно ярко это проявилось в ходе начавшейся в 2003 г. войны против Ирака, которую отказались поддержать ряд ведущих стран Европы, в первую очередь Германия и Франция. В качестве своеобразной платы за открытые для них «двери» в НАТО в начале февраля 2003 г. десять стран — участниц так называемой Вильнюсской группы из числа тогдашних очередников на вступление в НАТО (Албания, Болгария, Латвия, Литва, Македония, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Эстония) подписали письмо в поддержку позиции США по оружию массового поражения, якобы имевшемуся у режима С. Хусейна, и решительного ответа «демократических государств» на угрозу, которая, по их утверждению, исходила от этого режима²⁷. Среди стран ЦВЕ, уже вступивших к тому времени в НАТО и участвовавших во вторжении в Ирак, наибольшую выгоду получила Польша, под командованием которой в 2003–2008 гг. находилась оккупационная зона к югу от Багдада²⁸. То, что бывшие социалистические страны Европы смогли в результате своего втягивания в стратегические планы США ощутить собственную важность, нейтрализовывало для них политические издержки от участия в таких противоречивых военных кампаниях, как югославская (1999) или иракская (2003).

Во-вторых, распространение НАТО на всю Центральную и Юго-Восточную Европу позволило США приступить — еще задолго до

²⁶ См.: Secretary Rumsfeld briefs at the Foreign Press Center // U.S. Department of Defense (Archive). 22.01.2003. Available at: <https://web.archive.org/web/20140228200949/http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=1330> (accessed: 16.03.2024).

²⁷ Statement of the Vilnius Group countries // Novinite.com. 05.02.2003. Available at: https://www.novinite.com/view_news.php?id=19022 (accessed: 06.02.2024).

²⁸ Poland formally ends its Iraq mission // NBC News. 05.10.2008. Available at: <https://www.nbcnews.com/id/wbna27023061> (accessed: 12.03.2024).

возникновения «украинского кризиса» — к задействованию географического, политического и военного ресурсов новых стран — членов блока. Уже в середине первого десятилетия XXI в. Вашингтон подписал с Румынией (2005) и Болгарией (2006) соглашения, согласно которым американские вооруженные силы могли использовать ряд военных объектов в этих странах²⁹. Вашингтон в то время отрицал антироссийскую направленность этих соглашений и обосновывал свое присутствие на подобных объектах в Юго-Восточной Европе задачами борьбы с терроризмом и урегулирования региональных кризисов в различных частях мира.

Кроме того, администрации Дж. Буша-мл. незадолго до окончания срока своих полномочий удалось добиться официального согласия некоторых стран ЦВЕ на размещение на их территориях элементов ПРО США. Вашингтон обосновывал эти мероприятия необходимостью защиты от ракетной угрозы со стороны весьма далеких от того региона «государств-изгоев», в первую очередь Ирана. В июле 2008 г. было заключено соглашение между США и Чехией о размещении в этой стране американской радиолокационной системы (РЛС)³⁰, а в августе того же года — соглашение между США и Польшей о размещении на польской территории ракет-перехватчиков³¹. Трансформация проекта Третьего позиционного района ПРО США администрацией Б. Обамы (провозглашение «поэтапного адаптивного подхода» в сентябре 2009 г.³²) ограничила его масштаб, вписала его в рамки НАТО, но не устранила вызов, который он представлял

²⁹ Речь идет четырех военных объектах в Румынии и таком же количестве баз в Болгарии (в первую очередь военных аэродромах), а также о ротационном присутствии в каждой из этих стран нескольких тысяч американских военнослужащих. Некоторые российские эксперты отмечали возможность использования этих баз для силового продвижения американской «энергетической дипломатии» в Европе и создания противовеса российским проектам строительства магистральных нефте- и газопроводов [Гришин, 2007: 195].

³⁰ Ballistic Missile Defense Agreement Between the United States and the Czech Republic // U.S. Department of State (Archive). 10.07.2008. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/07/106923.htm> (accessed: 26.02.2024).

³¹ Ballistic Missile Defense Agreement Between the United States of America and the Republic of Poland // U.S. Department of State (Archive). 20.08.2008. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/aug/108659.htm> (accessed: 26.02.2024).

³² Fact sheet on U.S. missile defense policy: A 'phased, adaptive approach' for missile defense in Europe // The White House (President Barack Obama). 17.09.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-missile-defense-policy-a-phased-adaptive-approach-missile-defense-eur> (accessed: 26.02.2024).

как для российских сил ядерного сдерживания, так и для позиций Москвы в этом регионе Европы. Уже вскоре после объявления президентом Б. Обамой новых планов ПРО правительство Румынии в феврале 2010 г. дало согласие разместить на своей территории ракеты-перехватчики SM-3 в рамках этого проекта³³. Батареи SM-3, а также РЛС и системы связи являются частью комплекса ПРО в Девеселу на юге Румынии, который был введен в строй в мае 2020 г.

Возникновение военно-политического кризиса вокруг Украины в 2014 г., а затем и российская военная операция в этой стране, начатая в феврале 2022 г., повлекли за собой несколько волн наращивания военного присутствия НАТО на новом восточном фланге альянса³⁴. Таким образом, для тех стран ЦВЕ и Балтии, которые воспользовались принципом «открытых дверей» НАТО в период, относительно благоприятный для его реализации, расчеты на «мирные дивиденды» от вступления в альянс и на то, что их присоединение к НАТО поможет «сдержать» Россию, очевидно, оказались ошибочными.

В-третьих, у НАТО после приближения ее восточных пределов непосредственно к границам Российской Федерации появилось множество новых возможностей для задействования новых членов в стратегии «гибридных войн». Бывшие социалистические страны особенно настойчиво эксплуатируют тему защиты от «гибридных» угроз со стороны России, заключающихся, по их мнению, в сочетании военных и невоенных методов воздействия на потенциального противника, особенно с применением информационной войны, кибератак, дестабилизации политических режимов. После начала «украинского кризиса» НАТО стала систематически прорабатывать вопрос о задействовании ст. 5 Вашингтонского договора для защиты от «гибридных» угроз. Уже на Варшавском (2016) саммите

³³ Romania agrees to host US missile interceptors // The Christian Science Monitor. 05.02.2010. Available at: <https://www.csmonitor.com/World/terrorism-security/2010/0205/Romania-agrees-to-host-US-missile-interceptors> (accessed: 26.02.2024).

³⁴ Помимо уже созданных с 2017 г. восьми многонациональных боевых групп на территориях восточноевропейских стран — членов НАТО общей численностью около 30 тыс. человек этот регион в случае резкого обострения напряженности между Россией и НАТО может стать ареной для развертывания 300 тыс. военнослужащих в повышенной степени готовности. См.: NATO agrees strong package for Ukraine, boosts deterrence and defence // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_217059.htm?selectedLocale=en (accessed: 16.10.2023).

альянс закрепил эту задачу в заключительной декларации, сделав его составной частью коллективной обороны НАТО³⁵.

Еще задолго до обострения конфронтации между Россией и коллективным Западом в некоторых из новых стран — членов НАТО, в первую очередь в Балтийском регионе, были созданы «центры передового опыта» в различных сферах «гибридного» противостояния, получившие аккредитацию при НАТО (при этом не обязательно финансируемые альянсом напрямую), где Россия хотя бы в силу их географического местоположения подразумевается как главный противник. Среди таких структур — Центр передового опыта в области совместной киберзащиты, функционирующий в Таллине с 2008 г., аналогичный центр в области стратегических коммуникаций в Риге (с 2014 г.), а также Центр энергетической безопасности в Вильнюсе (с 2012 г.)³⁶. Кроме того, в Хельсинки с 2017 г. (когда Финляндия еще не была членом альянса) действует Европейский центр по противодействию гибридным угрозам, который имеют возможность использовать и Евросоюз, и НАТО [Зверев, 2021].

Меняющаяся реакция России и маневрирование НАТО

Россию даже в период максимальной готовности к интеграции в общее с Западом пространство безопасности не могло не беспокоить игнорирование ее интересов в результате одностороннего распространения на восток западных институтов при строительстве новой европейской архитектуры. Это беспокойство проявилось еще в период перестройки в СССР, когда после «бархатных революций»

³⁵ Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 23.02.2024).

³⁶ В разработке Стратегии энергетической безопасности стран НАТО новые члены альянса приобретают важную роль, особенно в контексте переориентации углеводородного рынка региона с поставок из России на поставки из других источников, в том числе сжиженного природного газа из США. Этим в первую очередь была обусловлена поддержка Вашингтоном «Инициативы трех морей» (Балто-Адриато-Черноморской инициативы), выдвинутой руководителями Польши и Хорватии в 2015 г. На саммите этого форума в 2017 г. президент США Д. Трамп выступил с программной речью, посвященной такой переориентации. См.: Farber M. Read Donald Trump's remarks at the Three Seas Initiative summit in Poland // Time. 06.07.2017. Available at: <http://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> (accessed: 16.03.2024).

в восточноевропейских странах и начала процесса объединения Германии — фактически распространения на ГДР юрисдикции ФРГ и включения ее территории в НАТО — вопрос о расширении альянса на этот регион встал в практическую плоскость ввиду неизбежности роспуска ОВД (хотя официально она была распущена только 1 июля 1991 г.). Эту озабоченность унаследовала после распада СССР и Российская Федерация, у которой ввиду ее тяжелого социально-экономического положения в тот период было мало возможностей противостоять западной экспансии. Уже на саммите Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Будапеште в декабре 1994 г. президент РФ Б.Н. Ельцин говорил, что поиски Североатлантическим альянсом, который был создан в эпоху холодной войны, своего места в новом европейском порядке должны не создавать новые полосы размежевания, а приближать европейское единство. Однако этой логике, по словам российского лидера, противоречат планы расширения НАТО, а доводы, что приближение блока к границам РФ — это экспансия стабильности на случай нежелательного развития событий в России, означают недоверие к российской демократии³⁷.

Спустя два десятилетия после того, как был дан старт процессу непосредственного принятия в НАТО новых членов из числа бывших союзников СССР, его главные инициаторы и сторонники на Западе уже не скрывали, какими были основные побудительные мотивы для этого проекта. В частности, бывший командующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал У. Кларк отмечал, что «если бы НАТО не удалось осуществить расширение, то это бы еще раньше открыло путь усилиям России по восстановлению под своим контролем пространства бывшего Советского Союза и ее господства над Восточной Европой» [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 565].

Российской Федерации во всех проектах экспансии западных институтов (НАТО, ЕС), предполагавших их фактическую монополию на формулирование новой архитектуры безопасности в Европе, не находилось места как равноправному участнику. Запад готов был

³⁷ Выступление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в Будапеште на пленарном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), 5 декабря 1994 г. // Президентский центр Б.Н. Ельцина. Доступ: <https://yeltsin.ru/archive/audio/9035/?ysclid=lt4f2o38on27076803> (дата обращения: 27.02.2024).

предоставить ей в лучшем случае статус партнера по диалогу в различных форумах, выстраивавшихся вокруг этих институтов, но без перспектив вступления в них. Это прикрывалось заявлениями о том, что никто за пределами НАТО не имеет права вето на принимаемые организацией решения относительно включения новых членов или размещения войск и военной инфраструктуры на территориях новых стран-членов и что каждая страна сама может выбирать пути обеспечения своей безопасности, в том числе участие в оборонительных союзах, причем для государств постсоветского пространства (в первую очередь Украины) возможность членства в НАТО должна сохраняться. На это открыто указывали, в частности, бывший государственный секретарь США М. Олбрайт³⁸, бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский [Brzezinski, 1995: 35], бывший постоянный представитель США в НАТО, а затем посол США в РФ А. Вершбоу [Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War, 2019: 430–431].

Сама же Россия, хотя и в 1990-е, и отчасти в 2000-е годы ставила целью интеграцию в общеевропейскую систему безопасности на основе партнерства с США и их европейскими союзниками, не могла не быть озабоченной тем, что НАТО, даже прикрываясь риторикой о приоритетности коллективной безопасности, не собирается отказываться от своих закрепленных в учредительных документах и военном планировании инструментов, в первую очередь ст. 5 Вашингтонского договора. Но по крайней мере для некоторых стран ЦВЕ (особенно Польши и прибалтийской «тройки») их вступление в НАТО, пусть и по умолчанию, означало прежде всего получение военно-политических гарантий на случай именно возрождения «реваншистских» замыслов Москвы.

Правда, страны НАТО делали ставку (и во многом небезуспешно) на то, что Россия сталкивается со слишком большим массивом вызовов и угроз помимо Запада (в первую очередь связанных с резко возросшей активностью исламского фундаментализма), для отражения которого необходима координация действий с западным сообществом.

К тому же вызовы, которые даже в целом прозападно настроенная в тот период политическая элита РФ ощущала из-за стремления Запада воспользоваться результатами распада СССР и «восточного

³⁸ Олбрайт М. Указ. соч. С. 334.

блока», в 1990-е и отчасти в 2000-е годы удавалось смягчать благодаря созданию совместных с НАТО программ, советов и консультативных механизмов. Речь, в частности, идет о присоединении России к Совету евро-атлантического партнерства (СЕАП, до 1997 г. — Совет североатлантического сотрудничества), программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). Некоторые западные эксперты считают согласие России на участие в ПРМ и подписание в его рамках в мае 1995 г. индивидуальной программы партнерства едва ли не высшей точкой российско-западного диалога после холодной войны, ведь эта программа не устанавливала границы между странами, имеющими гарантии по ст. 5 Вашингтонского договора, и всеми остальными, и помогала максимально учесть озабоченности Москвы [Саротт, 2021].

Заметными шагами на пути строительства диалога Россия — НАТО, которые помогли хотя бы на время нивелировать отрицательные для РФ последствия расширения альянса, стали подписание в мае 1997 г. Основопологающего акта Россия — НАТО (в котором, в частности, стороны обязались воздерживаться от размещения у границ друг друга существенных боевых сил, а западный блок отказался от размещения ядерного оружия на территориях своих новых членов³⁹) и учреждение Совместного постоянного совета (СПС) Россия — НАТО, преобразованного в 2002 г. на волне российско-западного сближения после терактов в США 11 сентября 2001 г. в Совет Россия — НАТО. Последний предполагал, в отличие от первого, хотя бы на словах равноправное партнерство Москвы и всех стран альянса при координации подходов к различным проблемам безопасности и кризисным ситуациям.

Остроту взаимных противоречий на рубеже 1990–2000-х годов на некоторое время удалось смягчить после масштабных террористических атак на США ввиду необходимости совместных действий для отпора международному терроризму, когда и Россия, и коллективный Запад придерживались в то время схожей трактовки и близкого подхода к пониманию, откуда исходит эта угроза (радикальный исламизм). Москва тогда дала согласие на размеще-

³⁹ Основопологающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.05.1997. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/ (дата обращения: 26.02.2024).

ние военных объектов ряда стран — членов альянса в некоторых бывших республиках СССР в Центральной Азии при проведении НАТО операции в Афганистане. РФ даже свела к минимуму свое недовольство наиболее болезненным для нее элементом расширения НАТО — принятием в альянс Эстонии, Латвии и Литвы в конце марта 2004 г.⁴⁰

Однако добрая воля России не могла быть бесконечной. Смена государственного и политического руководства в РФ на рубеже XX–XXI вв., даже несмотря на первоначальное стремление нового президента В.В. Путина сблизиться с Западом на основе борьбы с общими угрозами (прежде всего международным терроризмом), постепенно усиливала антизападный вектор Москвы. «Стратегия расширения», избранная Вашингтоном и его союзниками в противовес «преобразовательной повестке дня», предложенной Россией, по мнению британского историка и политолога Р. Саквы, всё больше противоречила усилиям В.В. Путина, направленным на то, чтобы найти способ сочетания адаптации к доминированию Запада и самостоятельности, равно как и его нежеланию принять маргинализацию страны [Саква, 2020: 29].

Не безграничен был и ресурс российско-натовских совместных форумов, которые, хотя декларативно и были нацелены на создание организационных рамок для сотрудничества в ряде областей (главным образом военно-технического свойства и совместных учений), на деле были лишь механизмом снижения ущерба для России от расширения альянса. Е.М. Примаков, который в период подготовки Основополагающего акта был министром иностран-

⁴⁰ В частности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на пресс-конференции по итогам встречи министров иностранных дел Совета Россия–НАТО 2 апреля 2004 г. заявил: «Отношение к расширению [НАТО] у нас по-прежнему негативное. Но мы не делаем из этого трагедии. Убеждены, что это ошибка и что в современном мире, когда угрозы изменились и стали общими, обеспечивать безопасность можно и нужно другими, более эффективными методами. Принимаем факт расширения НАТО как данность, потому что в данный момент философия НАТО пока еще не изменилась. Понимаем значение НАТО в современной Европе, поэтому хотим сотрудничать с альянсом и со всеми его новыми членами...» Стенограмма пресс-конференции для российских и зарубежных СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам неформальной встречи министров иностранных дел Совета Россия–НАТО, Брюссель, 2 апреля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.04.2004. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1708926/ (дата обращения: 04.02.2024).

ных дел РФ, отмечал (применительно к СПС) тенденцию превратить этот совет в «дискуссионный клуб», чем-то напоминающий «пикейных жилетов» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», но в виде клуба Россию (и даже некоторых членов НАТО) СПС не устраивал⁴¹.

Даже в период, когда отношения России и НАТО характеризовались позитивными ожиданиями, некоторые видные российские эксперты считали, что Москва в данном вопросе будет преследовать две отнюдь не во всём гармонирующие цели. С одной стороны, «избегая лобового сопротивления расширению НАТО, замедлить или вовсе заблокировать те его аспекты, которые противоречат интересам РФ как в географическом плане (вступление Украины, Грузии, Азербайджана), так и в функциональном отношении (расширение военного присутствия и силовые акции на постсоветском пространстве помимо или вопреки позиции РФ)». С другой стороны, «не напрашиваясь на членство в союзе, через разнообразные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России для трансформации и выполнения новых задач НАТО более значительной, чем у большинства “старых” и тем более “новых” членов» [Арбатов, 2006: 101]. Действительно, эту «особую роль» Москва стремилась играть в процессе сотрудничества с НАТО в реализации миссии Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане благодаря прежде всего транзиту вооружений и военной техники стран альянса через свою территорию, координации борьбы с наркотрафиком.

Последующая эволюция как российско-западного диалога, так и подходов коллективного Запада к интересам Москвы продемонстрировала, что совместные форумы РФ и НАТО использовались блоком в основном как прикрытие военно-политического «освоения» территорий и регионов, которые раньше входили в сферу российских интересов, а также для того, чтобы получить от России карт-бланш для выхода НАТО за пределы своей традиционной ответственности. По мнению, например, члена-корреспондента Академии военных наук А. Бартоша, «присутствие российских представителей в партнерских структурах альянса должно было способствовать формированию у недавних союзников по ОВД и стран-участниц СНГ впечатления о якобы достаточно спокойном

⁴¹ Примаков Е.М. Указ. соч. С. 301.

отношении России к перспективе расширения и подталкивать их к дальнейшим шагам по сближению с альянсом. Как показало будущее, с далеко идущими целями в число привилегированных партнеров НАТО была включена Украина» [Бартош, 2023: 140].

Наглядной демонстрацией, что достаточно абстрактный принцип «открытых дверей» НАТО способен приобретать вполне конкретное наполнение, после того как этим принципом воспользовались те или иные европейские страны, стали упомянутые ранее планы администрации Дж. Буша-мл. разместить в ряде этих государств, прежде всего в Польше и Чехии (с согласия их правительств), некоторые объекты в рамках проекта Третьего позиционного района ПРО США. Заявления российских руководителей в этой связи свидетельствовали о том, что для них окончательно перестала быть приемлемой трактовка расширения НАТО на восток с точки зрения «самоопределения» бывших союзников Москвы, а сам принцип «открытых дверей» способен перерасти для РФ в реальную военную угрозу. В частности, президент В.В. Путин на пресс-конференции в феврале 2008 г. заявил о том, что Россия будет вынуждена перенацелить часть своих ракетных систем на те объекты в Польше и Чехии, которые ей угрожают⁴².

Как считает в связи с этой и другими подобными проблемами чешский политолог О. Крейчи, «гарантией миролюбивой России является не ее демократичность, а разумный баланс интересов держав. <...> Кто сможет различить оборонительное и наступательное оружие или объяснить, как вести активную оборону без нападения? Мирное будущее Европы обеспечит не расширение НАТО до “восточного пояса неопределенности”, а лишь успешный диалог держав о безопасности, в том числе действующие договоры НАТО и России о создании новой, уравновешенной системы безопасности для обоих центров силы» [Крейчи, 2010: 371].

Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. означала, что Россия не намерена больше мириться с тем порядком, который продвигает Запад, пользуясь выгодами, полученными в результате распада биполярности. В этой речи российский лидер указал, что Запад злоупотребляет доброй волей Москвы и отказывается ратифицировать адаптированный

⁴² Ежегодная большая пресс-конференция // Президент России. 14.02.2008. Доступ: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24835 (дата обращения: 30.01.2024).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), пока Россия не выведет свои базы и контингенты из Грузии и Молдавии. Президент РФ также поставил перед западной стороной вопрос: против кого направлены расширение НАТО, создание в ряде новых стран-членов (Болгарии и Румынии) американских «легких передовых баз», в то время как Россия, строго выполняя ДОВСЕ, никак не реагирует на эти действия⁴³?

Наметившееся в период президентства Дж. Буша-мл. стремление США максимально использовать возникший «однополярный момент», готовность перейти ради этого те «красные линии», которые администрация У. Клинтона всё же не решалась открыто пересекать, обозначили тот рубеж, когда доктрина «открытых дверей» НАТО не могла больше сопровождаться лишь пассивными возражениями России. Очевидно, что беспрепятственная реализация этой доктрины для стран, желавших вступить в альянс, была возможна лишь при относительно мирной эволюции в сфере европейской безопасности и отсутствии реального сопротивления со стороны тех государств (прежде всего РФ), кого такая натовская политика непосредственно затрагивала. Это касается в том числе стран, которым альянс в предыдущие годы давал обещания, что они будут его членами: Украины и Грузии.

Уже в первой половине 2000-х годов, когда экспансия западных институтов на восток стала активно сопровождаться вмешательством Запада во внутрисполитические процессы в различных постсоветских странах вплоть до поощрения там государственных переворотов, Россия осознала, что это западное проникновение в сферу ее жизненно важных интересов представляет для нее открытый вызов и что на этот вызов невозможно закрывать глаза, даже если сотрудничество с НАТО и ЕС в каких-то вопросах по-прежнему необходимо. Нелегитимные смены правящих режимов в Грузии в 2003 г. и на Украине в 2004 г. ознаменовали собой серьезный геополитический сдвиг не в пользу России, за которым последовало открыто выраженное намерение США и их союзников вовлечь эти страны в свою сферу влияния, в том числе поощрять их интеграцию в НАТО.

⁴³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10.02.2007. Доступ: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 02.02.2024).

Переход России к немирным способам реагирования на неблагоприятные для нее геополитические процессы в ближайшем окружении ознаменовался «пятидневной войной» с Грузией в августе 2008 г. Хотя поводом для непосредственного военного вмешательства РФ стали попытки руководства Грузии во главе с президентом М. Саакашвили восстановить контроль над Южной Осетией, очевидно, что эта реакция Москвы имела и антинатовские мотивы. Американский историк М. Райс (Университет штата Огайо) считает, что действия России в отношении Тбилиси помогли на тот момент сорвать дальнейшее расширение НАТО, а сам альянс отложил планы своего распространения на Украину и Грузию, оставив открытой «дверь» для их включения когда-либо в будущем [Rice, 2016]. Даже такой видный идеолог и «архитектор» первых раундов расширения НАТО, как С. Лэррэби (корпорация РЭНД), признавал тогда, что продвижение альянса на бывшее советское пространство — это уже совсем другая ситуация, нежели прием Польши, Венгрии, Чехии, Румынии и прибалтийских стран, поскольку в отношении Грузии и Украины некоторые европейские союзники не готовы брать на себя новые оборонные обязательства⁴⁴.

Что касается украинской проблемы, то принципиальное изменение ее военно-политического контекста (с 2014 г. и особенно после начала Россией СВО в феврале 2022 г.) не могло не наложить еще более жестких ограничений на выполнение обещаний относительно вступления в альянс, которые были ранее даны Киеву и Тбилиси. Сама возможность того, что эти страны могут быть втянуты в недружественный России военно-политический блок, представляла для Москвы вызов качественно иного порядка в сравнении с ущербом от предыдущих волн расширения НАТО. Последствия «евромайдана» на Украине поставили вопрос о пересмотре Россией того геополитического статус-кво, который ей самой пришлось признать после распада СССР. В первую очередь это касалось Крыма, который страны НАТО в период его пребывания в составе Украины пытались вовлечь в свою военную активность (в частности, в проведение учений Sea Breeze). «Вступление Украины в НАТО явилось бы сокрушительным геополитическим поражением российской стороны, которое

⁴⁴ Russia's offensive in Georgia a signal to NATO to stay away from its 'space' // Council on Foreign Relations. 25.08.2008. Available at: <https://www.cfr.org/interview/russias-offensive-georgia-signal-nato-stay-away-its-space> (accessed: 01.03.2024).

могло привести к потере ее влияния в Северном Причерноморье, значительному снижению роли Черноморского флота Российской Федерации как фактора обеспечения национальной безопасности, размещению военной инфраструктуры враждебного военно-политического блока в непосредственной близости от российских границ, усилению внешнеполитического давления и потере престижа на международной арене» [Иванков, 2023: 70].

По мере приближения того рубежа, за которым для Москвы становилось неизбежным применение военных инструментов для предотвращения втягивания Украины в НАТО и военного «освоения» ее территории, между Россией и Североатлантическим альянсом активизировалось и историко-пропагандистское противостояние на тему обещаний западных лидеров не продвигать НАТО «ни на дюйм» на восток после распространения своей юрисдикции на бывшую ГДР. Эти обещания, по утверждению российской стороны, они давали президенту СССР М.С. Горбачёву в период переговоров, связанных с объединением Германии в начале 1990-х годов и урегулированием соответствующих международно-правовых вопросов⁴⁵ [Горохов, Васильев, 2022].

Особенно активизировалось это противостояние в связи с выдвижением руководством РФ в конце 2021 г. предложений в адрес США и НАТО по заключению договоров о безопасности⁴⁶. Следует,

⁴⁵ В частности, официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова в июне 2021 г. обнародовала соответствующие заверения государственного секретаря США Дж. Бейкера и министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера. См.: Захарова рассказала, где было закреплено обещание НАТО не расширяться // РИА Новости. 15.06.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210615/obman-1737101938.html?ysclid=lvf45tmhep693374023> (дата обращения: 18.03.2024).

⁴⁶ В проекте соглашения между РФ и НАТО, в частности, содержались требования к НАТО исключить ее дальнейшее расширение путем присоединения Украины и других государств, отказаться от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии. Кроме того, было предложено, чтобы Российская Федерация и все государства — члены НАТО по состоянию на 27 мая 1997 г. (дата подписания Основопологающего акта Россия–НАТО) не размещали свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на эту дату. См.: Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.12.2021. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (дата обращения: 12.02.2024).

например, отметить публикацию немецким журналом «Der Spiegel» в феврале 2022 г. статьи, в которой говорилось о найденном американским политологом Дж. Шифринзоном в Британском национальном архиве документе, касающемся встречи статс-секретарей глав дипломатических ведомств США, Великобритании, Франции и ФРГ в начале марта 1991 г. Из данного документа следовало, что эти западные государства в то время соглашались не предоставлять восточноевропейским странам членство в НАТО⁴⁷.

Сами же западные страны неизменно отвечают, что никаких соглашений на этот счет никогда не заключалось, что «двери» альянса неизменно открыты для новых членов с момента его основания в 1949 г., а идея расширения НАТО за пределы объединенной Германии не стояла на повестке дня в упомянутый период, поскольку ОВД всё еще существовала до 1991 г.⁴⁸ Со своей стороны Запад также демонстрирует рассекреченные документы, согласно которым президент РФ Б.Н. Ельцин еще в 1994 г. предположительно высказывал президенту США У. Клинтону идею, что Россия должна первой вступить в НАТО, прежде чем это сделают страны ЦВЕ, и это должно сопровождаться созданием «картеля», включающего США, РФ и европейские страны и способствующего укреплению международной безопасности⁴⁹.

Тем не менее решительные действия Москвы после начала украинского конфликта в 2014 г. стали стимулом для активизации дискуссий в западных СМИ и части экспертного сообщества о том, насколько сам проект расширения НАТО (в том числе на Украину) послужил провоцирующим фактором для этих действий, насколько возможно и целесообразно сохранять в альянсе неизменным прин-

⁴⁷ Wiegrefe K. Neuer Aktenfund von 1991 stützt russischen Vorwurf // Spiegel Ausland. 18.02.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/ausland/nato-osterweiterung-aktenfund-stuetzt-russische-version-a-1613d467-bd72-4f02-8e16-2cd6d3285295> (accessed: 19.02.2024).

⁴⁸ Setting the record straight. De-bunking Russian disinformation on NATO // North Atlantic Treaty Organization. 12.01.2024. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/115204.htm> (accessed: 12.02.2024).

⁴⁹ Соответствующие документы о государственном визите президента У. Клинтона в Россию (12–15 января 1994 г.) в январе 2024 г. опубликовала американская исследовательская организация «Архив национальной безопасности». См.: The Clinton-Yeltsin Moscow summit, January 1994 // National Security Archive. 25.01.2024. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2024-01-25/clinton-yeltsin-moscow-summit-january-1994> (accessed: 26.02.2024).

цип «открытых дверей» для тех немногочисленных стран Европы, которые еще остаются вне блока.

Фактически эти дискуссии оживились еще до того, как Россия начала СВО, и были приурочены к подготовке новой стратегической концепции НАТО, в которой должно было содержаться признание того, что прежний подход к обеспечению безопасности стран альянса, фиксирующий приоритетность принципа коллективной безопасности над принципом коллективной обороны, перестал работать и происходит возврат к геополитическому соперничеству великих держав⁵⁰.

С одной стороны, весь период после 2014 г. принцип «открытых дверей» неизменно подтверждается в декларациях саммитов НАТО, на встречах глав дипломатических и военных ведомств, в заявлениях большинства лидеров ведущих стран — членов блока и официальных лиц самого альянса. Это же касается большей части ориентирующихся на НАТО экспертных центров, особенно тех, которые базируются в ЦВЕ. После прихода Дж. Байдена в Белый дом, когда двусмысленность, связанная с политическими зигзагами предыдущей администрации Д. Трампа относительно НАТО и обязательств в отношении союзников, осталась в прошлом, выступления в защиту этого принципа активизировались. Готовность и дальше принимать в Североатлантический альянс новые страны рассматривалась сторонниками политики «открытых дверей» как один из ключевых факторов сплоченности членов блока на фоне готовившегося завершения его миссии в Афганистане, тем более что само это событие вылилось в незапланированное бегство в результате успешного наступления талибов и захвата ими Кабула в августе 2021 г.

Так, в докладе «Фонда наследия», приуроченном к Брюссельскому (2021) саммиту НАТО, говорилось о необходимости выстроить реа-

⁵⁰ Эта смена приоритетов НАТО была обозначена в принятой Мадридским (июль 2022 г.) саммитом альянса новой стратегической концепции, в которой, в частности, Российская Федерация провозглашается «наиболее значительной угрозой безопасности, миру и стабильности в Евро-Атлантическом регионе» и в качестве ключевого нововведения отмечается необходимость реагирования на «китайский вызов» (в том числе на углубление стратегического партнерства между РФ и КНР, которые подрывают прозападный «порядок, основанный на правилах»). См.: NATO 2022 Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. Available at: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 06.02.2024).

листичные перспективы продвижения к членству для таких стран, как Грузия, Украина, Босния и Герцеговина, Косово (несмотря на его неурегулированный международный статус), не ограничиваясь лишь тиражированием обещаний об их принятии. Примечательно, что в этом докладе — еще до начала Россией СВО на Украине и до официальных заявок Швеции и Финляндии о вступлении в НАТО — отмечалась необходимость поощрять эти две северные страны к такому вступлению [Coffey, Kochis, 2021].

Недопустимость отхода от принципа «открытых дверей» или колебаний в его реализации, особенно после начала Россией крупномасштабных боевых действий на Украине, была подчеркнута в докладе находящегося в Братиславе аналитического центра GLOBSEC, который связан с НАТО и ориентирующимися на нее «фабриками мысли»⁵¹. В еще более решительной форме требование сохранять в силе (и не только на словах) данный элемент стратегии альянса содержится в докладе Парламентской ассамблеи НАТО, вышедшем в октябре 2023 г. под руководством депутата Сейма Литвы А. Ажубалиса. В этом документе, правда, повторяется уже ранее озвученная (в частности, генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом в ответ на требования президента Украины В. Зеленского предоставить Киеву «дорожную карту» вступления в альянс⁵²) позиция, что вопрос о приглашении Украины в блок может быть решен только тогда, когда для этого созреют соответствующие условия в плане безопасности (т.е. закончатся боевые действия), и предлагаются различные переходные варианты предоставления Киеву двусторонних или многосторонних гарантий безопасности, пока его полноправное членство в НАТО невозможно. Также выражается обеспокоенность тенденциями во внешней и внутренней политике Грузии, мешающими прогрессу в рамках совместных программ и структур НАТО⁵³.

⁵¹ NATO enlargement: The future of the open-door policy // GLOBSEC. 24.03.2023. Available at: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2023-05/NATO%20enlargementpaper-v2.pdf> (accessed: 15.03.2024).

⁵² Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the start of the 2023 NATO summit in Vilnius // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_217038.htm (accessed: 15.01.2024).

⁵³ Azubalis A. The future of NATO open door policy: Report // NATO Parliamentary Assembly. 07.10.2023. Available at: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-12/029%20PCNP%2023%20E%20rev.3%20fin%20-%20OPEN%20DOOR%20POLICY%20-%20AZUBALIS.pdf#:~:text=According%20to%20the%20>

С другой стороны, уже даже в относительно «сдержанный» период «украинского кризиса» (2014–2022), когда конфликт еще не вышел за пределы Донбасса, всё больше западных экспертов начали открыто указывать на растущий разрыв между официально декларируемыми НАТО обещаниями, что Грузия и Украина станут членами альянса, и реальной ситуацией, при которой выполнение подобных обещаний будет означать опасность вооруженного столкновения с Россией.

В частности, эксперт из Дикинсон-колледжа (США) Э. Вулф в 2015 г. признавал, что политика расширения НАТО создала препятствия для формирования устойчивого партнерства альянса с Россией и способствовала возникновению грузинского и украинского конфликтов. В свете этого, по мнению эксперта, при осуществлении дальнейшего расширения альянса необходимо снизить значимость внутривнутриполитических факторов и сосредоточиться на вкладе страны-кандидата в совокупный потенциал и безопасность НАТО. Это, считает Э. Вулф, даст приоритет странам Балкан и Скандинавского региона и открыто исключит Грузию и Украину из очереди на вступление в блок, что в конечном счете приведет к укреплению альянса и даст большую степень гибкости в отношениях с Россией [Wolff, 2015: 1103]. Схожие аргументы выдвинула американский политолог Э. Эшфорд. По ее мнению, в свете «российской агрессии» альянсу необходимо восстанавливать в качестве первоочередной задачу обеспечения коллективной обороны своих членов и вообще более четко формулировать свою миссию. Принцип же «открытых дверей» НАТО только вредит безопасности альянса, особенно если он реализуется путем принятия таких малых стран, как Черногория, чей вклад в совокупный военный потенциал блока крайне незначителен⁵⁴.

Обозреватель журнала «Newsweek» Д. Депетрис напомнил, что расширение только создало для НАТО дополнительные проблемы, ведь процесс принятия решений внутри альянса становится более громоздким, затрудняющим достижение консенсуса. Один из примеров этого — попытка Турции в 2019 г. блокировать план НАТО по

Study%2C%20NATO,over%20the%20military%20(NATO%2C%201995) (accessed: 15.01.2024).

⁵⁴ Ashford E. NATO's open door leads to an identity crisis // War on Rocks. 23.06.2016. Available at: <https://warontherocks.com/2016/06/natos-open-door-leads-to-an-identity-crisis/> (accessed: 14.02.2024).

защите прибалтийских государств и ее требования к альянсу пойти на уступки по проблематике, касающейся Сирии⁵⁵.

События, развернувшиеся в Европе и особенно вокруг Украины на рубеже 2021–2022 гг., заставили некоторых экспертов внутри НАТО признать, что периодически повторяемые, но не выполняемые альянсом обещания когда-либо принять в свои ряды Украину, Грузию, а также остающиеся за ее пределами страны Западных Балкан, грозят непоправимым подрывом доверия к блоку уже и в странах «традиционного» Запада, что такой «священный» механизм, как ст. 5 Вашингтонского договора, становится в этих условиях устаревшим, бесцельным и контрпродуктивным⁵⁶. Особенно болезненной эта проблема является в связи с необходимостью подкрепить массивированную военную помощь, оказываемую странами НАТО Киеву в войне с Россией, конкретными шагами по выполнению данных ему обещаний о вступлении в альянс.

М. Киммидж (Католический университет Америки) писал, что слова о принятии в будущем Украины и Грузии в альянс были со стороны НАТО неискренними, а стремление Киева стать членом блока втянуло последний в самое взрывоопасное этнонационалистическое противостояние в регионе. «НАТО не в состоянии справиться с конфликтом между страной, желающей вступить в оборонительный альянс, но пока не являющейся его членом, и ядерной державой, стремящейся этого не допустить. Это конфликт, который НАТО может только проиграть и который может даже поставить под угрозу само существование альянса, если какая-либо страна-член, например Польша или Литва, будет втянута в войну между Россией и Украиной»⁵⁷.

Наконец, бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок чуть больше чем за неделю до начала Россией СВО напомнил, что еще в 1997 г., вы-

⁵⁵ DePetris D. NATO should end its open-door policy // Defense One. 29.11.2019. Available at: <https://www.defenseone.com/ideas/2019/11/nato-should-end-its-open-door-policy/161595/> (accessed: 14.02.2024).

⁵⁶ DePetris D. NATO should shut the door, but not because Russia said so // Defense News. 19.01.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2022/01/19/nato-should-shut-the-door-but-not-because-russia-said-so/> (accessed: 14.02.2024).

⁵⁷ Kimmage M. Time for NATO to close its door. The alliance is too big — and too provocative — for its own good // Foreign Affairs. 17.01.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2022-01-17/time-nato-close-its-door> (accessed: 12.02.2024).

ступая на заседании сенатского Комитета по иностранным делам, он назвал планировавшееся тогда расширение НАТО одним из самых тяжелых стратегических заблуждений после окончания холодной войны⁵⁸. Таким образом, наиболее дальновидные (пусть и отставные) фигуры на Западе, в том числе в США, открыто указывают на первопричину возникшего опасного кризиса — сам принцип «открытых дверей» и его проведение в жизнь без учета необходимости такой системы безопасности в Европе, которая включала бы Россию.

Следует, правда, отметить, что нарастание скептицизма на Западе относительно состоятельности принципа «открытых дверей» вызвано не только решимостью Москвы противостоять экспансии НАТО, но и усиливающимися в США тенденциями к тому, чтобы ставить под сомнение свои международные обязательства. Реальная опасность утраты альянсом своего предназначения, а вместе с ним и способности сохранять открытость по отношению к странам, желающим к нему присоединиться, возникла после прихода в Белый дом Д. Трампа в 2017 г., который (правда, до вступления в должность президента) называл НАТО «устаревшей организацией» и напрямую угрожал некоторым государствам отказом в защите в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора, если они будут выделять менее 2% ВВП на оборонные нужды⁵⁹. Нужно, однако, признать, что возможностей для реализации на практике подобных радикальных заявлений Д. Трампа с самого начала было ничтожно мало ввиду множества факторов — как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических.

Тем не менее сам «трампизм», в том числе когда речь идет об отношениях с ближайшими союзниками США, не является каким-то изолированным феноменом и тем более прихотью одного политика. Приход в Белый дом демократической администрации Дж. Байдена лишь в какой-то мере «заморозил» противоречия с союзниками (тем более что это было необходимо ради совместного отпора действиям России на украинском направлении).

Вопрос о необходимости дальнейшей поддержки Украины в условиях, когда она стала ареной военных действий, а вместе с этим

⁵⁸ Matlock J.F. I was there: NATO and the origins of the Ukraine crisis // Responsible Statecraft. 15.02.2022. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/02/15/the-origins-of-the-ukraine-crisis-and-how-conflict-can-be-avoided/> (accessed: 28.01.2024).

⁵⁹ Trump says NATO is obsolete but still 'very important to me' // Reuters. 16.01.2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN14Z0YP/> (accessed: 23.01.2024).

и о готовности сохранять «открытые двери» для ее вступления в НАТО напрямую связан с сохранением дееспособности альянса, престижа США в глазах союзников, а значит, и способности блока проецировать свое влияние вовне. Однако этот вопрос уже со старта кампании по выборам президента США в 2024 г. стал объектом ожесточенной межпартийной борьбы, тем более ввиду необходимости выстраивания баланса в распределении помощи Украине и Израилю после начала новой войны на Ближнем Востоке между Израилем и ХАМАС в октябре 2023 г. Среди европейских союзников Вашингтона, по мнению некоторых американских экспертов, утверждается мнение, что США становятся слабым звеном в трансатлантической цепи, во всяком случае в том, что касается «украинского вопроса»⁶⁰.

Идею принятия Киева в НАТО до сих пор усиленно лоббируют некоторые восточноевропейские союзники США по альянсу, при этом для него на Вильнюсском саммите НАТО даже был отменен этап ПДЧ⁶¹, тем не менее налицо (судя хотя бы по цитируемому ранее заявлению Й. Столтенберга на том же саммите) стремление оттянуть решение вопроса о членстве Украины по крайней мере до окончания боевых действий, прежде всего ввиду необходимости применения ст. 5 Вашингтонского договора и опасности втягивания НАТО в войну с Россией. Подобные сигналы Киеву о нежелании принимать воюющую страну в альянс вряд ли могли быть сделаны без учета позиции США как фактического лидера НАТО. Еще в апреле 2023 г., после встречи министров иностранных дел стран блока, газета «Financial Times» утверждала, что США, а также Германия и Венгрия сопротивляются выдвигаемому Польшей и прибалтийскими государствами предложению предоставить Украине «дорожную карту» по членству в НАТО, а это свидетельствует о разногласиях внутри Запада по вопросу о статусе Украины после окончания военных действий. Вашингтон также выступает против каких-либо конкретных планов вступления Киева в альянс и при-

⁶⁰ Fix L., Kimmage M. Will the West abandon Ukraine? Kyiv must prepare for a possible change of heart in America and Europe // Foreign Affairs. 12.09.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/will-west-abandon-ukraine> (accessed: 13.02.2024).

⁶¹ Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023 // North Atlantic Treaty Organization. 11.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (accessed: 06.03.2024).

зывает союзников сосредоточиться на краткосрочной военной, финансовой и гуманитарной помощи Украине⁶².

Обеспокоенность тем, что после 2008 г. НАТО так и не продвинулась заметным образом в выполнении данных Украине и Грузии обещаний, была высказана, в частности, на слушаниях в Комитете по международным делам Сената США в конце января 2024 г., приуроченных к предстоящему 75-летию НАТО и саммиту альянса, который намечен в Вашингтоне в июле того же года. Например, об этом говорили сенатор Р. Менендес и бывший посол США в НАТО Д. Лют. Последний, в частности, выдвинул «нестандартный» вариант — предложить Киеву на Вашингтонском саммите начать переговоры о присоединении к НАТО параллельно с теми переговорами, которые с ним начал Евросоюз⁶³.

По мнению российского исследователя Ю. Богуславской (Санкт-Петербургский государственный университет), «в условиях, когда членство в Североатлантическом альянсе будет в обозримой перспективе недоступно для Украины, Грузии, Молдовы, Соединенным Штатам придется искать иные формы поощрения политических элит этих государств за приверженность евроатлантическому курсу. Не исключено, что такая политика США станет фактором нагнетания международной напряженности в Европе» [Богуславская, 2016: 102–103]. Данный тезис представляется обоснованным и после того, как российско-западная напряженность вступила в качественно новый этап после февраля 2022 г.

* * *

Принцип «открытых дверей» НАТО и его реализация на практике после исчерпания непосредственной задачи, ради которой Североатлантический альянс был создан, помогли превратить НАТО фактически в монопольную структуру безопасности в Европе, закрепили гегемонию США, позволили им стать бесспорным центром притяжения для экс-социалистических стран, возродили на новом историческом витке образ России как главной угрозы безопасности

⁶² Foy H., Felicia S. US opposes offering Ukraine a road map to NATO membership // Financial Times. 06.04.2023. Available at: <https://www.ft.com/content/c37ed22d-e0e4-4b03-972e-c56af8a36d2e> (accessed: 13.01.2024).

⁶³ Jeanne Shaheen leads Senate Foreign Relations Committee hearing on NATO // YouTube. 01.02.2024. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2WNBNGijOkY> (accessed: 06.02.2024).

коллективного Запада. Наряду с этим создание внутри НАТО благодаря ее постоянному расширению на восток «критической массы» государств, отличающихся гипертрофированной ориентацией на Вашингтон, существенно помогает последнему нейтрализовывать автономистские амбиции в «старой» Европе.

Вместе с тем расширение НАТО, которое его сторонники видят как непрерывный процесс, происходило отнюдь не в обстоятельствах «конца истории», а в условиях, когда лидерству Запада, установившемуся после исчезновения главного противника, бросаются всё новые вызовы. Стремление России восстановить свой равноправный статус и нейтрализовать угрозы, которые несет ее интересам приближение НАТО к ее границам (особенно «освоение» альянсом Украины), выступает одним из главных подобных вызовов.

Итогом такого развития событий становится то, что практический результат политики «открытых дверей» НАТО после холодной войны оказывается далеко не таким, каким она замышлялась ее инициаторами. Во-первых, благодаря решимости России восстановить свои позиции в регионах, которые она считает зоной своих жизненно важных интересов, под вопросом оказывается способность альянса задействовать ст. 5 Вашингтонского договора, а на ней в первую очередь строится кредитоспособность НАТО среди новых стран-членов. Во-вторых, в условиях, когда возможности беспрепятственного расширения блока на восток в основном исчерпаны, внутри самого Запада (и даже в США) ослабевает политическая воля к тому, чтобы сохранять неприкосновенность самого принципа «открытых дверей». В-третьих, эффективность данной политики и доверие к ней падают из-за неудач и провалов НАТО за пределами «уставной» зоны ответственности альянса (прежде всего в Афганистане), а ведь расширение блока внутри евро-атлантического пространства и глобализация миссии НАТО изначально мыслились лидерами Запада как неразрывные компоненты одного проекта.

В условиях, когда для отражения многих из новых вызовов и угроз механическое распространение традиционных инструментов НАТО на новые территории становится всё менее эффективным, коллективный Запад (в первую очередь США), как представляется, будет делать всё большую ставку на выстраивание цепи взаимосвязанных и координирующих усилия друг с другом военно-политических альянсов, «коалиций желающих» и консультативных механизмов в разных регионах мира. Эта вероятная смена при-

оритетов Вашингтона в его политике союзов и коалиций (наряду с традиционным вызовом, представляемым НАТО и ее экспансией в Европе) должна приниматься в расчет Россией в формулировании приоритетов ее безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврейски Н. САЩ и Европа. Европейската политика на Вашингтон. Велико Търново: Фабер, 2013. (На болг. яз.)
2. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2006. № 2. С. 94–103. DOI: 10.30570/2078-5089-2006-41-2-94-103.
3. Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 3. С. 153–179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179.
4. Барановский В.Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М.: Весь мир, 2021.
5. Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике. М.: Горячая линия — Телеком, 2023.
6. Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 1. С. 3–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31.
7. Богуславская Ю.К. «Возвращение к основам»? НАТО и Россия в новой стратегической обстановке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 93–108. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.308.
8. Глинский-Васильев Д.Ю. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д.В. Тренина. М.: S&P, 2000. С. 101–131.
9. Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40.
10. Гришин Я.Я. Американские базы в Восточной Европе // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 3. С. 191–201.
11. Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности НАТО // США и Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков / Отв. ред. А.И. Уткин. М.: Наука, 2000. С. 107–127.

12. Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran20221623.

13. Зверев Ю. Центры информационно-гибридной войны НАТО и ЕС в Прибалтике и Финляндии // Евразия.Эксперт. 11.10.2021. Доступ: <https://eurasia.expert/tsentry-informatsionno-gibridnoy-voyny-nato-v-pribaltike-i-finlyandii/> (дата обращения: 21.02.2024).

14. Иванков К.В. Российско-украинские отношения в 2014–2022 гг.: основные геополитические измерения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1. № 1. С. 66–80. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80.

15. Крейчи О. Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы. М.: Научная книга; Прага: Ottovo Nakladatelství, 2010.

16. Кризисная геополитика и Россия / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и К°, 2024.

17. Михайлов В.А., Воловиков А.Г. Расширение НАТО с позиции представителей политического реализма // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 7 (181). С. 59–68.

18. Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Весь мир, 2020.

19. Саротт М.Э. Сдерживание после холодной войны. Как Вашингтон потерял постсоветский мир // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 6. С. 44–60. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-44-60.

20. Троицкий М.А. Трансатлантический союз: модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М., 2004.

21. Штоль В.В. НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель. 2015. № 11 (310). С. 21–35.

22. Art R.J. Creating a disaster: NATO's open doors policy // Political Science Quarterly. 1998. Vol. 113. No. 3. P. 383–403. DOI: 10.2307/2658073.

23. Asmus R.D. Opening NATO's doors: How the alliance remade itself for a new era. N.Y.: Columbia University, 2002.

24. Brzezinski Z. An agenda for NATO: Toward a global security web // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 5. P. 2–20.

25. Brzezinski Z. A plan for Europe // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 1. P. 26–42. DOI: 10.2307/20047017.

26. Coffey L., Kochis D. The U.S. must defend NATO's open-door policy at the 2021 Brussels summit // The Heritage Foundation. 10.06.2021. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6084.pdf> (accessed: 15.03.2024).

27. Conklin M.E. U.S. decision making and post-Cold War NATO enlargement. PhD Thesis. Monterey: Naval Postgraduate School, 2015.

28. Daalder I., Goldgeier J. *Global NATO* // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 5. P. 105–113.
29. Goldgeier J.M. *Not whether but when: The U.S. decision to enlarge NATO*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999.
30. Larrabee S.F. *The United States and the European security and defense policy: Old fears and new approaches* // *Strategic yearbook 2006. European security and defense policy: A European challenge*. Santa Monica: RAND Corporation, 2006. P. 171–185.
31. *Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War* / Ed. by D. Hamilton, K. Spohr. Washington, D.C.: Foreign Policy Institute / Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Johns Hopkins University SAIS, 2019.
32. Rice M.J. NATO's new order: The alliance after the Cold War // *Origins*: Current events in historical perspective. March 2016. Available at: https://origins.osu.edu/article/natos-new-order-alliance-after-cold-war?language_content_entity=en (accessed: 11.01.2024).
33. Sarotte M.E. *Not one inch. America, Russia, and the making of post-Cold War stalemate*. New Haven: Yale University Press, 2021.
34. Waltz K. NATO expansion: A realist's view // *Contemporary Security Policy*. 2000. Vol. 21. No. 2. P. 23–38. DOI: 10.1080/13523260008404253.
35. Wolff A.T. The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 5. P. 1103–1121. DOI: 10.1111/1468-2346.12400.
36. Yost D.S. *NATO transformed: The alliance's new roles in international security*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1998.
37. Zhang H. The nature of NATO expansion — A realist view // *Taihe Institute*. 04.08.2022. Available at: www.taiheglobal.org/Content/2022/08-04/1720367064.html (accessed: 24.02.2024).

REFERENCES

1. Avreiski N. 2013. *SASHch i Evropa. Evropeiskata politika na Vashington* [USA and Europe. Washington's European policy]. Veliko T'rnovo, Faber Publ. (In Bulg.)
2. Arbatov A.G. 2006. *Rasshirenie NATO i natsional'nye interesy Rossii* [NATO enlargement and Russia's national interests]. *Politiya*, no. 2, pp. 94–103. DOI: 10.30570/2078-5089-2006-41-2-94-103. (In Russ.)
3. Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. 2023. *Treshchiny i razlomy: vneshne-politicheskie orientiry zapadnobalkanskikh stolits v usloviyakh ukrainskogo krizisa* [Cracks and fault lines: Foreign policy orientations of Western Balkan capitals in the context of the Ukrainian crisis]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 153–179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179. (In Russ.)

4. Baranovskii V.G. 2021. *Mezhdunarodnyi landshaft: epokha peremen. Izbrannaya analitika* [The international landscape: An era of change. Selected analytics]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

5. Bartosh A.A. 2023. *NATO v sovremennoi mirovoi politike* [NATO in modern world politics]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom Publ. (In Russ.)

6. Batyuk V.I. 2020. NATO i Rossiiskaya Federatsiya: evolyutsiya vzaimootnoshenii [The evolution of the NATO-Russia relations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 3–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-3-31. (In Russ.)

7. Boguslavskaya Yu.K. 2016. 'Vozvrashchenie k osnovam'? NATO i Rossiya v novoi strategicheskoi obstanovke ['Back to basics'? NATO and Russia in new strategic environment]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 3, pp. 93–108. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.308. (In Russ.)

8. Glinskii-Vasil'ev D.Yu. 2000. Rasshirenje NATO na vostok kak problema rossiiskoi i evropeiskoi bezopasnosti [NATO's eastward enlargement as a Russian and European security problem]. In: Trenin D.V. (ed.). *Rossiya i osnovnye instituty bezopasnosti v Evrope: vstupaya v XXI vek* [Russia and the main security institutions in Europe: Entering the 21st century]. Moscow, S&P Publ., pp. 101–131. (In Russ.)

9. Gorokhov A., Vasil'ev K. 2022. Dogovorennosti o nerasshirenii NATO na vostok podtverzhdayutsya arkhivnymi istochnikami [Agreements on non-enlargement of NATO to the east are confirmed by archival sources]. *Russian Political Science*, no. 1 (22), pp. 30–40. (In Russ.)

10. Grishin Ya.Ya. 2007. Amerikanskie bazy v Vostochnoi Evrope [American bases in Eastern Europe]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 149, no. 3, pp. 191–201. (In Russ.)

11. Davydov Yu.P. 2000. Rasshirenje zony otvetstvennosti NATO [Expansion of NATO's purview]. In: Utkin A.I. (ed.). *SShA i Evropa. Perspektivy vzaimootnoshenii na rubezhe vekov* [USA and Europe. Prospects for relations at the turn of the century]. Moscow, Nauka Publ., pp. 107–127. (In Russ.)

12. Danilov D.A. 2022. Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverei NATO [Finland and Sweden on the threshold of NATO's open door]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 2 (26), pp. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623. (In Russ.)

13. Zverev Yu. 2021. Tsentry informatsionno-gibridnoi voyny NATO i ES v Pribaltike i Finlyandii [NATO and EU centers of information and hybrid warfare in the Baltic states and Finland]. *Evraziya.Ekspert*. Available at: <https://eurasia.expert/tsentry-informatsionno-gibridnoy-voyny-nato-v-pribaltike-i-finlyandii/> (accessed: 21.02.2024). (In Russ.)

14. Ivankov K.V. 2023. Rossiisko-ukrainskie otnosheniya v 2014–2022 gg.: osnovnye geopoliticheskie izmereniya [Russian-Ukrainian relations in 2014–2022: The main geopolitical dimensions]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political*

Science, vol. 1, no. 1, pp. 66–80. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80. (In Russ.)

15. Krejčí O. 2005. *Geopolitics of the Central European region: The view from Prague and Bratislava*. Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences 'Veda' [Russ. ed.: Kreichi O. 2010. *Geopolitika Tsentral'noi Evropy. Vzgl'yad iz Pragi i Bratislavy*. Moscow, Nauchnaya kniga Publ.; Praga, Ottovo Nakladatelství Publ.].

16. Neimark M.A. (ed.). 2024. *Krizisnaya geopolitika i Rossiya* [Crisis geopolitics and Russia]. Moscow, Dashkov i K° Publ. (In Russ.)

17. Mikhailov V.A., Volovikov A.G. 2023. *Rasshirenie NATO s pozitsii predstavitelei politicheskogo realizma* [NATO enlargement from the position of representatives of political realism]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 7 (181), pp. 59–68. (In Russ.)

18. Sakwa R. 2017. *Russia against the rest: The post-Cold War crisis of world order*. Cambridge, Cambridge University Press [Russ. ed.: Sakva R. 2020. *Rossiia protiv ostal'nykh. Krizis mirovogo poryadka posle okonchaniya kholodnoi voiny*. Moscow, Ves' mir Publ.].

19. Sarotte M.E. 2021. *Sderzhivanie posle kholodnoi voiny. Kak Vashington poteryal postsovetskii mir* [Post-Cold War deterrence: How Washington lost the post-Soviet world]. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 6, pp. 44–60. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-44-60. (In Russ.)

20. Troitskii M.A. 2004. *Transatlanticheskii soyuz: modernizatsiya sistemy amerikano-evropeiskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [Transatlantic alliance: Modernization of the US-European partnership system after bipolarity]. Moscow. (In Russ.)

21. Shtol' V.V. 2015. NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniyu [NATO: From a regional bloc to global dominance]. *Observer*, no. 11 (310), pp. 21–35. (In Russ.)

22. Art R.J. 1998. Creating a disaster: NATO's open doors policy. *Political Science Quarterly*, vol. 113, no. 3, pp. 383–403. DOI: 10.2307/2658073.

23. Asmus R.D. 2002. *Opening NATO's doors: How the alliance remade itself for a new era*. N.Y., Columbia University.

24. Brzezinski Z. 2009. An agenda for NATO: Toward a global security web. *Foreign Affairs*, vol. 88, no. 5, pp. 2–20.

25. Brzezinski Z. 1995. A plan for Europe. *Foreign Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 26–42. DOI: 10.2307/20047017.

26. Coffey L., Kochis D. 2021. The U.S. must defend NATO's open-door policy at the 2021 Brussels summit. *The Heritage Foundation*. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6084.pdf> (accessed: 15.03.2024).

27. Conklin M.E. 2015. *U.S. Decision making and post-Cold War NATO enlargement*. PhD Thesis. Monterey, Naval Postgraduate School.

28. Daalder I., Goldgeier J. 2006. Global NATO. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 5, pp. 105–113.

29. Goldgeier J.M. 1999. *Not whether but when: The U.S. decision to enlarge NATO*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.

30. Larrabee S.F. 2006. The United States and the European security and defense policy: Old fears and new approaches. In: *Strategic yearbook 2006. European security and defence policy: A European challenge*. Santa Monica, RAND Corporation, pp. 171–185.

31. Hamilton D., Spohr K. (eds.). 2019. *Open door: NATO and Euro-Atlantic security after the Cold War*. Washington, D.C., Foreign Policy Institute / Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Johns Hopkins University SAIS.

32. Rice M.J. 2016. NATO's new order: The alliance after the Cold War. *Origins: Current Events in Historical Perspective*. Available at: https://origins.osu.edu/article/natos-new-order-alliance-after-cold-war?language_content_entity=en (accessed: 11.01.2024).

33. Sarotte M.E. 2021. *Not one inch. America, Russia, and the making of post-Cold War stalemate*. New Haven, Yale University Press.

34. Waltz K. 2000. NATO expansion: A realist's view. *Contemporary Security Policy*, vol. 21, no. 2, pp. 23–38. DOI: 10.1080/13523260008404253.

35. Wolff A.T. 2015. The future of NATO enlargement after the Ukraine crisis. *International Affairs*, vol. 91, no. 5, pp. 1103–1121. DOI: 10.1111/1468-2346.12400.

36. Yost D.S. 1998. *NATO transformed: The alliance's new roles in international security*. Washington, D.C., United States Institute of Peace Press.

37. Zhang H. 2022. The nature of NATO expansion — A realist view. *Taihe Institute*. Available at: www.taiheglobal.org/Content/2022/08-04/1720367064.html (accessed: 24.02.2024).

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 21.06.2024

The paper was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 21.06.2024

И.Л. Прохоренко*

ПОЛИТИКА ПАРТНЕРСТВА НАТО: ОТ ВОЕННОГО АЛЬЯНСА К СООБЩЕСТВУ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБРАТНО

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Несмотря на то что в этом году НАТО отмечает свой 75-летний юбилей, споры вокруг сущности и природы Североатлантического альянса, его роли в международных отношениях вообще и архитектуре европейской безопасности в частности не утихают до сих пор. Особенную актуальность эти дискуссии приобретают сейчас, когда система международных отношений вступила в период глобальной трансформации. Проблема осмысления феномена НАТО дополнительно осложняется тем обстоятельством, что на протяжении долгой истории альянса его организационные и идентитарные аспекты также неоднократно подвергались достаточно серьезным изменениям. Для того чтобы приблизиться к пониманию логики и динамики этих изменений, в данной статье предпринимается попытка выявить и проанализировать ключевые особенности политики партнерства НАТО в постбиполярную эпоху в контексте гибкой системы партнерских связей «коллективного Запада». Автор приходит к выводу, что после окончания холодной войны Североатлантический альянс столкнулся с серьезным кризисом идентичности и взял курс на радикальное расширение своего функционала, в том числе в рамках политики партнерства, за счет включения в него вопросов посткризисного регулирования, гуманитарной и гендерной безопасности, публичной дипломатии, изменения климата и т.д. Всё это свидетельствовало, на первый взгляд, об уверенной и по-

* Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru; ORCID: 0000-0002-8090-7934).

следовательной трансформации НАТО из традиционного военно-политического объединения в «сообщество безопасности». Однако конфликт на Украине и глубокий раскол между Россией и Западом, которые во многом были спровоцированы именно специфическими установками политики партнерства и расширения НАТО, вновь вывели на первый план в процессах формирования коллективной идентичности блока традиционную бинарную логику «свой» — «чужой» и позиционирование себя в качестве прежде всего военного альянса.

Ключевые слова: НАТО, Североатлантический альянс, военный альянс, сообщество безопасности, мировой порядок, партнеры НАТО, оборонная идентичность, трансатлантическая безопасность, оборона Запада, Европейский союз, международные межправительственные организации

Для цитирования: Прохоренко И.Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 141–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162.

Irina L. Prokhorenko

**NATO'S PARTNERSHIP POLICY:
FROM THE MILITARY ALLIANCE
TO THE SECURITY COMMUNITY, AND BACK AGAIN**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
3, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

Despite the fact that NATO is celebrating its 75th anniversary this year, there is an ongoing debate on the essence and nature of the alliance, its role in international relations in general and the architecture of European security in particular. These discussions are especially relevant now as the system of international relations has entered a period of global transformation. The fact that the alliance has undergone numerous organizational and identity changes throughout its long history makes the problem of understanding the phenomenon of NATO all the more difficult. In order to address this challenge, the article focuses on the key features of NATO's partnership policy in the post-bipolar world. The author concludes that in the wake of the Cold War, NATO faced a profound identity crisis and set a course for a radical functional expansion, in particular within the framework of partnership policy, by including the issues

of post-conflict reconstruction, human and gender security, public diplomacy, climate change, etc. into its agenda. All this seemed to indicate a radical shift of NATO from a traditional military-political association towards a genuine 'security community'. However, the conflict in Ukraine and the deep impasse between Russia and the West, largely provoked by the NATO's partnership and enlargement policy, has again brought to the forefront of the bloc's collective identity-building the traditional binary 'friend-and-foe' logic and, especially, self-representation as a military alliance.

Keywords: NATO, North Atlantic Alliance, partnership policy, military alliance, security community, world order, NATO partners, defence and security identity, transatlantic security, European Union

About the author: Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department for International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: irinapr@imemo.ru; ORCID: 0000-0002-8090-7934).

For citation: Prokhorenko I.L. 2024. NATO's partnership policy: From the military alliance to the security community, and back again. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 141–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162. (In Russ.)

4 апреля 2024 г. исполнилось 75 лет со дня подписания Вашингтонского (Североатлантического) договора об образовании НАТО (Организации Североатлантического договора). Участниками созданного объединения были изначально 12 стран (Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США и Франция). Этому предшествовали кризис и распад антигитлеровской коалиции, стремительное нарастание международно-политической конфликтности в Европе, которое обернулось первым Берлинским кризисом, а также ряд иных внутри- и внешнеполитических событий, убедивших США и их союзников сделать подобный выбор. К этим факторам следует добавить стремление западноевропейских стран учредить военный альянс в интересах коллективной обороны перед лицом как «советской угрозы», так и опасности нового возрождения германского милитаризма [см. подробнее: Routledge handbook of NATO, 2024].

Первой попыткой создания такого рода альянса стал так называемый Брюссельский пакт, подписанный 17 марта 1948 г. главами государств и правительств Бельгии, Великобритании, Люксембурга, Нидерландов и Франции и чуть позже положенный в основу Западноевропейского союза (1954–2011), целью которого были формирование и институционализация европейского пространства коллективной безопасности на базе европейской оборонной идентичности. Последняя подразумевала на практике углубленное военное и военно-техническое сотрудничество европейских стран (причем не только членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС), позднее — Европейского союза, ЕС) в интересах коллективных обороны и безопасности, а также выполнение оперативных функций в этой сфере [Wyn Rees, 2019; Rohan, 2014].

Идея Брюссельского пакта, пусть и в модифицированном виде, впоследствии была реализована и в рамках НАТО с ее Объединенными вооруженными силами, созданными в соответствии с решениями 5-й сессии Североатлантического совета (Совета НАТО) в сентябре 1950 г. Схожим было и указание на непротиворечие целей новой организации универсальным ценностям и нормам международного права, закрепленным в Уставе ООН. На это имелась ссылка в ст. 1 Североатлантического договора: «Договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международные мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН»¹. Подобно подписантам пакта 1948 г., страны — участницы НАТО обязались в случае вооруженного нападения на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого ст. 51 Устава ООН, оказать помощь, включая применение вооруженной силы в целях восстановления и последующего сохранения безопасности Северо-Атлантического региона².

¹ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 01.06.2024).

² Там же.

Некоторые исследователи уверены, что в оценке НАТО следует отойти от ее традиционной трактовки как военного альянса, объединенного коллективными представлениями об общей внешней угрозе, и рассмотреть организацию скорее как некое сообщество, разделяющее либерально-демократические ценности и нормы в логике концепции «управления безопасностью» (*security governance*) [Webber et al., 2004]. Эта концепция предполагает скоординированное регулирование вопросов одновременно несколькими самостоятельными властными центрами принятия решений, участие как государственных, так и частных субъектов (в зависимости от характера проблемы), наличие формальных и неформальных процедур, структурированных определенными дискурсом и нормами и непосредственно направленных на достижение конкретных политических результатов [Webber et al., 2004; Adler, Barnett, 1998; Risse-Kappen, 1996]. Считается, что без этого невозможно понять трансформацию Североатлантического альянса после окончания холодной войны, динамическое взаимодействие форматов включения в структуры НАТО и исключения из них, «европеизацию» трансатлантической безопасности через различные инициативы Европейского союза и пр. Однако возникает очевидный вопрос: можно ли рассматривать в таком ключе НАТО с момента ее учреждения или она приобрела качества «сообщества безопасности» в ходе развития и эволюции, что позволило ей добиться внушительного по масштабам расширения своего состава?

Для другой группы исследователей наиболее удачной методологической рамкой для изучения феномена НАТО выступают кантовские идеи морального мира и «союза народов» в рамках федерации, которая, по мысли философа, должна была со временем охватить постепенно все государства и привести таким путем к «вечному миру» [см., например: Waterman et al., 2001; Ruggie, 1998; подробнее о международно-политических воззрениях И. Канта см.: Сергунин, 2011].

Для тех же авторов, кто считает всё же необходимым рассматривать НАТО как межправительственную организацию с процедурой принятия политических решений, контролируруемую одним участником, пусть и супердержавой, сущностным является вопрос о демократии и либерально-демократических ценностях в институте, основанном и функционирующем на базе в лучшем случае принципа

многосторонности, в худшем — двусторонних отношений (имеется в виду — с Соединенными Штатами, безусловным лидером в НАТО, вносящим наибольший вклад в систему евро-атлантической безопасности, особенно в военной сфере) и баланса норм и интересов [Sjursen, 2004].

Проблема осмысления феномена НАТО дополнительно осложняется тем обстоятельством, что на протяжении долгой истории альянса, с началом холодной войны провозгласившего своей целью оборону Запада и сдерживание СССР, его организационные и идентитарные аспекты неоднократно подвергались достаточно серьезной трансформации. НАТО менялась (вынуждена была меняться) в контексте экономической и политической глобализации, всё более изменчивой международной среды, мировой системы, которая стремительно усложнялась, в первую очередь в связи с увеличением количества и разнообразия негосударственных акторов, появлением новых угроз военного и невоенного характера. В свою очередь НАТО как организация и государства — участники альянса, прежде всего Соединенные Штаты, инициировали и/или потенцировали те или иные перемены либо новации в общественно-политических и научных дискурсах, влияли на формирование страновой, региональной (в рамках евро-атлантического сообщества безопасности) и глобальной повестки, создавали новые форматы взаимодействия как с международными институтами (достаточно вспомнить статус НАТО как глобального партнера ООН), так и с третьими странами и тем самым меняли мир [Johnston, 2017].

Некоторые исследователи, например Х. Хардт из Калифорнийского университета в США, утверждают, что неоднократные политические и идеологические кризисы, стратегические ошибки и просчеты в планировании и проведении военных операций, сопровождавшие историю НАТО, сформировали своеобразную «институциональную память» альянса, которая со временем придала ему большие гибкость и институциональную адаптивность [Hardt, 2016, 2018], способствовала обретению им уникальной коллективной идентичности.

В контексте описанных проблем особенную актуальность приобретают задачи осмысления и концептуализации сущностных характеристик НАТО в современных условиях радикальной трансформации мирового порядка. Для решения этих задач представляется целесообразным присмотреться к логике и динамике

выстраивания партнерских отношений как внутри альянса, так и с третьими странами, что позволит вписать эволюцию НАТО в более широкий контекст международно-политических процессов пост-биполярной эпохи.

Политика партнерства НАТО:

истоки и логика развития в постбиполярный период

Первому генеральному секретарю НАТО, британскому генералу, военному и государственному деятелю Соединенного Королевства лорду Гастингсу Лайонелю Искею, приписывают ставшую крылатой фразу о сути и целеполагании предложенного США проекта евро-атлантической безопасности и обороны: «...держать русских [в другом варианте — Советский Союз] вне Европы, американцев — в Европе, а немцев — под контролем». Особая лидерская роль Соединенных Штатов — как с точки зрения их ресурсов и возможностей, так и в плане масштаба внешнеполитических амбиций — превращала НАТО в асимметричный военно-политический альянс. Его центральная роль в обороне Запада подкреплялась двусторонними соглашениями и договорами США с третьими странами, которые по какой-то причине — географической (нахождение за пределами Северо-Атлантического региона) или политической — не могли сразу присоединиться к новой организации, однако обладали несомненной геополитической значимостью для Вашингтона в его политической картине мира и в итоге вошли в НАТО.

В феврале 1952 г. в блок вступили Греция и Турция, в строгом смысле не принадлежащие к Северо-Атлантическому региону [см., например: Smith, 2000]. Это было связано не только с желанием укрепить «южный фланг» НАТО в Восточном Средиземноморье на границе с государствами социалистического блока, обеспечить безопасность поставок нефти из стран Ближнего Востока, но и с причинами политического и экономического свойства в русле доктрины Г. Трумэна. Свою роль сыграли усиление озабоченностей и страхов по поводу «коммунистической экспансии» в Европе и Восточной Азии, поражение коммунистов в ходе гражданской войны в Греции (1946–1949), в том числе в связи с неподдержкой их Советским Союзом, участие Греции и Турции в реализации «плана Маршалла» и рост удельного веса США в их внешней торговле наряду с укреплением позиций американского капитала в экономике

обеих стран, дипломатический конфликт Москвы и Анкары по поводу советско-турецкой границы.

В свою очередь именно политическими причинами объяснялось неучастие Испании в учреждении НАТО. Авторитарный франкистский режим осуждался западным общественным мнением (хотя соседняя салазаровская Португалия стала подписантом Вашингтонского договора). Стране по настоянию СССР было отказано во вступлении в ООН (Испания смогла войти в организацию лишь в 1955 г. при поддержке США и их латиноамериканских сателлитов), и она фактически оказалась в дипломатической изоляции после Второй мировой войны. Тем не менее наличие у Мадрида анклавов на североафриканском побережье (Сеута и Мелилья), а также Балеарских островов в Западном Средиземноморье, что позволяло контролировать Гибралтарский пролив и вход в Средиземное море, а с Канарских островов в Атлантике — стратегически важные пути между Америкой, Европой и Африкой, стало определяющим для США в их стремлении «укрепить фланги» НАТО (в случае с Испанией — в Западном Средиземноморье). Соединенные Штаты внесли решающий вклад в военное строительство страны, создали там необходимую для своих стратегических интересов и логистических потребностей военную инфраструктуру (построили дороги, полигоны, аэропорты, военные базы), оснастили испанскую армию современным вооружением и боевой техникой.

Серия союзнических договоров 1953 г. с Вашингтоном, по сути, подклочила Испанию к системе обороны Запада: на ее территории были созданы «совместно используемые» военно-воздушные базы в Мороне (40 км юго-восточнее Севильи), Сарагосе, Торрехоне-де-Ардос (20 км восточнее Мадрида), а также военно-морская база в Роте, в северной части Кадисского залива. Стоит отметить, что сами двусторонние соглашения Мадрида и Вашингтона 1953, 1963 и 1970 гг. носили неравноправный для Испании характер: они имели статус «исполнительных» и не требовали ратификации Конгрессом США [Прохоренко, 1995: 80, 86–87]. В 1982 г., уже после успешного демократического транзита, Испания вступила в НАТО, а в военные структуры альянса окончательно вошла в 1996 г.

В дальнейшем, в постбиполярный период, в логике «многопаритетного мира» и меняющихся национальных интересов США на смену двусторонним союзническим договорам и соглашениям приш-

ли новые форматы [Дмитращенко (Баженова), 2014]. Во-первых, это «стратегическое партнерство» со странами, которые подписали с Вашингтоном договор о взаимных гарантиях безопасности и имеют к тому же статус «основного союзника вне НАТО», дающий определенные преимущества в сфере торговли оружием и военной техникой и кооперации по вопросам безопасности. В настоящее время обладателями статуса «основного союзника США вне НАТО» являются Австралия, Аргентина, Бахрейн, Бразилия, Египет, Израиль, Иордания, Катар, Кения, Колумбия, Кувейт, Марокко, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Таиланд, Китайская Республика (Тайвань), Тунис, Филиппины, Япония. Близки к получению такого статуса Азербайджан, Армения, Вьетнам, Грузия, Индия, Ирак, Мексика, Молдавия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сингапур, Украина (Афганистан был лишен указанного статуса в 2022 г. после смены политического режима в стране). Во-вторых, это «партнерства по стратегическому диалогу» с теми, с кем Соединенные Штаты стремятся установить или уже установили двусторонние связи, но не имеют намерения создавать стратегические партнерства (наиболее яркий пример — отношения с Китаем).

Результаты использования Вашингтоном подобной стратегии вовлечения можно увидеть в формате партнерства НАТО, который начал функционировать и развиваться с Лондонского саммита 1990 г., когда альянс обязался «протянуть руку дружбы» бывшим противникам в холодной войне. Вслед за организационными изменениями в структуре альянса — созданием в 1990 г. Совета североатлантического сотрудничества (переименован в 1997 г. в Совет евро-атлантического партнерства) — в 1994 г. начала реализовываться первая партнерская программа НАТО «Партнерство во имя мира» в отношении соседей в Восточной Европе и бывших республик СССР. Многие из них впоследствии стали полноценными членами блока (одна из ключевых задач партнерства НАТО — подготовка заинтересованных и готовых к этому стран к вступлению в альянс) в ходе расширений на Восток в 2004–2020 гг. Тогда же, в 1994 г., был инициирован Средиземноморский диалог, а спустя десятилетие альянс выступил со Стамбульской инициативой сотрудничества для стран Персидского залива³.

³ NATO's partnerships // NATO. Last updated: 07.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_84336.htm (accessed: 05.06.2024).

В соответствии со Стратегической концепцией⁴, принятой в 2010 г. на Лиссабонском саммите, были предприняты усилия по реформированию политики НАТО в области партнерских отношений, с тем чтобы сделать диалог и сотрудничество более инклюзивными, гибкими, значимыми и стратегически ориентированными. Фокусом внимания обновленной политики партнерства, которая была одобрена главами внешнеполитических ведомств стран — участниц НАТО на встрече в Берлине в апреле 2011 г.⁵, стало укрепление существующих партнерских отношений посредством большей нацеленности механизмов консультаций и содействия сотрудничеству на обсуждение и решение конкретных вопросов. Принципиально важным явилось обновление военно-политической рамочной программы, регулирующей порядок участия государств — партнеров НАТО в политических консультациях и процессе принятия решений в отношении миссий, в которые они вносят свой вклад. Партнерам НАТО было предложено расширить политическое взаимодействие с альянсом и играть существенную роль в разработке и реализации проводимых под его руководством операций [Cooperative security..., 2014; Kaim, 2017].

В дальнейшем основными направлениями развития партнерских связей были выбраны следующие (сгруппированы в порядке приоритетности). Во-первых, углубление взаимодействия с партнерами по всему миру, а также с ключевыми глобальными субъектами, которые разделяют интерес союзников к мирным международным отношениям, но не имеют индивидуальной программы сотрудничества с НАТО. Во-вторых, использование форматов партнерства для решения ключевой для альянса задачи обеспечения безопас-

⁴ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation Adopted by Heads of State and Government in Lisbon // NATO. 19.10.2010. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed: 05.06.2024).

⁵ NATO Foreign Ministers Gather in Berlin // NATO. 14.04.2011. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72360.htm? (accessed: 05.06.2024); Political Military Framework for Partner Involvement in NATO-Led Operations. Meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs. Berlin, Germany // NATO. 14-15.04.2011. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-PMF.pdf (accessed: 05.06.2024); Active Engagement in Cooperative Security: A More Efficient and Flexible Partnership Policy. Meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs. Berlin, Germany // NATO, 14-15.04.2011. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-Partnership-Policy.pdf (accessed: 05.06.2024).

ности на основе сотрудничества и учреждение в связи с этим двух инициатив: по поддержанию оперативной совместимости и по укреплению потенциала партнеров в области обороны и в смежных областях безопасности. В-третьих, увеличение вклада в усилия международного сообщества по обеспечению стабильности и безопасности за пределами территории (зоны ответственности) НАТО. Наконец, в-четвертых, оказание помощи партнерам по их просьбе в укреплении оборонных институтов, совершенствовании системы их собственной безопасности, борьбе с терроризмом и обучении лучшим практикам в этой сфере.

Согласно действующей Стратегической концепции НАТО (принята на Мадридском саммите в июне 2022 г.) партнерские связи играют ключевую роль в достижении одной из основных задач альянса — кооперативной безопасности (безопасности на основе сотрудничества): «Политический диалог и практическое сотрудничество с партнерами, основанные на взаимном уважении и взаимной выгоде, способствуют стабильности за пределами наших границ, укрепляют нашу безопасность на нашей территории и поддерживают основные задачи НАТО. Партнерские отношения имеют решающее значение для защиты всеобщего достояния, повышения нашей устойчивости и поддержания основанного на правилах международного порядка»⁶.

Участниками программы «Партнерство ради мира» являются 18 государств: Австрия, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Грузия, Ирландия, Казахстан, Киргизия, Мальта, Молдавия, Россия, Сербия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан, Швейцария (НАТО приостановила свое сотрудничество с Белоруссией и Российской Федерацией, Совет Россия — НАТО последний раз собирался 12 января 2022 г.). Партнерами альянса по Средиземноморскому диалогу выступают 7 государств: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. Стамбульскую инициативу НАТО поддерживают Бахрейн, Катар, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. Остальные партнеры НАТО в различных регионах мира — Австралия, Афганистан (в настоя-

⁶ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. // NATO. Last updated: 03.03.2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed: 05.06.2024).

щее время партнерство с ним приостановлено), Ирак, Колумбия, Монголия, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Япония (всего 9 стран).

Каким образом можно оценить развитие партнерских программ НАТО с точки зрения трансформации альянса после окончания холодной войны? Можно ли считать это простой *ad hoc* реакцией на кризис и распад биполярного мироустройства, отражением стремления превратить территориально близкую международную среду в безопасную и наиболее благоприятную для себя? Или углубление и уплотнение сети партнерских индивидуальных и многосторонних связей следует рассматривать как проявление фундаментальных организационных и идентитарных изменений внутри альянса? Для того чтобы ответить на эти вопросы, имеет смысл присмотреться к динамике взаимоотношений по линии НАТО — ЕЭС/ЕС как отличающейся наибольшими интенсивностью и значением.

Взаимодействие НАТО и ЕЭС/ЕС как стержневая конструкция Запада

Если использовать метафору «Запад», а также широко распространенный в последние полтора десятилетия в российской публицистике, политической науке и в массовом сознании россиян дискурсивный конструкт «коллективный Запад» [Бараш, Петухов, 2023], то взаимодействие НАТО и ЕЭС/ЕС как раз представляется стержневым несущим элементом этого конструкта. Для Североатлантического альянса Евросоюз является не просто ключевым, а жизненно важным партнером, поскольку помимо наличия общих ценностей и стратегических интересов на сегодняшний день 23 участника НАТО одновременно входят в состав ЕС [см. подробнее, например: Алёшин, 2023].

Во-первых, это взаимодействие укрепляет ценностное и организационное единство Запада, предотвращая или смягчая внутренние разногласия, противоречия и конфликты (не только международного, но и немеждународного характера, с участием негосударственных субъектов, в частности транснациональных корпораций, групп интересов), а также дезинтеграционные тенденции. Яркие тому примеры — Франция и ее опыт временного неучастия в военных структурах НАТО; Великобритания и ее выход из состава Европейского союза; фактическая вовлеченность в оборону Запада формально

нейтральных европейских стран — Австрии, Ирландии, Мальты, Финляндии и Швеции как государств — членов Евросоюза, участвующих в Общей иностранной политике и политике безопасности, а также оборонной политике ЕС и имеющих в случае Австрии, Ирландии и Мальты особый формат партнерских отношений с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира».

Во-вторых, такое взаимодополняющее и согласованное взаимодействие придает принципиально новое качество совокупному потенциалу влияния ЕС и НАТО, США и других стран-участниц на мировое устройство и формирование региональных порядков.

В-третьих, учет и осмысление опыта друг друга можно назвать не просто удачным симбиозом — это взаимодействие продемонстрировало признаки гибридизации, позволив НАТО не только выжить и сохраниться после ухода в прошлое биполярности, но и институционально адаптироваться к изменениям международной среды, осуществить и количественное, и качественное развитие.

Наконец, такое взаимодействие позволило эффективно использовать инструмент санкций для изменения внешнеполитического поведения их объекта, к тому же санкции и ограничительные меры США и ЕС носят экстерриториальный характер.

При этом взгляд на взаимодействие ЕС и НАТО как разделение обязанностей (Вашингтон отвечает за военно-политические аспекты сотрудничества, Брюссель — за экономико-политические) является упрощенным. На это указывали еще в начале 1950-х годов эксперты, изучавшие феномен и деятельность Североатлантического альянса, подчеркивая тесную взаимосвязь и взаимообусловленность вопросов обороны и сдерживания, разработки и внедрения военных технологий, с одной стороны, и ресурсов экономик союзников — с другой [см., например: Sandler, Hartley, 1999].

Что в итоге позаимствовали НАТО и ЕС друг у друга в результате таких симбиоза и гибридизации?

Если смотреть в порядке хронологии, то первое — это формы привлечения национальных парламентов к работе НАТО и ЕЭС/ЕС, создание межпарламентских институтов — Парламентской ассамблеи НАТО в 1955 г. и Европейского парламента в 1957 г., несмотря на различия между ними. Европарламент представляет собой избираемый напрямую гражданами ЕС наднациональный представительный орган Европейского союза с законодательной

и бюджетной функциями и формальными возможностями контроля над исполнительной властью [Стрежнева, 2020]. Особое направление его деятельности — межпарламентское сотрудничество с третьими странами, (суб)региональными интеграционными объединениями и международными организациями (в настоящее время на постоянной основе функционируют 47 межпарламентских делегаций Европарламента в различных регионах мира, работа делегации ЕС в России и Комитета парламентского сотрудничества Россия — ЕС прекращена)⁷. Главными задачами Парламентской ассамблеи НАТО являются повышение координации, согласованности и взаимопонимания между парламентариями стран — участниц альянса и выстраивание диалога с представителями государств, не входящих в блок, но выражающих желание развивать партнерские отношения [Жилицын, 2020].

Сокращение так называемого демократического дефицита, выражающееся в возможности установить взаимодействие с рядовыми гражданами, — это лишь одна из задач такого формата для межправительственной организации и регионального интеграционного объединения, элитистских по своей природе. Этот формат дает дополнительные инструменты продвижения интеграционных инициатив и решений, например обмен опытом в законотворческой деятельности и лучшими практиками и, что не менее важно, личные контакты парламентариев, причем не только представителей правительственных партий. В случае с НАТО такой формат стал также одним из механизмов формирования общей оборонной идентичности, позволил привлечь к участию в деятельности организации третьи страны. В 1980-е годы, период эрозии и кризиса биполярности, одной из таких стран, на которые было направлено внимание альянса через механизмы в том числе Парламентской ассамблеи, стала Япония, сегодня связанная с НАТО и ЕС прочными отношениями стратегического партнерства [Nishihara, 2006].

Второе — это различные форматы партнерства НАТО с третьими странами, рассмотренные ранее. Если проанализировать партнерские связи альянса, то мы увидим не только большинство основных союзников США вне НАТО, но и партнеров Европейской политики

⁷ EP Delegations, Actors with a Global Reach // Delegations European Parliament. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/about/introduction> (accessed: 05.06.2024).

соседства: это и страны «Восточного партнерства», и государства Южного Средиземноморья. С 2004 г., с того времени, как НАТО запустила формат «Партнерство во имя мира», Евросоюз использует инструмент Европейской политики соседства для изменения в свою пользу территориально близкой к нему международной среды. Есть у ЕС и аналог Средиземноморского диалога НАТО — Евро-Средиземноморское партнерство, которое было инициировано Барселонским процессом (1995), а затем развилось в Союз для Средиземноморья. Одновременно Брюссель активно углубляет отношения со странами, которые являются региональными державами и играют или могут играть роль локомотивов региональной интеграции. Эти государства присутствуют и в списке основных партнеров США вне НАТО, а также поддерживают различные форматы партнерских связей с ЕС.

Как следствие, происходила трансформация коллективной оборонной (внешнеполитической) идентичности НАТО, когда речь стала идти скорее не о противопоставлении «Мы» — «Чужие», а о ситуации «Мы» плюс «Иные» против «Чужих». «Иные» — это те, кто хочет стать или уже стал «новым Западом» (бывшие социалистические и советские республики) и/или для кого отношения с ним являются приоритетными (одними из приоритетных) в условиях экономической и политической глобализации.

Однако укрепление международных позиций Европейского союза как глобального игрока и центра силы в логике формирования полицентричного мира, выдвижение идеи стратегической автономии ЕС и фактическое начало реализации одноименного проекта [Арбатова, 2019] позволяют предположить разногласия и даже конфликты в отношениях НАТО и ЕС, контуры которых некоторым исследователям удалось разглядеть еще на рубеже 2000–2010-х годов [см., например: Koops, 2010]. Вполне вероятно конкуренция или даже соперничество таких стратегических партнеров, как Евросоюз и НАТО, по вопросам расширительно трактуемой безопасности — международной и региональной (европейской), по подходам в отношении тех или иных международных кризисных ситуаций.

* * *

После окончания холодной войны в результате устранения «советской военной угрозы» НАТО столкнулась с серьезным кризисом

идентичности [Иванов, Халоша, 1999: 7], требовавшим переосмысления ее роли в направлении трансформации из военной в военно-политическую организацию, что наметилось уже в период эрозии и кризиса биполярности [Халоша, 1982]. Одновременно менялось представление о безопасности в науке о международных отношениях и в практической политике: ее стали всё более расширительно толковать, уделяя внимание не только традиционным, военным, но и невоенным аспектам, выявляя и оценивая новые вызовы, угрозы и риски безопасности как многоуровневого и многоаспектного феномена [Прохоренко, 1993].

С уходом в прошлое межблоковой конфронтации региональная НАТО постепенно превращалась в военно-политическую организацию, претендующую на участие в решении глобальных проблем и противодействие глобальным рискам, а по сути — на то, чтобы предложить себя миру в качестве глобального сообщества безопасности [Williams, Neumann, 2000; Алёшин, 2022]. Сделав заявку на глобальную роль в меняющемся миропорядке, НАТО расширила тематику своей деятельности, переориентировав ее, в том числе посредством развития политики партнерства, на противодействие кризисам и посткризисное регулирование, различные проблемы и аспекты гуманитарной и гендерной безопасности, публичной дипломатии, науки, технологий, изменения климата, а не только вопросы военного строительства, контроля над вооружениями и разоружения. Всё это свидетельствовало о, казалось, решительной трансформации НАТО из традиционного военно-политического объединения в настоящее «сообщество безопасности».

Однако эти тенденции были в значительной мере перечеркнуты резким обострением кризиса на Украине, который во многом был спровоцирован именно политикой партнерства НАТО. Поступательное расширение альянса на восток, противоречившее устным обещаниям высокопоставленных представителей США, сделанным на излете холодной войны, и особенно вступление в его состав трех прибалтийских республик бывшего Советского Союза (Латвии, Литвы и Эстонии) в 2004 г. вызвали не просто рост озабоченности, а серьезные опасения Москвы относительно усиления военной угрозы со стороны НАТО. На фоне превращения постсоветского пространства в высококонкурентную сферу борьбы за влияние между Россией и Западом эти опасения начали принимать экзистенциальный и самодовлеющий характер. Взаимные обиды и разо-

чарования придали эмоциональную окрашенность политическим разногласиям и обернулись снижением доверия и нежеланием слышать аргументы другого. «Квинтэссенцией противоречивых представлений России и Запада о приемлемых основах постбиполярной европейской безопасности», кульминацией их соперничества за сферы влияния на постсоветском пространстве и свидетельством полного распада системы коллективной безопасности в Европе стал конфликт на Украине [Арбатова, 2024: 89]. Из стратегического партнера, пусть и «Иного», Россию вновь превращают в «Другого», «Чужого», цивилизационно враждебного, что ставит под сомнение возможность построения инклюзивной и неделимой безопасности в Европе, а с точки зрения развития коллективной идентичности НАТО означает возвращение к прежней модели военного альянса.

Конфликт на Украине и глубокий раскол между Россией и Западом, который фактически исключает даже ограниченное сотрудничество по актуальным проблемам международной жизни, снова выводят на первый план в процессах формирования коллективной идентичности НАТО традиционную бинарную логику «свой» — «чужой» и позиционирование себя в качестве прежде всего военного альянса, а значит, блоку предстоят новые идентитарные и организационные трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёшин А.А. Великобритания — Евросоюз — НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023.
2. Алёшин А.А. Роль научного дискурса в стратегическом развитии НАТО // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4. С. 136–156. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.1.
3. Арбатова Н.К. Распад системы коллективной европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 6. С. 82–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-82-92.
4. Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04.
5. Бараш Р.Э., Петухов Р.В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9.
6. Дмитрищенко (Баженова) О.А. Особенности типологизации союзников США в американском политическом дискурсе // Вестник Московского

университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 114–133.

7. Иванов П.Л., Халоша Б.М. Россия — НАТО: что дальше? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-6-5-15.

8. Кислицын С.В. Парламентская ассамблея НАТО // Межпарламентские институты в мировой политике / Отв. ред. И.Л. Прохоренко. М.: Весь мир, 2020. С. 150–160.

9. Прохоренко И.Л. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике: теория и практика / Под ред. Э.А. Позднякова. М.: ИМЭМО РАН, 1993. С. 66–90.

10. Прохоренко И.Л. Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании. М.: ПаспортГрафика, 1995.

11. Сергунин А.А. Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

12. Стрежнева М.В. Европейский парламент как уникальный наднациональный институт // Межпарламентские институты в мировой политике / Отв. ред. И.Л. Прохоренко. М.: Весь мир, 2020. С. 205–227.

13. Халоша Б.М. Военно-политические союзы империализма: основные особенности и тенденции развития в 70-х — начале 80-х годов. М.: Наука, 1982.

14. Adler E., Barnett M. A framework for the study of 'security communities' // Security Communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–65.

15. Cooperative security: NATO's partnership policy in a changing world / Ed. by T. Flockhart. Copenhagen: Danish Institute for International Studies (DIIS), 2014. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/177617/WP2014-01_NATO-partnerships_TFL_web.pdf (accessed: 05.06.2024).

16. Hardt H. How NATO remembers: Explaining institutional memory in NATO crisis management // European Security. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 120–148. DOI: 10.1080/09662839.2016.1263944.

17. Hardt H. NATO's lessons in crisis: Institutional memory in international organizations. New York: Oxford Academic, 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190672171.001.0001.

18. Johnston S.A. How NATO adapts: Strategy and organization in the Atlantic Alliance since 1950. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2017.

19. Kaim M. Reforming NATO's partnerships. SWP research paper. German Institute for International and Security Affairs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2017. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (accessed: 05.06.2024).

20. Koops J.A. Unstrategic partners: NATO's relations with the European Union // *Entangling alliance: 60 Jahre NATO* / Ed. by W. Kremp, B. Meyer. Trier: Wissenschaftsverlag, 2010. P. 41–78.

21. Nishihara M. Can Japan be a global partner of NATO? // *RIPS policy perspectives*. No. 2. Tokyo: Research Institute for Peace and Security, 2006. Available at: https://www.rips.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/04/RIPS_Policy_Perspectives_No.2.pdf (accessed: 05.06.2024).

22. Risse-Kappen Th. Collective identity in a democratic community: The case of NATO // *The culture of national security* / Ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 357–399.

23. Rohan S. The Western European Union: International politics between alliance and integration. New York: Routledge, 2014.

24. *Routledge handbook of NATO* / Ed. by J.F. Olsen. Abingdon (UK); New York: Routledge, 2024.

25. Ruggie J.G. Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation. London: Routledge, 1998. DOI: 10.4324/9780203424261.

26. Sandler T., Hartley K. NATO and Europe // *The political economy of NATO: Past, present and into the 21st century* / Ed. by T. Sandler, K. Hartley. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 201–222. DOI: 10.1017/CBO9781139175067.

27. Sjursen H. On the identity of NATO // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 4. P. 687–703.

28. Smith M. The accession of Greece and Turkey, 1947–52 // *NATO enlargement during the Cold War. Strategy and system in the Western Alliance. Cold War history series* / Ed. by M. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 62–95. DOI: 10.1057/9780333985359_4.

29. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. Correspondence: NATO and democracy // *International Security*. 2001. Vol. 26. No. 3. P. 221–235.

30. Webber M., Croft S., Howorth J. et al. The governance of European security // *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 1. P. 3–26. DOI: 10.1017/S0260210504005807.

31. Williams M., Neumann I. From alliance to security community: NATO, Russia, and the power of identity // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

32. Wyn Rees G. The Western European Union at the crossroads between Trans-Atlantic solidarity and European Integration. New York; Abingdon (UK): Routledge, 2019.

REFERENCES

1. Aleshin A.A. 2023. *Velikobritaniya — Evrosoyuz — NATO: reorganizatsiya 'transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti'* [Britain — the European

Union — NATO: Reorganization of the 'Transatlantic security space']. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

2. Aleshin A.A. 2022. Rol' nauchnogo diskursa v strategicheskoy razvitii NATO [Scientific discourse on NATO's strategic evolution]. *International Trends*, vol. 20, no. 4, pp. 136–156. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.1. (In Russ.)

3. Arbatova N.K. 2024. Raspad sistemy kollektivnoy evropeiskoy bezopasnosti [The collapse of the European collective security system]. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 6, pp. 82–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-82-92. (In Russ.)

4. Arbatova N.K. 2019. Strategicheskaya avtonomiya Evropeiskogo soyuza: real'nost' ili blagoe pozhelanie? [Strategic autonomy of the European Union: Reality or good intention?]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04. (In Russ.)

5. Barash R.E., Petukhov R.V. 2023. Identichnost' i istoricheskaya pamyat' rossiyan v usloviyakh protivostoyaniya 'kollektivnomu Zapadu' [Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the 'collective West']. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 14, no. 4, pp. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9. (In Russ.)

6. Dmitrashchenko (Bazhenova) O.A. 2014. Osobennosti tipologizatsii soyuznikov SShA v amerikanskom politicheskom diskurse [Classification of the US allies in contemporary American political discourse]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 2, pp. 114–133. (In Russ.)

7. Ivanov P.L., Khalosha B.M. 1999. Rossiya — NATO: chto dal'she? [Russia — NATO: What then?]. *World Economy and International Relations*, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-6-5-15. (In Russ.)

8. Kislytsyn S.V. 2020. Parlamentskaya assambleya NATO [NATO Parliamentary Assembly]. In: Prokhorenko I.L. (ed.). *Mezhparlamentskie instituty v mirovoy politike* [Interparliamentary institutions in world politics]. Moscow, Ves mir Publ., pp. 150–160. (In Russ.)

9. Prokhorenko I.L. 1993. Natsional'naya bezopasnost' i balans sil [National security and balance of power]. In: Pozdnyakov E.A. (ed.). *Balans sil v mirovoy politike: teoriya i praktika* [Balance of power in world politics: Theory and practice]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 66–90. (In Russ.)

10. Prokhorenko I.L. 1995. Natsional'nyi interes vo vneshnei politike gosudarstva: opyt sovremennoy Ispanii [National interest in foreign policy: Experience of modern Spain]. Moscow, PasportGrafika Publ. (In Russ.)

11. Sergunin A.A. 2011. Immanuel Kant: rol' v razvitii teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Immanuel Kant: Contribution to the development of international relations theory]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.)

12. Strezhneva M.V. 2020. Evropeiskii parlament kak unikal'nyi nadnatsional'nyi institut [European Parliament as an unique supranational institution]. In: Prokhorenko I.L. (ed.). *Mezhparlamentskie instituty v mirovoy politike*

[Interparliamentary institutions in world politics]. Moscow, Ves mir Publ., pp. 205–227. (In Russ.)

13. Khalosha B.M. 1982. *Voenno-politicheskie soyuzy imperializma: osnovnye osobennosti i tendentsii razvitiya v 70-kh — nachale 80-kh godov* [Military-political alliances of imperialism: Main features and trends in the 1970s — the beginning of the 1980s.]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Adler E., Barnett M. 1998. A framework for the study of 'security communities'. In: Adler E., Barnett M. (eds.). *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 29–65.

15. Flockhart T. (ed.). 2014. *Cooperative security: NATO's partnership policy in a changing world*. Copenhagen, Danish Institute for International Studies (DIIS). Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/177617/WP2014-01_NATO-partnerships_TFL_web.pdf (accessed: 05.06.2024).

16. Hardt H. 2016. How NATO remembers: Explaining institutional memory in NATO crisis management. *European Security*, vol. 26, no. 1, pp. 120–148. DOI: 10.1080/09662839.2016.1263944.

17. Hardt H. 2018. *NATO's lessons in crisis: Institutional memory in international organizations*. New York, Oxford Academic. DOI: 10.1093/oso/9780190672171.001.0001.

18. Johnston S.A. 2017. *How NATO adapts: Strategy and organization in the Atlantic Alliance since 1950*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.

19. Kaim M. 2017. *Reforming NATO's partnerships*. SWP research paper. German Institute for International and Security Affairs. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (accessed: 05.06.2024).

20. Koops J.A. 2010. Unstrategic partners: NATO's relations with the European Union. In: Kremp W., Meyer B. (eds.). *Entangling alliance: 60 Jahre NATO*. Trier, Wissenschaftsverlag, ss. 41–78.

21. Nishihara M. 2006. *Can Japan be a global partner of NATO?* RIPS Policy Perspectives. No. 2. Tokyo, Research Institute for Peace and Security. Available at: https://www.rips.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/04/RIPS_Policy_Perspectives_No.2.pdf (accessed: 05.06.2024).

22. Risse-Kappen Th. 1996. Collective identity in a democratic community: The case of NATO. In: Katzenstein P. (ed.). *The culture of national security*. New York, Columbia University Press, pp. 357–399.

23. Rohan S. 2014. *The Western European Union: International politics between alliance and integration*. New York, Routledge.

24. Olsen J.F. (ed.). 2024. *Routledge handbook of NATO*. Abingdon (UK), New York, Routledge.

25. Ruggie J.G. 1998. *Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9780203424261.

26. Sandler T., Hartley K. 1999. NATO and Europe. In: Sandler T., Hartley K. (eds.). *The political economy of NATO: Past, present and into the 21st century*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 201–222. DOI: 10.1017/CBO9781139175067.

27. Sjursten H. 2004. On the identity of NATO. *International Affairs*, vol. 80, no. 4, pp. 687–703.

28. Smith M. 2000. The accession of Greece and Turkey, 1947–52. In: Smith M. (ed.). *NATO enlargement during the Cold War. Strategy and system in the Western Alliance. Cold War history series*. London, Palgrave Macmillan, pp. 62–95. DOI: 10.1057/9780333985359_4.

29. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. 2001. Correspondence: NATO and democracy. *International Security*, vol. 26, no. 3, pp. 221–235.

30. Webber M., Croft S., Howorth J. et al. 2004. The governance of European security. *Review of International Studies*, vol. 30, no. 1, pp. 3–26. DOI: 10.1017/S0260210504005807.

31. Williams M., Neumann I. 2000. From alliance to security community: NATO, Russia, and the power of identity. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

32. Wyn Rees G. 2019. *The Western European Union at the crossroads between Trans-Atlantic solidarity and European integration*. New York, Abingdon (UK), Routledge.

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования
18.06.2024; принята к публикации 26.06.2024

The paper was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 26.06.2024

Ю.Ю. Мельникова*

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ КНР В ДИСКУРСЕ НАТО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-Х — НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ КАК ЧАСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛЬЯНСА

Российский совет по международным делам (РСМД)

119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, 8

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

К началу 2020-х годов в выступлениях представителей Североатлантического альянса резко усилилась алармистская риторика в отношении внешней политики Китая и опасности укрепления его позиций в системе международных отношений. В 2022 г. за КНР был на официальном уровне закреплён статус государства, представляющего системный вызов странам блока. Эти активные попытки секьюритизации китайского фактора в риторике НАТО особенно примечательны тем, что их едва ли можно убедительно объяснить ссылками на традиционные соображения военно-политического, экономического или идеологического характера. В данной статье выдвигается гипотеза, что причины секьюритизации КНР в официальном дискурсе НАТО следует искать в процессах конструирования новой, глобальной идентичности альянса. Для проверки этой гипотезы в статье последовательно проанализирована эволюция коллективных самопредставлений альянса, начиная с холодной войны и вплоть до сегодняшнего дня. Так, показано, что в годы биполярного противостояния, когда Североатлантический альянс позиционировал себя как военно-политический блок, направленный на сдерживание «советской угрозы», его отношения с КНР развивались поступательно и конструктивно, несмотря

* Мельникова Юлия Юрьевна — кандидат политических наук, программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД); преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru; ORCID: 0000-0001-7922-2498).

на политические и идеологические различия. В постбиполярный период, когда в НАТО активно обсуждали идею развития идентичности альянса в сторону «общества безопасности», фактор КНР вообще отошел на второй план. Внимание к Китаю в дискурсе НАТО существенно возросло в 2010-е годы, когда организация взяла курс на радикальное расширение своей роли в международных отношениях и соответственное позиционирование себя в качестве глобального актора безопасности. Однако, как подчеркивает автор, и в этот период не наблюдалось попыток секьюритизации Китая, и отношения по линии КНР — НАТО отличались позитивной динамикой. Перелом в официальной риторике НАТО произошел во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов и был обусловлен как явной пробуксовкой процесса утверждения глобальной идентичности альянса, так и нарастанием великодержавного соперничества на мировой арене. С этой точки зрения активизация усилий по секьюритизации КНР объясняется внутренней логикой развития коллективной идентичности Североатлантического альянса и стремлением его руководства добиться большей консолидации союзников перед новыми стратегическими вызовами. Однако, как показывает автор, обострение отношений стран НАТО с Россией, традиционным «значимым другом» для блока, во многом обесмысливает попытки дальнейшей секьюритизации Китая, которые продолжаются сейчас скорее по инерции.

Ключевые слова: НАТО, Китай, КНР, ЕС, евро-атлантические отношения, общество безопасности, секьюритизация, коллективная идентичность, региональный комплекс безопасности, «значимый друг»

Благодарности: автор благодарит И.А. Истомина за советы по формированию исследовательского дизайна публикации и И.В. Болгову — за время, дискуссионные вопросы и ценные рекомендации, позволившие придать тексту концептуальную завершенность. Особую признательность автор выражает редакции за внимательное и бережное отношение к материалу на всех этапах его подготовки.

Для цитирования: Мельникова Ю.Ю. Секьюритизация КНР в дискурсе НАТО во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов как часть формирования глобальной идентичности альянса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 163–201. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201.

Yuliya Yu. Melnikova

**SECURITIZATION OF CHINA IN THE NATO DISCOURSE
IN THE LATE 2010S — EARLY 2020S:
TOWARDS A GLOBAL COLLECTIVE IDENTITY**

*Russian International Affairs Council (RIAC)
8, 4th Dobryninsky Pereulok, Moscow, 119049*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

By the early 2020s, the NATO representatives have adopted an increasingly alarmist rhetoric regarding China's strengthening positions in the international relations. In 2022, the PRC was officially qualified as a 'systemic challenge' to the countries of the alliance. These attempts to securitize the Chinese factor in the NATO's discourse are particularly noteworthy since they can hardly be rationalized by traditional military-political, economic or ideological reasons. The author argues that these reasons stem from the NATO's search for a new, global identity. In order to test this hypothesis, the article traces the evolution of the alliance's collective self-representations from the Cold War period up to the present day. The author shows that during the Cold War, when NATO positioned itself as a military-political alliance aimed at deterring the 'Soviet threat', the alliance's relations with China developed steadily and constructively despite political and ideological differences. In the post-bipolar period, the Chinese factor has lost its importance even more, as NATO was actively considering the idea of repositioning itself as a 'security community'. Attention to the PRC in the NATO discourse increased significantly in the 2010s, when the alliance set a course towards a radical expansion of its mandate in international relations and self-representation as a global security actor. However, as the author emphasizes, during this period there still have been no attempts to securitize China, and relations between the PRC and NATO were marked by positive dynamics. The shift in the perception of the PRC in the NATO's official discourse took place in the second half of the 2010s — early 2020s and stemmed from the apparent difficulties in asserting the global identity of the alliance and the growing great-power rivalry in the international arena. From this perspective, increasing efforts to securitize the PRC could be ascribed to the continuous evolution of the alliance's collective identity and the desire of its leaders to close ranks in the face of new strategic challenges. However, the author shows that the deterioration of relations between NATO member states and Russia, a traditional 'significant other'

for the alliance, renders meaningless any further attempts to securitize China, which continue still more by inertia.

Keywords: NATO, China, PRC, EU, Euro-Atlantic relations, security community, securitization, collective identity, regional security complex, 'significant other'

About the author: *Yuliya Yu. Melnikova* — PhD (Political Science), Program Manager at the Russian International Affairs Council; Lecturer at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru; ORCID: 0000-0001-7922-2498).

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to Dr. Igor A. Istomin for his advice on the research design, as well as Dr. Irina V. Bolgova for her time, thought-provoking questions and invaluable recommendations. The author expresses special gratitude to the editorial board of the Lomonosov World Politics Journal.

For citation: Melnikova Yu.Yu. 2024. Securitization of China in the NATO discourse in the late 2010s — early 2020s: Towards a global collective identity. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 163–201. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-163-201. (In Russ.)

Обострение великодержавной конкуренции к началу 2020-х годов актуализировало проблему «жесткой» безопасности для всех участников международного взаимодействия. Североатлантический альянс (НАТО), с момента окончания холодной войны находившийся в процессе постоянного переосмысления своей роли в международных процессах, столкнулся с необходимостью балансирования между региональным и глобальным направлениями деятельности. Поскольку масштаб задачи определяет специфику стандартизации военно-промышленных комплексов союзников, соответствующих смежных рынков и информационной политики блока [Rühlig, 2023], приоритетом для руководства и лидеров альянса стало обоснование потребности дальнейшего наращивания коллективного оборонного потенциала.

Исторически легитимация изменений в политике НАТО осуществлялась благодаря фактору общей угрозы. К началу 2020-х годов в выступлениях представителей Североатлантического альянса

участились упоминания Китая и опасности усиления его позиций в мировом порядке¹, и уже в 2022 г. за КНР был на официальном уровне закреплён статус государства, представляющего системный вызов странам блока². Этот шаг спровоцировал волну обсуждений в средствах массовой информации, экспертных и академических публикациях³, но разъяснить его необходимость оказалось непросто по ряду причин.

Во-первых, КНР не представляет непосредственной угрозы военной безопасности для большинства государств объединения: если американо-китайские столкновения могут произойти в Тихом океане, то для европейских стран альянса такая возможность практически исключена⁴. Пекин занимает второе место в мире по расходам на оборону, но китайский военный потенциал несопоста-

¹ См., например: Speech by NATO Secretary General Stoltenberg at the high-level NATO Conference on Arms Control and Disarmament // North Atlantic Treaty Organization. 25.10.2019. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_169930.htm (accessed: 28.03.2024); London Declaration. Issued by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 28.03.2024).

² NATO 2022 Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. Available at https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 08.02.2024).

³ См., например: Kuo M.A. NATO and the China challenge: Insights from Lise Lotte Odgaard // The Diplomat. 12.04.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/04/nato-and-the-china-challenge/> (accessed: 11.02.2024); How should Europe handle China? Annual report 2023 // Center for European Reform. 09.02.2024. Available at: https://www.cer.eu/sites/default/files/annual_report_2023.pdf (accessed: 11.02.2024); Legarda H. China and Russia bring NATO and the Indo-Pacific together // Mercator Institute of China Studies (MERICS). 26.07.2022. Available at: <https://merics.org/en/comment/china-and-russia-bring-nato-and-indo-pacific-together> (accessed: 11.02.2024); Ван И. НАТО или не надо? Стоит ли Европе считать Китай врагом // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.12.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nato-ili-ne-nado/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ К исключениям можно отнести Францию, исторически претендующую на особую роль в Индийском и Тихом океанах в связи с наличием обширных заморских территорий и постоянно размещенного в акваториях военно-морского флота. При этом в Стратегии Франции в Индо-Тихоокеанском регионе 2021 г. напрямую отмечено, что действия Китая нарушают баланс сил в этом пространстве. См. подробнее: France's Indo-Pacific Strategy // Ministry for Europe and Foreign Affairs. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf (accessed: 05.05.2024).

вим с американским и тем более — с кумулятивным потенциалом стран НАТО⁵. Кроме того, изменение баланса сил само по себе не является неперенным условием формирования угрозы — возможен также сценарий аккомодации ревизиониста [Accommodating rising powers..., 2016]. Показательно, что в начале 2010-х годов выдвижение КНР в регионы, представляющие интерес для НАТО, в том числе в Центральную Азию, на Ближний Восток и в Африку, рассматривалось как повод для сотрудничества с Китаем⁶, а не для опасений.

Во-вторых, европейские страны НАТО сохраняют тесные экономические связи с КНР. В публичных выступлениях и официальных документах последних лет ЕС посылает противоречивые сигналы, характеризуя Китай как «партнера по диалогу, экономического конкурента и системного соперника»⁷, но взаимодействие по экономическим, научно-технологическим, климатическим вопросам продолжается, а объемы взаимной торговли растут⁸. Евросоюз не поддержал развитие торговой войны США и КНР в конце 2010-х годов, и эскалация в отношениях с Пекином не соответствует его интересам. Соответственно и экономическая логика не могла быть ключевым фактором при закреплении Китая как системного вызова для альянса.

Наконец, конструирование «китайской угрозы» также едва ли требовалось для укрепления материальной базы НАТО, например, за счет мобилизации военных бюджетов европейских государств-членов и долгожданного повышения их расходов на оборону. Этот процесс и так был активизирован на фоне конфликта между Россией и Западом вокруг Украины: к середине 2022 г. многие страны

⁵ SIPRI military expenditure database // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 11.02.2024).

⁶ Goldberg J. World chaos and world order: Conversations with Henry Kissinger // The Atlantic. 10.11.2016. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/> (accessed: 08.02.2024).

⁷ EU-China — A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council, March, 2019 // European Commission. Available at: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 08.02.2024).

⁸ China-EU: International trade in goods statistics // Eurostat. February 2024. Available at: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#:~:text=EU%20and%20China%20in%20world%20trade%20in%20goods,-Figure%203%20shows&text=China%20\(€%20579%20billion,782%20billion%2C%203.9%20%25\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#:~:text=EU%20and%20China%20in%20world%20trade%20in%20goods,-Figure%203%20shows&text=China%20(€%20579%20billion,782%20billion%2C%203.9%20%25)) (accessed: 04.04.2024).

НАТО увеличили отчисления в совокупный бюджет⁹. Перестройка военной машины альянса под сдерживание Китая в свою очередь требует куда более серьезных затрат и, более того, в условиях кризиса архитектуры безопасности в Европе не отвечает тактическим интересам блока. На фоне эскалации конфликта с Россией исчезла необходимость поддержания «китайской угрозы» и в целях укрепления внутренней сплоченности, в том числе в сферах, не связанных с военными бюджетами напрямую.

Таким образом, вопрос о причинах секьюритизации Китая в евро-атлантической повестке при сохранении прежнего соотношения сил и образа действий Брюсселя и Пекина в 2020-е годы остается открытым. Академические исследования по теме при этом носят единственный характер и в России, и за рубежом.

Отечественные авторы в качестве одной из причин, обусловивших секьюритизацию КНР в дискурсе НАТО, называют стремление альянса в изменившихся условиях сохранить удобный для него «порядок, основанный на правилах» [Данилов, 2021]. Вторым по распространенности объяснением новой риторики блока в отношении Китая, характерным преимущественно для российских исследований, является рассмотрение расширения повестки дня НАТО через призму политики США по продвижению своих интересов в Азии [Ермаков, 2022; Батюк, 2022; Левандовский, 2022]. Как правило, такого рода исследования носят прикладной характер, что также не позволяет рассмотреть секьюритизацию КНР в более широком диахроническом контексте. Кроме того, сосредоточение исследовательского внимания исключительно на США представляется упрощением, поскольку интересы европейских стран альянса на китайском направлении достаточно ярко выражены. При этом можно констатировать, что в отечественной литературе практически нет исследований связи внутренней динамики межсоюзнических отношений и «китайской угрозы», а также влияния последней на евро-атлантическое единство и солидарность [Приходько, 2019].

Западные исследователи, говоря о причинах секьюритизации КНР в дискурсе НАТО, чаще всего указывают на внешние обстоятельства, прежде всего на общее обострение международного

⁹ Defence expenditure of NATO countries (2014–2023) // North Atlantic Treaty Organization. 07.07.2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230707-def-exp-2023-en.pdf (accessed: 31.03.2024).

соперничества, связанное с трансформацией мирового порядка, которая стимулирует конкуренцию между странами НАТО и набирающим силу Китаем [Hoof, 2022; Herold et al., 2022; Vankovska, 2022]. В зарубежных работах преобладает восприятие этого процесса как объективного, неизбежно подталкивающего западные страны к симметричным действиям [Hoof, 2022]. Эмпирическим ограничением этого объяснения выступает отсутствие явного триггера для формирования «китайской угрозы», такого как резкий рост военного потенциала Пекина, резкая деградация экономического взаимодействия со всеми странами альянса или неожиданное изменение внешнеполитического курса КНР. При этом следует отметить, что политика НАТО редко изучается зарубежными авторами в исторической ретроспективе, и это представляется серьезным упущением.

Что касается внутренних детерминант секьюритизации КНР, то можно встретить предположения, что она была призвана укрепить позиции евро-атлантической бюрократии [Rynning, 2022]. Впрочем, эта гипотеза кажется не очень убедительной, поскольку за 75 лет у альянса сформировались различные общие практики, такие как гражданские миссии или учения, которые и так на постоянной основе содействуют институционализации и легитимации евро-атлантических структур. Вторая, «внутриполитическая» гипотеза указывает, что поддержание конструктивных отношений с КНР противоречит нормативно-ценностной идентичности НАТО [Bechna, Thayer, 2016]¹⁰. В качестве контраргумента можно выделить то обстоятельство, что в годы холодной войны ценности альянса и коммунистического Китая также различались, однако это не приводило к формированию «китайской угрозы» в повестке дня НАТО.

Наиболее системным исследованием роли фактора КНР во внутренней динамике развития Североатлантического альянса в настоящий момент является статья Дж. Майклса [Michaels, 2022]. В ней автор на исторических примерах показывает, что независимо от того, была ли китайская риторика НАТО положительной или отрицательной, разногласия между государствами-членами удерживали альянс от каких-либо проактивных действий по отношению к контрагенту.

¹⁰ Weissinger-Baylon R. et al. NATO — China relations: Charting the way forward // Center for Strategic Decision Research; China Institute for International Strategic Studies. 27.01.2022. Available at: <https://www.csdr.org/2022%20Events/NATO-China%20Relations%2001032021.pdf> (accessed: 04.04.2024).

По мнению исследователя, закрепить представления о «китайской угрозе» как общем вызове для блока сегодня и изменить его действия на китайском направлении получится, только если преодолеть эти внутренние разногласия.

В данной статье предпринимается попытка дополнить и развить линию рассуждений, заданную Дж. Майклсом, полнее раскрыв логику преественности в евро-атлантической политике на китайском треке. В этом контексте предлагается взглянуть на проблему секьюритизации КНР в начале 2020-х годов как на производную от усилий по укреплению коллективной идентичности Североатлантического альянса, а именно по созданию идентичности НАТО как глобального игрока, выявить ключевые детерминанты этого феномена и оценить перспективы его развития в современных условиях.

Безопасность и идентичность: конструктивистский ракурс

В статье используется конструктивистский подход, базовое положение которого по отношению к проблематике безопасности заключается в том, что опасность представляет собой не объективное условие окружающей среды, а социальный конструкт, результат специфических восприятия и интерпретации того или иного процесса или явления [Dittmer, 2005]. Подобное конструирование может происходить бессознательно, под воздействием глубинных мировоззренческих установок игроков либо за счет осознанного распространения этих установок лидером или элитами в социальной группе/объединении. В последнем случае открывается возможность сформировать у реципиентов «объективное» восприятие тех или иных событий; прочертить четкую границу между идеалом («верным» пониманием действительности) и его искажениями [Dittmer, 2005]. Наличие единого восприятия в свою очередь дисциплинирует отношения внутри сообщества, легитимизирует общие действия, позволяя лидерам сэкономить временные и имиджевые ресурсы, в противном случае необходимые для убеждения союзников в правильности выбранного курса [Истомин, 2023].

В рамках конструктивистского подхода можно выделить два направления мысли, которые имеют наибольшую объяснительную ценность для затрагиваемых в статье вопросов: это исследование Д. Кэмпбелла о связи идентичности государств и их подходов к фор-

мированию угрозы¹¹ и теория секьюритизации, предложенная так называемой Копенгагенской школой¹².

Работы Д. Кэмпбелла во многом заложили основу для теории секьюритизации. Исследователь утверждал, что количество рисков в мире слишком велико, чтобы акторы могли объективно оценивать, какие из них действительно представляют угрозу в тот или иной момент времени, а какие нет. В этой связи внешнеполитические элиты «выбирают» ту угрозу из существующего списка, которая убедительнее всего позволит сформировать коллективную идентичность на основе оппозиции «свой — чужой»¹³ и тем самым обосновать необходимость совместного существования [Campbell, 1992]. В интерпретации автора интересы безопасности не являются объективной реальностью для государства, а представляют собой целенаправленно созданный для поддержания его акторности продукт и исходный элемент для первого этапа формирования идентичности на основе отделения «себя» от «другого».

В развитие идеи Д. Кэмпбелла его последователи показали, что закрепление такой идентичности происходит за счет непрерывного производства и воспроизводства сформулированных представлений в дискурсе и на практике ответственными за национальную безопасность ведомствами [Krause, Williams, 1996]. В частности, работа Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде углубила идею критических конструктивистов о роли практик, а именно дискурса, в процессе конструирования и использования угрозы для изменения коллективного поведения и поддержания общности. Этот процесс пере-

¹¹ Иногда их также относят к критической теории или же — срединный вариант — к критическому конструктивизму. В отдельных случаях наработки Д. Кэмпбелла приписывают и постмодернизму за счет их методологической ориентированности на дискурс-анализ и прямых отсылок к работам М. Фуко о первичности дискурса по отношению к реальности и ее восприятию.

¹² Копенгагенскую школу безопасности иногда также относят к неоклассическому реализму в зависимости от того, какое из ее положений играет центральную роль в картине мира исследователя — о первичности безопасности в системе ценностей государства или о конструировании угроз ей.

¹³ Данная бинарная оппозиция представляет собой один из основных концептов социальной психологии. Применительно к этническим и иным социальным группам один из ее основоположников Ф. Барт утверждал, что их существование и воспроизводство обусловлены именно наличием границ между ними и «другими». Это позволило сформировать понимание, что конституирование «себя» требует также наличия «чужого» [см. подробнее: Ethnic groups and boundaries..., 1969].

ведения события или явления за счет соответствующих нарративов в разряд экзистенциальной угрозы, требующей вмешательства на высоком политическом уровне, получил название «секьюритизация» [Buzan et al., 1998].

Представители Копенгагенской школы безопасности на основе своих исследований пришли к схожему с Д. Кэмпбэллом выводу, что повод для секьюритизации вовсе не обязательно должен быть связан с конкретным событием или действием со стороны контрагента; зачастую достаточно самого существования альтернативной модели, которая ставит под сомнение претензии идентичностей членов сообщества на статус единственно «правильных», «объективных».

Таким образом, инструментальное, критическое отношение к категориям «угрозы» и «опасности» сближает исследования Д. Кэмпбелла и представителей Копенгагенской школы, что позволяет совместить их теоретические наработки для решения поставленных в работе задач. В рамках первого подхода можно выявить логику формирования восприятия КНР странами НАТО в различные исторические периоды и объяснить, почему секьюритизация китайского фактора началась только во второй половине 2010-х годов. С помощью второго подхода появляется возможность проанализировать, как именно происходит этот процесс, чтобы сделать выводы о его потенциальной эффективности.

Идентичность НАТО: от военно-политического союза к сообществу безопасности

По завершении холодной войны изучение влияния коллективных самопредставлений на внешние действия Североатлантического альянса стало одним из основных направлений исследований политики объединения. В научной литературе сложилось несколько интерпретаций сущности НАТО: как военно-политического союза; сообщества безопасности; инструмента проецирования силы отдельных акторов, прежде всего США [Истомин и др., 2020]. Разнообразие интерпретаций во многом обусловлено тем, что они проистекают из оценки деятельности альянса с позиций разных теоретических подходов: неореализма [Waltz, 2000] и теории альянсов [Hendrickson, 1999; Morrow, 1993], конструктивизма и английской школы [Buzan, Schouenborg, 2018], неоинституционализма [Wallander, 2000] и т.д. Однако, на наш взгляд, указанные

интерпретации также могут быть рассмотрены и как взаимодействующие — описывающие различные этапы развития объединения. В таком случае процесс формирования евро-атлантической идентичности можно представить как преемственный, что в свою очередь позволяет последовательно проследить, какую роль фактор КНР играл в конструировании коллективных самопредставлений НАТО на том или ином этапе.

Военно-политический альянс в эпоху холодной войны. Североатлантический альянс создавался с четко определенной целью сохранения присутствия США в Европе и сдерживания Советского Союза. Представления НАТО о своей роли в мире в биполярный период были географически компактными: оборонная структура блока носила позиционный характер, и попыток вмешаться в события вне Европы не предпринималось. Общность стран-участниц подкреплялась также приверженностью демократическим ценностям, указанным в ст. 2 Североатлантического договора¹⁴, капиталистической, а не социалистической модели развития [Karber, Combs, 1998].

Поскольку коллективная идентичность выстраивалась вокруг военно-политической составляющей и вплоть до распада СССР успешно воспроизводилась за счет «угрозы с Востока», ее чисто политические компоненты были вторичными: они не препятствовали ни расширению альянса за счет авторитарных, но необходимых для сдерживания СССР Греции и Турции в 1952 г., ни сближению с отнюдь не демократическим, но перешедшим на антисоветские позиции Китаем. Более того, в 1970-е годы американо-китайское сотрудничество позволило использовать взаимодействие с КНР как элемент укрепления евро-атлантической сплоченности на основе сдерживания СССР. Пекин получил доступ к программам подготовки альянса [Shambaugh, 1992], подписал контракты на закупку вооружений в Италии (комплексы противовоздушной обороны), ФРГ (противотанковые вооружения), Франции (радиолокационные станции), Великобритании (моторы и комплектующие для истребителей) [Casarini, 2006]. Европейские страны призывали способствовать индустриализации Китая как потенциального союзника¹⁵, и на

¹⁴ The North Atlantic Treaty, 4 April, 1949 // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 11.02.2024).

¹⁵ Middleton D. China looking to Western Europe for arms supplies // The New York Times. 14.04.1978. Available at: <https://www.nytimes.com/1978/04/14/archives/>

какой-то период его даже стали называть де-факто «16-м членом» евро-атлантического сообщества [Yi, Yang, 2023].

Соответственно для НАТО в этот период роль значимого «чужого» играл только СССР, а не КНР. Показательно, что попытки США сконструировать образ «китайской угрозы» в глазах союзников в 1960-е годы, после создания КНР атомной бомбы и начала американского вмешательства в войну во Вьетнаме, не привели к успеху [Michaels, 2022]. Нормализация отношений Вашингтона и Пекина во второй половине 1960-х — 1970-е годы, напротив, способствовала развитию плодотворного сотрудничества, несмотря на политические и идеологические различия. Это позволяет предположить, что логика поведения НАТО в отношении Китая в тот момент зависела не от того, представляет ли КНР угрозу военному потенциалу альянса, его системе ценностей или модели экономического развития его участников, но от того, оказывает ли политика Пекина влияние на сплоченность союзников как таковую.

Сообщество безопасности в постбиполярный период. Завершение холодной войны спровоцировало кризис идентичности НАТО, поскольку лежавшая в ее основе «советская угроза» исчезла. В 1990-е годы изучались возможности масштабирования самопредставлений альянса как военно-политического союза за счет конструирования образа нового «чужого» в Азии. Однако тогда эти идеи не получили развития ввиду географической удаленности региона от традиционной «зоны ответственности» НАТО, сложности в перестраивании военной машины под новые задачи, особенно на фоне расширения, и без того представлявшего вызов с точки зрения оперативной совместимости военных комплексов, а также по причине отсутствия явных идеологических предпосылок для запуска механизмов секьюритизации [Hemmer, Katzenstein, 2002].

В отсутствие значимых традиционных вызовов, инаковость которых могла бы подчеркнуть «правильность» модели функционирования НАТО, Брюссель начал активно искать для себя новые роли в международных процессах за счет акцентирования политического измерения объединения [Kitchen, 2009]. Объяснение такой эволюции и обоснование формирования новой идентичности были найдены

china-looking-to-western-europe-for-arms-supplies-military-analysis.html (accessed: 11.02.2024).

в рамках концепции «сообществ безопасности»¹⁶, под которыми понимались объединения суверенных государств, разделяющих взаимные ожидания мирных перемен [Security communities, 1998], т.е. интерпретирующих друг друга как «своих». При этом если стартовым условием для создания такого сообщества является, по мнению исследователей, наличие общего списка угроз [Security communities, 1998], то в дальнейшем эволюция коллективной идентичности идет уже за счет адаптации к изменениям среды [Pouliot, 2006], когда по мере накопления материальных ресурсов и институционализации общих практик управления зрелое сообщество безопасности может существовать и в отсутствие непосредственной опасности [Waever, 1998, Williams, Neumann, 2000].

Развитие идентичности НАТО в направлении сообщества безопасности нашло отражение в Стратегических концепциях 1991¹⁷ и 1999¹⁸ гг., в которых разрабатывались новые социальные роли для альянса, не связанные с обороной и сдерживанием: содействие демократическому транзиту новых членов союза, поддержание мира в Европе и урегулирование возникающих кризисов, прежде всего на Балканах, сохранение культурной общности государств-членов [Ham, 2001]. По мнению некоторых исследователей, в результате такого расширения компетенций к началу XXI в. альянс превратился в своего рода мировое общество, которое могло быть транслировано на глобальный уровень [Buzan, Schouenborg, 2018]. Столь же оптимистичными были и самопредставления Брюсселя: «Роль альянса была центральной в разработке новых моделей сотрудничества и развития взаимопонимания в Евро-Атлантическом регионе; НАТО взяла на себя обязательства по выполнению принципиально новых видов деятельности в интересах более широкого

¹⁶ Предпосылкой ее разработки послужил ранний труд К. Дойча о «территориях безопасности», посвященный позитивному влиянию общих ценностей на сотрудничество в области безопасности и написанный на основе опыта НАТО [Deutsch et al., 1957]. Во многом концепция описывала именно Североатлантический альянс как *sui generis* сообщество безопасности.

¹⁷ The Alliance's New Strategic Concept (1991) // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

¹⁸ The Alliance's Strategic Concept (1999) // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm (accessed: 11.02.2024).

понимания стабильности в мире», — говорилось в Стратегической концепции 1999 г.¹⁹

Китай в 1990-е годы уже не играл для НАТО роль союзника против СССР/России и не принимал ни прямого, ни косвенного участия в обновлении идентичности блока, поскольку новые виды совместных действий в сообществе безопасности не предполагали вовлечения КНР. Расширение Североатлантического альянса в этот период ни с функциональной, ни с географической точек зрения не выходило за рамки традиционной «зоны ответственности», которая оставалась ограничена Евро-Атлантическим регионом. Соответственно ни проведение операций по кризисному урегулированию на Балканах, ни информационное сопровождение процесса расширения не предполагали какого-то специального акцентирования позиции Китая.

Сам Пекин также не демонстрировал интереса к интенсификации отношений. Более того, негативное влияние на двустороннее взаимодействие, фактически сведшее его на нет, оказали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., а затем кампания НАТО на Балканах, когда в ходе бомбардировки Белграда в 1999 г. пострадало посольство Китая. Реакция Пекина была оправданно жесткой: специальный представитель КНР в ООН назвал произошедшее «варварской атакой НАТО»²⁰.

Тем не менее это не привело к ответным изменениям в риторике альянса о Китае: взаимодействие со странами вне Евро-Атлантического региона, кроме Японии, сохраняло низкую степень приоритетности для Брюсселя вплоть до середины 2000-х годов²¹. Конфликт с КНР не играл принципиальной роли для самопозиционирования НАТО и поэтому не акцентировался.

Глобальный альянс в начале 2010-х годов. Значимую роль китайский фактор приобрел уже в процессе формирования глобальной идентичности НАТО, когда на фоне кампаний альянса в Афганистане и Ираке в 2001 и 2003 гг. начал расти интерес блока

¹⁹ Ibidem.

²⁰ China, at Security Council meeting, registers strongest possible protest over attack against its embassy in Belgrade // United Nations. 08.05.1999. Available at: <https://press.un.org/en/1999/19990508.sc6674.r1.html> (accessed: 31.03.2024).

²¹ Lin C. NATO-China cooperation: Opportunities and challenges // ETH Zürich Center for Security Studies. 19.04.2012. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/141148/189_Lin.pdf (accessed: 31.03.2024).

к Ближнему Востоку и Азии. Он был обусловлен как объективной потребностью в координации действий с региональными государствами при проведении операций, так и основанным на успешной реализации совместных действий за пределами Евро-Атлантического региона стремлением к дальнейшему расширению сферы ответственности. Стратегическая концепция 2010 г.²² зафиксировала пик амбиций НАТО в отношении своей роли в международных отношениях. Для того чтобы реализовать их и обеспечить сохранение влияния Североатлантического альянса на международные процессы, нужно было обновить идентичность и закрепить ее расширенную, глобальную интерпретацию, которая бы убедительно обосновывала для всех стран блока необходимость использования национальных ресурсов в интересах безопасности в отдаленных регионах мира.

Для стимулирования качественного переосмысления коллективных самопредставлений был существенно пересмотрен в сторону расширения список актуальных угроз странам альянса: к ним были отнесены вызовы транснационального характера, в том числе международный терроризм, организованная преступность, распространение оружия массового уничтожения, а также традиционные государственные контрагенты, в число которых попали государства-изгои²³. Уверенность руководству НАТО в возможности и необходимости превращения блока в глобального провайдера безопасности придавали успешный опыт преодоления разногласий между странами-членами в ходе операций на Ближнем Востоке и перспектива включения в альянс Украины и Грузии [Heisbourg, 2020]. Проверкой готовности НАТО воспринимать себя в качестве гаранта глобальной безопасности могла стать операция в Ливии в 2010–2011 гг., однако неудачи, связанные с ее проведением, напротив, вскрыли неспособность большинства стран альянса брать на себя глобальную ответственность. Эти тенденции проявились и после начала гражданской войны в Сирии в 2012 г., в том числе в контексте спровоцированного данными событиями миграционного кризиса в Европе.

²² Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization, 2010 // North Atlantic Treaty Organization. 03.02.2012. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (accessed: 11.02.2024).

²³ Ibidem.

Так или иначе, стремление НАТО взять на себя решение задач по поддержанию глобальной безопасности с неизбежностью ставило вопрос о переосмыслении отношений альянса с КНР. Рост активности как Брюсселя, так и Пекина в этот период привел к пересечению их интересов в ряде регионов: в Афганистане, Центральной Азии, Аденском заливе и Средиземном море, что предполагало как минимум необходимость координации текущих операций, а как максимум — развитие общих практик. В качестве отдельного направления потенциального взаимодействия выделялись борьба с последствиями природных катастроф и оказание гуманитарной помощи развивающимся государствам²⁴, что отвечало «антикризисному» измерению глобальной натовской идентичности. В итоге к началу 2010-х годов в дискурсе объединения участились упоминания КНР как потенциального партнера, взаимодействие с которым улучшает позиции альянса в Азии²⁵. Исследователи в этот период считали, что углубление сотрудничества могло бы содействовать превращению НАТО в глобальный хаб безопасности и сохранению политического веса блока в международных делах²⁶.

Практическим подтверждением возросшего интереса Брюсселя к Пекину стала институционализация их взаимодействия, начавшаяся с обмена визитами официальных лиц в конце 2009 — начале 2010 г. По итогам последнего такого визита занимавший тогда пост генерального секретаря альянса А. Расмуссен заявил, что КНР не является угрозой, более того, у НАТО и Китая много общих интересов и им необходимо дальше укреплять сотрудничество²⁷. КНР воспринималась как динамично развивающаяся держава, способная внести вклад в глобальную безопасность в качестве члена

²⁴ Lin C. Op. cit.; Thiele R.D. Enabling cooperation via common situational awareness, pragmatic considerations on NATO-China cooperation // Institut für Strategie- Politik-Sicherheits- und Wirtschaftsberatung (ISPSW). March 2013. No. 220. P. 1–9. Available at: https://www.academia.edu/5920417/Enabling_Cooperation_via_Common_Situational_Awareness_Pragmatic_Considerations_on_NATO_China_Cooperation (accessed: 31.03.2024).

²⁵ Secretary General's Annual Report, 2013 // North Atlantic Treaty Organization. 28.01.2015. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_106247.htm (accessed: 31.03.2024).

²⁶ Thiele R.D. Op. cit.

²⁷ NATO has no intention to intervene militarily in Syria // Afghan Voice Agency. 30.06.2012. Available at: <https://www.avapress.com/en/interview/44220/interview-nato-has-no-intention-to-intervene-militarily-in-syria> (accessed: 11.02.2024).

Совбеза ООН и активного участника миротворческих миссий²⁸, а также как сторона, заинтересованная в разрешении конфликта в Афганистане²⁹. В развитие этой логики в 2012 г. политическое измерение сотрудничества было дополнено военным. Кроме того, была достигнута договоренность о проведении ежегодных переговоров на уровне профильных ведомств³⁰ с перспективой запуска программ совместной подготовки кадров. Выдвигались планы по налаживанию регулярного обмена мнениями в рамках форума по модели Совета Россия — НАТО³¹.

Два направления взаимодействия Брюсселя и Пекина рассматривались как особенно перспективные [Heisbourg 2020]. Прежде всего, это уже упомянутое урегулирование ситуации в Афганистане — участие военных и гражданских ведомств КНР в деятельности Сети миссий НАТО в Афганистане (Afghan Mission Network) и разработке общей операционной карты (Common Operational Picture)³². Второе направление — это борьба с сомалийскими пиратами в Аденском заливе и пиратством в целом. С 2008 г. военно-морские силы КНР осуществляли патрулирование в этом пространстве, что позволяло рассмотреть возможность проведения совместных операций и учений в регионе³³. В 2011 г. ВМС Китая вместе с ВМС НАТО осуществили антипиратскую миссию «Океанский щит» (Ocean Shield)³⁴.

²⁸ NATO Secretary General sets out strategic vision for a globally connected Alliance // North Atlantic Treaty Organization. 04.07.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_88920.htm?selectedLocale=en (accessed: 31.03.2024).

²⁹ Joint press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, President Ashraf Ghani of the Islamic Republic of Afghanistan and US Secretary of Defense James Mattis — Secretary General's opening remarks // North Atlantic Treaty Organization. 28.09.2017. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_147254.htm?selectedLocale=en (accessed: 31.03.2024).

³⁰ NATO Military Delegation discusses cooperation with Chinese Authorities in Beijing // North Atlantic Treaty Organization. 17.02.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_84305.htm (accessed: 11.02.2024).

³¹ NATO — delivering security in the 21st century. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen, Chatham House, London // North Atlantic Treaty Organization. 08.04.2013. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_88886.htm (accessed: 31.03.2024).

³² Thiele R.D. Op. cit.

³³ Ibidem.

³⁴ NATO and China cooperate to fight piracy // North Atlantic Treaty Organization. 20.01.2012. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_83585.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

Вместе с тем конструктивное взаимодействие развивалось исключительно в зонах, удаленных от непосредственных границ альянса и относящихся к глобальному элементу его идентичности. Иные формы сближения вызывали тревогу у Брюсселя. Например, китайско-турецкие учения ВВС в 2010 г. были восприняты как неоднозначный шаг из-за возможной утечки в КНР тактических и разведывательных наработок НАТО³⁵. Аналогичную реакцию вызвали совместные китайско-польские учения военного медицинского персонала и других кадров, в том числе для миротворческих миссий. В 2009 г. началась дискуссия и о потенциальном соперничестве с КНР в области кибербезопасности³⁶. Однако эти обсуждения происходили еще в достаточно сдержанной тональности. «Безопасность должна быть результатом общих усилий <...> альянс должен быть осведомлен о глобальных процессах, иметь связи со всем миром и способность влиять на глобальные процессы, — говорил А. Расмуссен, — и для этого нужно более тесное сотрудничество с Россией, Китаем и ЕС»³⁷. Соответственно в этот период действия уже начавшего «расти» Китая не секьюритизировались, но в повестке дня альянса сформировалась устойчивая корреляция между глобальной идентичностью НАТО и «китайским фактором».

Актуальные самопредставления НАТО и место Китая в повестке дня альянса

Глобальный или региональный альянс? Во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов Североатлантический альянс столкнулся с дилеммой. С одной стороны, добиться интернализации союзниками глобальной идентичности образца 2010 г., как было отмечено выше, не удавалось в полной мере. Начало конфликта между Россией и Западом вокруг Украины в 2014 г. усилило сомнения ряда стран НАТО из Центральной и Восточной Европы в необходимости поддержания фокуса объединения на глобальных, а не региональных задачах. Приход к власти в США администрации Д. Трампа, скептически настроенного в отношении альянса и вклада

³⁵ Wolf J. China mounts air exercise with Turkey, U.S. says // Reuters. 09.10.2010. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-turkey-usa-idUSTRE6975HC20101008/> (accessed: 11.02.2024).

³⁶ NATO Review — China and the West: Keyboard conflicts? // YouTube. 12.05.2010. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=v054q52jmDI> (accessed: 08.02.2024).

³⁷ NATO Secretary General sets out strategic vision for a globally connected alliance...

европейских союзников в его жизнеспособность, придал новый импульс развитию идей европеизма и способствовал укреплению оборонных возможностей в рамках ЕС, направленных на обеспечение безопасности в своем регионе и по его границам. В этих условиях требовались дополнительные усилия со стороны руководства НАТО как для поддержания центростремительных тенденций в принципе, так и для убеждения союзников в необходимости масштабирования совместной деятельности и несения ответственности за глобальную безопасность [см. подробнее на эту тему: Мельникова, 2021]. С другой стороны, на фоне усиления великодержавной конкуренции транснациональные вызовы потеряли свою остроту, а значение традиционного измерения безопасности возросло.

Для осмысления своего положения в изменившихся международно-политических условиях был запущен процесс #NATO2030 по разработке новой стратегической концепции альянса с привлечением дипломатических, общественных и экспертно-аналитических кругов. В его рамках секьюритизация Китая началась именно в развитие логики укрепления идентичности, но построенной уже не на взаимодействии с партнерами по всему миру в преодолении транснациональных вызовов, а на возможности противостоять любым игрокам в глобальном масштабе. Вехами этого процесса стали программное выступление генерального секретаря блока Й. Столтенберга летом 2020 г.³⁸, а также публикация доклада экспертной группы «#NATO2030: вместе в новую эру» в конце 2020 г.³⁹ В обоих текстах было представлено концептуальное обоснование необходимости для НАТО перейти к глобальному восприятию безопасности, повысить внимание к событиям в мире, налаживать сотрудничество только с «ценностно близкими» государствами Азии, чтобы «сохранить возможность устанавливать нормы и стандарты в глобальном масштабе»⁴⁰ и не допустить осыпания порядка, осно-

³⁸ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg on launching #NATO2030 — Strengthening the alliance in an increasingly competitive world // North Atlantic Treaty Organization. 08.06.2020. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_176197.htm (accessed: 31.03.2024).

³⁹ NATO 2030: United for a New Era // North Atlantic Treaty Organization. 25.11.2020. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 12.02.2024).

⁴⁰ Ibidem.

ванного на правилах, не потерять свои конкурентные преимущества перед растущими державами, прежде всего Китаем.

Однако переход конфликта между Россией и Западом в новую фазу в 2022 г. изменил внешние условия функционирования НАТО. Обрушение архитектуры безопасности в Европе сняло остроту необходимости адаптации идентичности к формированию многополярного миропорядка. Повысить сплоченность государств-членов в короткие сроки удалось за счет восстановления привычной формы идентичности — направленного на сдерживание Москвы регионального военно-политического альянса. Планы по глобальной экспансии соответственно утратили первостепенное значение, а поиск «значимого другого» на азиатском направлении потерял свою актуальность. В связи со столь резким изменением международно-политических условий дискурс НАТО о себе сегодня сохраняет внутреннюю противоречивость: в нем по инерции остаются элементы курса 1991–2010 гг. на расширение функциональной, географической и смысловой сфер ответственности, но в качестве основы самопозиционирования выступает противодействие Москве как привычной конвенциональной угрозе.

Яркой иллюстрацией смещения фокуса является Стратегическая концепция 2022 г.⁴¹: большую часть документа занимает описание военных средств поддержания безопасности и «свободы» стран НАТО — различных форм наращивания обороноспособности альянса. Акцент сделан именно на защите объединения, а не на экспорте своей модели безопасности. Если в документах 1999 и 2010 гг. перед блоком ставились три задачи: предотвращение кризисов, кооперативная безопасность и коллективная оборона, то к 2022 г. последняя превратилась в «оборону и сдерживание», выйдя на первый план⁴². Среди основных целей в новейшей концепции указаны прежде всего разработка способов реагирования на угрозы и приведение политики, возможностей и структуры управления альянсом в соответствие с ними.

Если рассматривать угрозы и вызовы как образ «чужого», то они стали более конкретными: распространение оружия массового

⁴¹ NATO 2022 Strategic Concept...

⁴² На втором и третьем местах расположились соответственно предотвращение кризисов и кризисное регулирование; безопасность на основе сотрудничества в сложившемся мировом порядке.

уничтожения, терроризм и киберпреступность были перенесены в конец документа, а стратегическая конкуренция держав, усиление авторитаризма и постоянная нестабильность — в начало. Показательно, что в период разработки концепции главным обоснованием необходимости повышения глобальной роли НАТО выступали усложнение внешней среды и рост неопределенности, но в итоговом документе они заняли последнее место среди причин снижения безопасности альянса, уступив действиям России и Китая⁴³. Соответственно можно отметить менее проактивный характер НАТО после 2022 г. и большую функциональную ограниченность идентичности блока. Более того, в 2023 г. в выступлениях генерального секретаря альянса всё чаще стала звучать мысль о региональном масштабе объединения⁴⁴. С точки зрения противопоставления «свой — чужой» роль последнего выполняет прежде всего Россия, а затем Китай как растущие центры силы, бросающие вызов «порядку, основанному на правилах».

Место Китая в актуальном нарративе НАТО. Несмотря на то что переоценка международно-политических условий и своей роли в них началась в НАТО еще в середине 2010-х годов, для закрепления китайского фактора в официальном дискурсе объединения потребовалось время, что можно объяснить как раз не вполне очевидной объективностью угрозы со стороны Пекина для безопасности стран альянса. Впервые КНР появилась в коммюнике саммита Североатлантического совета в 2019 г. в следующей формулировке: «...рост Китая в международных процессах представляет собой *вызов и возможность* для альянса и требует коллективной реакции»⁴⁵. После этого начался процесс соотнесения этих категорий между собой для выработки обоснования необходимости перехода к дистанцированию от КНР.

⁴³ Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 08.02.2024).

⁴⁴ NATO Deputy Secretary General at Leangkollen Security Conference: We must invest in defence, reduce vulnerabilities // North Atlantic Treaty Organization. 06.02.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_211448.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.08.2024); Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Heritage Foundation followed by audience Q&A // North Atlantic Treaty Organization. 31.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_222258.htm?selectedLocale=en (accessed: 11.02.2024).

⁴⁵ London Declaration. Issued by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London...

До 2022 г. политизация китайского фактора производилась за счет апелляции к роли КНР в развитии нетрадиционных угроз безопасности. Так, в докладе экспертной группы #NATO2030 указано, что «напористость» (*assertiveness*) Китая, его практики «принуждения» (*coercion*) вступают в противоречие с евро-атлантическим видением глобального управления, а в таких сферах, как киберпространство, критическая инфраструктура, космос, телекоммуникации и т.д., стороны становятся соперниками⁴⁶. Такая риторика была направлена на преодоление расхождений позиций США и стран ЕС по отношению к Китаю и на уточнение идентичности альянса в целом, наращивание общей «стрессоустойчивости»⁴⁷. Она могла бы способствовать обоснованию дальнейшего расширения зоны ответственности НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, если бы удалось объединить союзников на антикитайской основе. В Стратегической концепции 2022 г. китайский фактор был интерпретирован в логике традиционных угроз безопасности блока: в тексте указано, что расширение глобального присутствия Китая и непрозрачность его намерений, стремление к подрыву существующего миропорядка, в том числе в киберпространстве, в космосе и на море, наносят ущерб непосредственной безопасности альянса⁴⁸.

С тех пор Китай постоянно присутствует в выступлениях представителей НАТО как значимый «чужой». Эта установка закрепляется за счет повторяемой триады из концепции, что «КНР является вызовом ценностям, интересам и безопасности [альянса]»⁴⁹. Аналогичны по смыслу и цели и высказывания о том, что Китай «не разделяет ценности и образ жизни [альянса]»⁵⁰, выступает «альтернативной моделью организации обществ»⁵¹, «бросает вызов самой природе

⁴⁶ NATO 2030: United for a New Era...

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ NATO 2022 Strategic Concept...

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Interview with NATO Secretary General Jens Stoltenberg by Deutsche Welle journalist Sarah Kelly at the Koerber Stiftung's annual Berlin Foreign Policy Forum // North Atlantic Treaty Organization. 19.10.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_208041.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁵¹ Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Milken Institute Global Conference during the panel 'From European Dream to Reality' // North Atlantic Treaty Organization. 04.05.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_214261.htm (accessed: 08.02.2024).

обществ [альянса]»⁵², а с недавних пор — и экономике блока⁵³. Как правило, эти заявления сопровождаются уточнением, что Китай «не является врагом» НАТО⁵⁴, но не во всех случаях. На основе анализа более 80 выступлений генерального секретаря альянса Й. Столтенберга и его заместителя М. Джоанэ в 2022 — начале 2024 г. можно выделить несколько ключевых нарративов секьюритизации китайского фактора в евро-атлантической повестке.

Основной нарратив, направленный на закрепление за КНР статуса государства, представляющего для НАТО общую угрозу, с 2022 г. связан с российско-китайским сотрудничеством⁵⁵. Это вполне объяснимо, поскольку позволяет использовать сложившийся в объединении антироссийский консенсус и масштабировать его на взаимодействие с контрагентом в Азии, тем самым продемонстрировав взаимосвязь между региональной и глобальной безопасностью⁵⁶. «Россия — наиболее насущный, но Китай — наиболее серьезный вызов в долгосрочной перспективе», — утверждают представители НАТО⁵⁷.

Российский и китайский факторы воспринимались в связке еще в докладе экспертной группы 2020 г., где предлагалось создать отдел

⁵² Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at NATO's first annual Data and AI Leaders' Conference // North Atlantic Treaty Organization. 08.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_208823.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵³ Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the Meeting of NATO ministers of foreign affairs, Bucharest, Romania // North Atlantic Treaty Organization. 29.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209377.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁴ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Chancellor of the Federal Republic of Germany, Olaf Scholz // North Atlantic Treaty Organization. 01.12.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209890.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁵ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg after the meeting of the North Atlantic Council on Poland // North Atlantic Treaty Organization. 16.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209063.htm (accessed: 08.02.2024); The Secretary General's annual report, 2023 // North Atlantic Treaty Organization. 14.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_223291.htm?selectedLocale=en (accessed: 01.04.2024).

⁵⁶ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of the Czech Republic, Petr Pavel // North Atlantic Treaty Organization. 19.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_214014.htm (accessed: 08.02.2024).

⁵⁷ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Heritage Foundation followed by audience Q&A...

анализа взаимодействия Москвы и Пекина в рамках Совместного подразделения НАТО по разведке и наращиванию стрессоустойчивости, однако специальная военная операция России на Украине открыла для руководства альянса возможность использовать российско-китайское сотрудничество в качестве аргумента для дальнейшей секьюритизации КНР⁵⁸. Апелляция к потенциальному формированию союза Пекина и Москвы выступает также в качестве одного из обоснований необходимости углубления взаимодействия с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является рефреном встреч руководства альянса с представителями Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии⁵⁹. Наконец, сопоставление РФ и КНР в дискурсе НАТО позволяет также секьюритизировать экономическое взаимодействие государств альянса с Пекином в попытке повлиять на страны ЕС: в качестве примера приводится критическая зависимость европейских стран от российских энергоносителей, которая в случае конфликта привела бы к шоковым последствиям для их экономики. Представители альянса отмечают, что КНР производит 70% батарей для электромобилей и 80% солнечных панелей в мире⁶⁰, а это создает столь же опасную зависимость уже в сфере возобновляемых источников энергии и требует превентивных мер по снижению закупок в Китае редкоземельных металлов⁶¹, сокращению

⁵⁸ The Secretary General's Annual Report, 2022 // North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/sgar22-en.pdf (accessed: 08.02.2024); Opening remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the meeting of the North Atlantic Council in foreign ministers session with Sweden // North Atlantic Treaty Organization. 05.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213472.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁵⁹ Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea // North Atlantic Treaty Organization. 05.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213474.htm (accessed: 08.02.2024); NATO Deputy Secretary General stresses closer cooperation with Indo-Pacific partners // North Atlantic Treaty Organization. 21.04.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214056.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁶⁰ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway // North Atlantic Treaty Organization. 31.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219722.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶¹ NATO Deputy Secretary General at Leangkollen Security Conference...: Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at an event organized by the Institute of International and European Affairs // North Atlantic Treaty Organization. 06.03.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_212478.htm (accessed: 08.02.2024).

доступа КНР к критической инфраструктуре ЕС⁶², диверсификации экономических партнеров⁶³.

Второй нарратив, связанный с секьюритизацией уже непосредственно китайских действий, как представляется, направлен на формирование образа «чужого» в лице КНР. В его рамках дискурс безопасности конструируется за счет продвижения идеи «приближения Китая к границам НАТО»⁶⁴, которое еще недавно воспринимали как возможность для сотрудничества. В качестве примеров выступают реализация китайской инициативы «Один пояс, один путь» на Западных Балканах и в Африке, вовлеченность Китая в миротворческие процессы на Ближнем Востоке, его интерес к освоению Арктики⁶⁵ и миссии по патрулированию морских пространств⁶⁶. Расширение географического охвата внешних действий Пекина представители НАТО связывают с ростом военного потенциала КНР, в том числе ядерного, стремлением установить опосредованный контроль над новыми территориями, использовать практику «принуждения» в отношении третьих стран в интересах укрепления глобального влияния⁶⁷. Примечательно, что более очевидный, на первый взгляд, с точки зрения критики применения Китаем военной силы регион Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей реже упоминается в выступлениях руководителей НАТО, чем более близкие к границам альянса пространства. Можно предположить, что на этапе, когда глобальная идентичность блока окончательно не сформирована, акцентирование физического приближения по-

⁶² Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the Meeting of NATO ministers of foreign affairs, Bucharest, Romania...

⁶³ Opening speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Aspen — GMF Bucharest Forum // North Atlantic Treaty Organization. 29.11.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209375.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁴ Remarks — Securing an insecure world. Panel discussion with NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the World Economic Forum in Davos, Switzerland // North Atlantic Treaty Organization. 16.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_221713.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁵ 'Arctic remains essential to NATO's Deterrence and Defence Posture', says Chair of the NATO Military Committee // North Atlantic Treaty Organization. 22.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_219529.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁶ Opening speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Aspen — GMF Bucharest Forum...

⁶⁷ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway...

тенциального «чужого» к собственным рубежам более эффективно создает иллюзию опасности, по мнению лидеров НАТО, чем апелляция к необходимости контролировать удаленные регионы мира.

Третий нарратив в рамках антикитайского дискурса НАТО связан с продвижением идеи об уже существующем соперничестве КНР и стран Запада в общих пространствах и об исходящих от Китая новых вызовах безопасности. Прежде всего, внимание альянса по-прежнему сосредоточено на растущей активности Пекина в киберпространстве. Представители НАТО подчеркивают, что возможности КНР в сферах искусственного интеллекта и других прорывных технологий⁶⁸ представляют собой угрозу не только как конкурентное преимущество Китая, но и как первая в истории попытка оспорить технологическое превосходство Запада, внедрить альтернативные принципы информационной политики⁶⁹, а значит, противодействие КНР необходимо не ради ситуативных интересов, но ради «мира, в котором будут жить наши дети и внуки»⁷⁰. Соответственно конкуренция приобретает аксиологический характер.

На основе анализа документов альянса и выступлений его представителей за 2022–2024 гг. можно сделать вывод, что хотя антикитайские нарративы стали неотъемлемой частью официального дискурса НАТО, их убедительность ограничена. Это подтверждается тем, что за рассмотренный период эти нарративы практически не эволюционировали: в попытках обосновать необходимость ужесточения позиции блока по отношению к КНР политики воспроизводят одни и те же смысловые конструкции, связанные с ценностями и альтернативной моделью организации обществ, а также с приближением Китая к границам альянса. Повторение идентичных формулировок, вероятно, призвано работать на закрепление дискурса, но на практике приводит к его рутинизации и выхолащива-

⁶⁸ Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs // North Atlantic Treaty Organization. 27.11.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_220650.htm (accessed: 08.02.2024).

⁶⁹ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the first annual NATO Cyber Defence Conference // North Atlantic Treaty Organization. 10.11.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219806.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷⁰ Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at NATO's first annual Data and AI Leaders' Conference...

нию. Логично, что в отсутствие подтверждений наличия реальной угрозы в действиях КНР внимание НАТО направлено на отработку вспомогательного аргумента о развитии российско-китайского сотрудничества как фактора, снижающего безопасность объединения.

Под влиянием описанных нарративов стратегический диалог КНР и НАТО, хотя и не прекратился, ожидаемо не получил и дополнительного импульса. В феврале 2023 г. впервые после начала пандемии COVID-19 состоялся седьмой раунд переговоров военных ведомств: на повестке дня были ситуация вокруг Украины, вопросы морской безопасности, новая Стратегическая концепция НАТО и военная модернизация в КНР⁷¹. В 2024 г. переговоры состоялись в восьмой раз, но ни их повестка, ни формулировки итогового пресс-релиза не изменились⁷². Никаких свидетельств укрепления взаимопонимания сторон в открытых источниках не прослеживается. Контакты по дипломатической линии⁷³ также ограничиваются российской проблематикой и ситуацией вокруг Тайваня⁷⁴. В сущности, взаимодействие является скорее эпизодическим и носит протокольный характер.

Целевая аудитория актуального дискурса и идентичность альянса. Идею о необходимости разработки антикитайских нарративов для обновления евро-атлантической идентичности подтверждает и тот факт, что их целевой аудиторией в развитие положений #NATO2030 об укреплении евро-атлантической солидарности⁷⁵ выступают в первую очередь европейские страны блока. На встречах с лидерами государств ЕС, представителями Европейской комиссии⁷⁶ или в выступлениях

⁷¹ NATO hosts 7th military staff talks with China // North Atlantic Treaty Organization. 27.02.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_212296.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷² 8th NATO military staff talks with China // North Atlantic Treaty Organization. 13.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_223651.htm?selectedLocale=en (accessed: 01.04.2024).

⁷³ NATO Secretary General meets Chinese Foreign Minister in New York NATO-China bilateral meeting // North Atlantic Treaty Organization. 23.09.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207607.htm (accessed: 08.02.2024).

⁷⁴ NATO Deputy Secretary General meets new Chinese ambassador // North Atlantic Treaty Organization. 11.01.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210521.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁷⁵ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg on launching #NATO2030...

⁷⁶ European Internal Market Commissioner Thierry Breton visits NATO // North Atlantic Treaty Organization. 16.12.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210111.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

генерального секретаря НАТО и его заместителя перед европейскими партнерами китайская тема поднимается практически всегда, и акцент делается именно на сохранении «стратегической солидарности» перед лицом «принудительных практик» Китая⁷⁷.

Показательно, однако, что при взаимодействии со странами альянса, в наибольшей степени заинтересованными в сотрудничестве с КНР, прежде всего с Германией⁷⁸, позиция НАТО становится более гибкой. Политики начинают активно использовать экономическую проблематику, озвучивают возможность поддержания ограниченного сотрудничества или, например, диалога по защите окружающей среды⁷⁹. Это отличает такие встречи от переговоров с американскими партнерами, где дискурс становится более жестким и центрируется вокруг военных потенциалов⁸⁰. Результаты этих усилий неоднозначны. С одной стороны, в Совместной декларации о сотрудничестве ЕС и НАТО 2023 г. было закреплено, что «растущая напористость» Китая бросает вызов всему западному сообществу, в то время как НАТО остается его опорой в области обороны от всего спектра угроз⁸¹. С другой стороны, на уровне общественного мнения конструирование угрозы идет с переменным успехом: только 54% респондентов по состоянию

⁷⁷ NATO Deputy Secretary General underlines importance of 'strategic solidarity' between Europe and North America // North Atlantic Treaty Organization. 11.10.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208097.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁷⁸ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Chancellor of the Federal Republic of Germany, Olaf Scholz...

⁷⁹ Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs...; Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 75th Nordic Council in Oslo, Norway...; Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Day of Industry, organised by the Federation of German Industries // North Atlantic Treaty Organization. 19.06.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_216080.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸⁰ Short remarks with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the US Secretary of State, Antony J. Blinken at the start of the NATO Foreign Ministers' meetings // North Atlantic Treaty Organization. 23.03.2021. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182571.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸¹ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization // North Atlantic Treaty Organization. 09.01.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm (accessed: 08.02.2024).

на 2023 г. относятся к Китаю негативно⁸². На правительственном уровне позиция европейских стран также остается амбивалентной: после того как конфликт вокруг Украины вошел в позиционную фазу и острота восприятия Москвы и Пекина как единого общего вызова снизилась, в дискурс НАТО вернулось положение, что торговля и взаимодействие с КНР будут продолжены⁸³ в соответствии с европейским подходом по «снижению рисков».

Вторая по частоте апелляции и важности референтная группа для НАТО — это союзники и партнеры в Азии⁸⁴. Основная тема встреч руководства альянса с представителями Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии — равнозначная актуальность для блока проблем безопасности в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах, а также потенциальная роль КНР в ее дестабилизации⁸⁵. Вместе с тем коммуникация с азиатскими партнерами — это скорее задел на средне- и долгосрочную перспективу развития альянса. Сегодня представители НАТО подчеркивают, что сфера ответственности объединения ограничивается региональным масштабом, а расширение за счет новых членов из Азии или иная форма институционализации сотрудничества не рассматривается. Партнерство с ними развивается на основе индивидуально разработанных программ⁸⁶. Такая позиция позволяет НАТО учитывать неготовность членов альянса, интересы которых в области безопасности имеют сугубо локальный масштаб, например балканских государств или стран Центральной и Восточной Европы, к включению

⁸² Pre-Summit polling results show strong support for NATO and for continued assistance to Ukraine // North Atlantic Treaty Organization. 07.07.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_216717.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.02.2024).

⁸³ The Secretary General's annual report, 2023...

⁸⁴ Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the 69th annual session of the NATO Parliamentary Assembly // North Atlantic Treaty Organization. 09.10.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_219093.htm (accessed: 08.02.2024).

⁸⁵ Joint Press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the US Secretary of State, Antony J. Blinken // North Atlantic Treaty Organization. 30.01.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_222201.htm (accessed: 08.02.2024); Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of the Czech Republic, Petr Pavel...; NATO Deputy Secretary General stresses closer cooperation with Indo-Pacific partners...

⁸⁶ Pre-Summit polling results show strong support for NATO and for continued assistance to Ukraine...

в обеспечение безопасности в Азии, но одновременно создает фундамент для возвращения к идее глобализации сферы ответственности блока в будущем, если международно-политические условия будут благоприятными.

Таким образом, в текущем виде дискурс о КНР и его применение в отношении различных реципиентов не свидетельствуют о переходе идентичности НАТО в глобальное качество и готовности Североатлантического альянса к радикальной трансформации самопредставлений и изменению общих практик в направлении наращивания активности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Напротив, этот дискурс показывает, что именно акцентирование регионального характера организации является главным, если не единственным фактором, стимулирующим центростремительные тенденции.

* * *

Формирование образа Китая как «чужого» или «значимого другого» для НАТО началось во второй половине 2010-х годов в целях укрепления и масштабирования расширенной идентичности Североатлантического альянса как гаранта глобальной безопасности. Переход от сотрудничества с КНР в рамках управления кризисами в регионах, представляющих общий интерес, таких как Афганистан, Африканский Рог или Центральная Азия, к политизации, а затем и секьюритизации действий Пекина на этих пространствах и в глобальном масштабе стал производным от изменения международно-политических условий и логики развития взаимодействия между ключевыми игроками. Рост великодержавной конкуренции привел к тому, что поддержание глобальной роли альянса потребовало формирования среди государств-членов убежденности в необходимости уже не только проведения операций по урегулированию конфликтов в различных регионах мира и противодействия новым вызовам в них, но и полноценной способности соперничать с другими растущими центрами силы. «Китайская угроза» должна была стать элементом закрепления и воспроизводства такой идентичности.

Вместе с тем переход конфликта России и Запада в новую фазу в 2022 г. привел к тому, что наиболее эффективной в консолидации стран альянса оказалась конвенциональная «угроза» со стороны Москвы, которая способствовала как минимум временному вос-

становлению высокой степени сплоченности НАТО на основе идентичности как регионального военного-политического объединения. Для сохранения общности дополнительная «китайская угроза» не требуется. Неслучайно после обозначения КНР в качестве вызова в Стратегической концепции альянса 2022 г. антикитайский дискурс практически не развивается с содержательной точки зрения, а его наиболее устойчивым элементом становится нарратив об опасности укрепления партнерства Москвы и Пекина. Другим значимым нарративом представляется «угроза» попадания стран ЕС в экономическую и технологическую зависимость от Китая, аналогичную существовавшей «зависимости» от поставок энергоносителей из России. Такая риторика направлена на преодоление частично сохраняющихся кооперационных тенденций в европейско-китайских отношениях и в перспективе — на унификацию реакции всех стран альянса на «возвышение» КНР.

Соответственно сегодня фокус на сдерживании России и участии в вооруженном конфликте в Европе препятствует трансформации коллективной идентичности НАТО в сторону глобальной и концентрации альянса на противостоянии с КНР. Смягчение внутренних разногласий на фоне общей угрозы в лице Москвы укрепило внутреннюю сплоченность членов блока, но при учете возвращения самопредставлений на региональный уровень смысл секьюритизации Китая пока остается размытым.

При том что стратегически руководство НАТО всё еще заглядывает вперед и прощупывает почву для идеологического оформления соперничества с КНР, тактически на ближайшую перспективу альянс будет сосредоточен именно на региональной повестке как по объективным причинам, связанным с вооруженным конфликтом в Европе, так и на фоне сохраняющихся различий в степени политизации «китайской угрозы» между США и европейскими странами НАТО. Наконец, определенную роль играет и сам факт недостаточной проработки антикитайского дискурса, его внутренняя противоречивость. По этим причинам окончательная секьюритизация Китая в евро-атлантической повестке не может произойти до завершения конфликта вокруг Украины и будет во многом зависеть от его исхода. В случае поражения странам НАТО претендовать на глобальную идентичность и обосновать ее будет еще сложнее, чем сейчас.

Вместе с тем в целях уточнения прогнозов относительно перспектив восстановления и укрепления глобальной идентичности Североатлантического альянса за счет «китайской угрозы» в будущем требуется дополнительное исследование влияния национальных интересов государств-членов на официальный дискурс НАТО и впоследствии — на общие практики. В развитие конструктивистской идеи о том, что основу коллективной идентичности, как правило, составляет дискурс наиболее убедительного и/или наиболее сильного члена сообщества, особого внимания заслуживает соотнесение национальных повесток США и европейских стран НАТО о Китае. Но эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк В.И. США — КНР: стратегический баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 4. С. 390–404. DOI: 10.21638/spbu06.2022.403.

2. Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5 (105). С. 19–31. DOI: 10.15211/sveurope520211931.

3. Ермаков С.М. Фактор Китая в новой Стратегической концепции НАТО // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6 (75). С. 130–167. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_130.

4. Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55.

5. Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34.

6. Левандовский Н.В. Влияние США и НАТО на формирование внешней политики Европейского союза // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4347–4356. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.028.

7. Мельникова Ю.Ю. В поисках оптимальной архитектуры европейской безопасности: ЕС и НАТО — вместе или вместо? // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–104. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-87-104.

8. Приходько О.В. США — Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 4. С. 5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4.

9. Accommodating rising powers: Past, present, and future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

10. Bechná Z., Thayer B.A. The alliance's response to a rising China NATO's new role // Naval War College Review. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 65–82.

11. Buzan B., Schouenborg L. Global international society: A new framework for analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. Security: A new framework for analysis. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

13. Campbell D. Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992.

14. Casarini N. A critical analysis of European Union foreign policy towards China (1995–2005). PhD Thesis. London: London School of Economics and Political Science, 2006. Available at: <https://etheses.lse.ac.uk/1922/1/U221954.pdf> (accessed: 08.02.2024).

15. Deutsch K.W. et al. Political community and the North Atlantic area: International organizations in the light of historical experiences. Princeton: Princeton University Press, 1957.

16. Dittmer J. NATO, the EU and Central Europe: Differing symbolic shapes in newspaper accounts of enlargement // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 76–98. DOI: 10.1080/14650040590907677.

17. Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969.

18. Ham van P. The rise of the brand state: The postmodern politics of image and reputation // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. No. 5. P. 2–6. DOI: 10.2307/20050245.

19. Heisbourg F. NATO 4.0: The Atlantic alliance and the rise of China // Survival. 2020. Vol. 62. No. 2. P. 83–102. DOI: 10.1080/00396338.2020.1739950.

20. Hemmer C., Katzenstein P.J. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism // International Organization. 2002. Vol. 56. No. 3. P. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.

21. Hendrickson R.C. Albania and NATO: Regional security and selective intervention // Security Dialogue. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 109–116. DOI: 10.1177/0967010699030001010.

22. Herold E., Schmitt O., Sloan S. NATO's strategic concept: Responding to Russia and China // Defence Studies. 2022. Vol. 22. No. 3. P. 558–563. DOI: 10.1080/14702436.2022.2082949.

23. Hooft van P. China and the Indo-Pacific in the 2022 NATO Strategic Concept // Atlantisch Perspectief. 2022. Vol. 46. No. 4. P. 46–50. Available at:

<https://hcass.nl/wp-content/uploads/2022/09/AP4-2022-Van-Hooft.pdf> (accessed: 25.03.2024).

24. Karber P.A., Combs J.A. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963 // *Diplomatic History*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 399–429. DOI: 10.1111/1467-7709.00126.

25. Kitchen V.M. Argument and identity change in the transatlantic security community // *Security Dialogue*. 2009. No. 40. No. 1. P. 95–114. DOI: 10.1177/0967010608100849.

26. Krause K., Williams M.C. Broadening the agenda of security studies: Politics and methods // *Mershon International Studies Review*. 1996. Vol. 40. No. 2. P. 229–254. DOI: 10.2307/222776.

27. Michaels J.H. 'A very different kind of challenge'? NATO's prioritization of China in historical perspective // *International Politics*. 2022. Vol. 59. P. 1045–1064. DOI: 10.1057/s41311-021-00334-z.

28. Morrow J.D. Arms versus allies: Trade-offs in the search for security // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No. 2. P. 207–233. DOI: 10.1017/S0020818300027922.

29. Pouliot V. The alive and well transatlantic security community: A theoretical reply to Michael Cox // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 119–127. DOI: 10.1177/1354066106061332.

30. Rühlig T.N. China's technical standardization power — A challenge for NATO? // *International Journal*. 2023. Vol. 78. No. 4. P. 625–633. DOI: 10.1177/00207020231217117.

31. Rynning S. NATO's struggle for a China policy: Alliance, alignment, or abdication? // *Asian Affairs*. 2022. Vol. 53. No. 3. P. 481–499. DOI: 10.1080/03068374.2022.2074729.

32. *Security communities* / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

33. Shambaugh D. China and Europe // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1992. Vol. 519. P. 101–114.

34. Vankovska B. Heading towards a global NATO: Piquing China? // *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. No. 12 (88). P. 4239–4250. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.018.

35. Wallander C.A. Institutional assets and adaptability: NATO after the Cold War // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 4. P. 705–735. DOI: 10.1162/002081800551343.

36. Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

37. Williams M.C., Neumann I.B. From alliance to security community: NATO, Russia and the power of identity // *Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

38. Wæver O. Insecurity, security, and asecurity in the West European non-war community // *Security communities* / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 69–118.

39. Yi S., Yang C. China-NATO relations: History and reality // *BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly*. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 26–37.

REFERENCES

1. Batyuk V.I. 2020. SShA — KNR: strategicheskii balans [USA — China: Strategic balance]. *Vestnik of Saint Petersburg University, International Relations*, vol. 15, no. 4, pp. 390–404. DOI: 10.21638/spbu06.2022.403. (In Russ.)

2. Danilov D.A. 2021. Global'nye gorizonty atlanticheskogo al'yansa: 'vakt-sina' Baidena [Global horizons of the Atlantic alliance: The Biden 'vaccine']. *Contemporary Europe*, no. 5 (105), pp. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931. (In Russ.)

3. Ermakov S.M. 2022. Faktor Kitaya v novoi Strategicheskoi kontseptsii NATO [The China factor in NATO's new strategic concept]. *National Strategy Issues*, no. 6 (75), pp. 130–167. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_130. (In Russ.)

4. Istomin I.A. 2023. Opravdanie vmeshatel'stva? Rol' 'doktriny Monro' v legitimatsii i stigmatizatsii interventsionizma v politike SShA v XIX — nachale XX v. [Justification for interference? The role of the Monroe doctrine in the stigmatization and legitimization of intervention in the U.S. foreign policy in the 19th and early 20th centuries]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55. (In Russ.)

5. Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O.I. 2020. Logika evolyutsii NATO: dostizheniya i perspektivy [Patterns of NATO evolution: Achievements and prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 1, pp. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34. (In Russ.)

6. Levandovskii N.V. 2022. Vliyanie SShA i NATO na formirovanie vneshnei politiki Evropeiskogo soyuza [US and NATO influence on the formation of the European union's foreign policy]. *Political Science Issues*, vol. 12, no. 12 (88), pp. 4347–4356. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.028. (In Russ.)

7. Mel'nikova Yu.Yu. 2021. V poiskakh optimal'noi arkhitektury evropeiskoi bezopasnosti: ES i NATO — vmeste ili vmesto? [Looking for the optimum security architecture in Europe: EU and NATO — together or apart?]. *Journal of International Analytics*, vol. 12, no. 3, pp. 87–104. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-87-104. (In Russ.)

8. Prikhod'ko O.V. 2019. SShA — Evropa: kitaiskii faktor i predely transatlanticheskoi solidarnosti [The United States — Europe: The Chinese variable and

limits of transatlantic solidarity]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 49, no. 4, pp. 5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4. (In Russ.)

9. Paul T.V. (ed.). 2016. *Accommodating rising powers: Past, present, and future*. Cambridge, Cambridge University Press.

10. Bechná Z., Thayer B.A. 2016. The alliance's response to a rising China NATO's new role. *Naval War College Review*, vol. 69, no. 3, pp. 65–82.

11. Buzan B., Schouenborg L. 2018. *Global international society: A new framework for analysis*. Cambridge, Cambridge University Press.

12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers.

13. Campbell D. 1992. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

14. Casarini N. 2006. *A critical analysis of European Union foreign policy towards China (1995–2005)*. PhD Thesis. London, London School of Economics and Political Science. Available at: <https://etheses.lse.ac.uk/1922/1/U221954.pdf> (accessed: 08.02.2024).

15. Deutsch K.W. et al. 1957. *Political community and the North Atlantic area: International organizations in the light of historical experiences*. Princeton, Princeton University Press.

16. Dittmer J. 2005. NATO, the EU and Central Europe: Differing symbolic shapes in newspaper accounts of enlargement. *Geopolitics*, vol. 10, no. 1, pp. 76–98. DOI: 10.1080/14650040590907677.

17. Barth F. (ed.). 1969. *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Boston, Little, Brown and Company.

18. Ham van P. 2001. The rise of the brand state: The postmodern politics of image and reputation. *Foreign Affairs*, vol. 80, no. 5, pp. 2–6. DOI: 10.2307/20050245.

19. Heisbourg F. 2020. NATO 4.0: The Atlantic alliance and the rise of China. *Survival*, vol. 62, no. 2, pp. 83–102. DOI: 10.1080/00396338.2020.1739950.

20. Hemmer C., Katzenstein P.J. 2002. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no. 3, pp. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.

21. Hendrickson R.C. 1999. Albania and NATO: Regional security and selective intervention. *Security Dialogue*, vol. 30, no. 1, pp. 109–116. DOI: 10.1177/0967010699030001010.

22. Herold E., Schmitt O., Sloan S. 2022. NATO's strategic concept: Responding to Russia and China. *Defence Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 558–563. DOI: 10.1080/14702436.2022.2082949.

23. Hooft van P. 2022. China and the Indo-Pacific in the 2022 NATO Strategic Concept. *Atlantisch Perspectief*, vol. 46, no. 4, pp. 46–50. Available at: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2022/09/AP4-2022-Van-Hooft.pdf> (accessed: 25.03.2024).

24. Karber P.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963. *Diplomatic History*, vol. 22, no. 3, pp. 399–429. DOI: 10.1111/1467-7709.00126.

25. Kitchen V.M. 2009. Argument and identity change in the transatlantic security community. *Security Dialogue*, no. 40, no. 1, pp. 95–114. DOI: 10.1177/0967010608100849.

26. Krause K., Williams M.C. 1996. Broadening the agenda of security studies: Politics and methods. *Mershon International Studies Review*, vol. 40, no. 2, pp. 229–254. DOI: 10.2307/222776.

27. Michaels J.H. 2022. ‘A very different kind of challenge’? NATO’s prioritization of China in historical perspective. *International Politics*, vol. 59, pp. 1045–1064. DOI: 10.1057/s41311-021-00334-z.

28. Morrow J.D. 1993. Arms versus allies: Trade-offs in the search for security. *International Organization*, vol. 47, no. 2, pp. 207–233. DOI: 10.1017/S0020818300027922.

29. Pouliot V. 2006. The alive and well transatlantic security community: A theoretical reply to Michael Cox. *European Journal of International Relations*, vol. 12, no. 1, pp. 119–127. DOI: 10.1177/1354066106061332.

30. Rühlig T.N. 2023. China’s technical standardization power — A challenge for NATO? *International Journal*, vol. 78, no. 4, pp. 625–633. DOI: 10.1177/00207020231217117.

31. Rynning S. 2022. NATO’s struggle for a China policy: Alliance, alignment, or abdication? *Asian Affairs*, vol. 53, no. 3, pp. 481–499. DOI: 10.1080/03068374.2022.2074729.

32. Adler E., Barnett M. (eds.). 1998. *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press.

33. Shambaugh D. 1992. China and Europe. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 519, pp. 101–114.

34. Vankovska B. 2022. Heading towards a global NATO: Piquing China? *Voprosy politologii*, vol. 12, no. 12 (88), pp. 4239–4250. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.12.018.

35. Wallander C.A. 2000. Institutional assets and adaptability: NATO after the Cold War. *International Organization*, vol. 54, no. 4, pp. 705–735. DOI: 10.1162/002081800551343.

36. Waltz K.N. 2000. Structural realism after the Cold War. *International Security*, vol. 25, no. 1, pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.

37. Williams M.C., Neumann I.B. 2000. From alliance to security community: NATO, Russia and the power of identity. *Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

38. Wæver O. 1998. Insecurity, security, and asecurity in the West European non-war community. In: Adler E., Barnett M. (eds.) *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 69–118.

39. Yi S., Yang C. 2023. China-NATO relations: History and reality. *BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly*, vol. 4, no. 3, pp. 26–37.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования
05.05.2024; принята к публикации 19.05.2024

The paper was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 05.05.2024;
accepted for publication 19.05.2024

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-202-229

Научная статья / Research paper

А.Д. Требух*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ НАРАСТАНИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Современные международные отношения характеризуются усилением межгосударственного соперничества, которое особенно ярко проявляется на уровне региональных подсистем. Наглядным примером может служить регион Латино-Карибской Америки (ЛКА), который становится ареной противостояния (в том числе идеологического) между США, традиционно считающими его сферой своего влияния, и КНР, активно наращивающей сотрудничество со странами ЛКА в различных областях. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и оценке роли идеологической составляющей в политике администрации Дж. Байдена в отношении стран ЛКА на фоне нарастания американо-китайского соперничества в данном регионе. В первом разделе статьи определяется место ЛКА во внешнеполитической стратегии текущей администрации в контексте риторики демократов о борьбе «свободного мира» с представляющими для него угрозу авторитарными режимами, в частности с КНР. Во втором разделе проанализированы основные формы и направления политики КНР по укреплению своего присутствия в ЛКА. Автор отмечает, что американское руководство оценивает эту деятельность КНР крайне негативно, как подрывающую основы лидерства США в регионе. Как результат в настоящий момент

* Требух Александр Дмитриевич — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-2485-2573).

можно наблюдать складывание нового межпартийного консенсуса о необходимости принятия неотложных мер по противодействию растущему влиянию Китая. В третьем разделе рассматриваются ключевые инициативы администрации Дж. Байдена, призванные укрепить позиции США в странах ЛКА. При этом автор заключает, что предпринятые 46-м президентом США шаги на латиноамериканском направлении имеют ярко выраженный идеологизированный характер. Они фактически вынуждают страны ЛКА четко занять чью-то сторону в американо-китайском противостоянии, что в свою очередь приводит к дальнейшей поляризации региона в духе новой холодной войны.

Ключевые слова: США, КНР, Латинская Америка и Карибский бассейн, доктрина Монро, американо-китайское соперничество, Дж. Байден, новая холодная война

Для цитирования: Требух А.Д. Внешнеполитические инициативы администрации Дж. Байдена в Латино-Карибской Америке в контексте нарастания американо-китайского соперничества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 202–229. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-202-229.

Aleksandr D. Trebukh

**THE GROWING U.S.-CHINESE RIVALRY
AND FOREIGN POLICY INITIATIVES
OF THE BIDEN ADMINISTRATION
IN LATIN CARIBBEAN AMERICA**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Contemporary international relations are characterized by increasing inter-state rivalry, which is especially pronounced at the level of regional subsystems. Latin Caribbean America (LCA) serves a vivid example, becoming the arena of competition (including in ideological terms) between the United States, which has traditionally considered the region its sphere of influence, and China, which is actively forging cooperation with the LCA countries in various fields. The purpose of this article is to identify and assess the role of the ideological component in the policy of the J. Biden administration towards the LCA countries against the background of the growing U.S.-Chinese rivalry in the region. The

first section of the article defines the place of LCA in the foreign policy strategy of the current administration in the context of the Democrats' rhetoric about the struggle over the 'free world' challenged by the authoritarian regimes, in particular by the PRC. The second section analyzes the main forms and directions of the PRC's policy aimed at strengthening its presence in LCA. The author notes that the American authorities assess these PRC activities extremely negatively, as undermining the foundations of the U.S. leadership in the region. As a result, a new bipartisan consensus is emerging on the need to take urgent measures to counter the growing influence of China. The third section examines the key initiatives of the J. Biden administration aimed at strengthening the U.S. positions in the LCA countries. The author concludes that the steps taken by the 46th President of the United States in the Latin American direction have strong ideological overtones. They actually force the LCA countries to take sides in the U.S.-Chinese confrontation, which in turn leads to further polarization of the region in the spirit of a new Cold War.

Keywords: USA, China, Latin America and the Caribbean, the Monroe Doctrine, American-Chinese rivalry, J. Biden, new Cold War

About the author: Aleksandr D. Trebukh — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-2485-2573).

For citation: Trebukh A.D. 2024. The growing U.S.-Chinese rivalry and foreign policy initiatives of the Biden administration in Latin Caribbean America. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 202–229. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-202-229. (In Russ.)

Глобальное соперничество великих держав, обострившееся в конце второго десятилетия XXI в., в первую очередь между США и КНР, наблюдается в различных регионах мира. Латино-Карибский регион не стал исключением. Значительное ухудшение экономической и демографической ситуации в Латино-Карибской Америке (ЛКА) в результате пандемии COVID-19 изменило и динамику развития международных отношений в этой части света, где сегодня наблюдается спад американского влияния и возможностей. По мнению экспертов, это выражается в появлении новой «розовой волны» в странах ЛКА: увеличении числа левоцентристских правительств, склонных к политическому ресентименту в отношении США и соз-

данию альтерглобалистских проектов¹, одновременном усилении авторитарных тенденций в ряде государств региона (Венесуэла, Куба, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Мексика)² и, наконец, в росте политического, экономического, военного и информационного присутствия КНР³.

В современной отечественной и зарубежной научной литературе внешнеполитический курс США в отношении Латинской Америки анализируется с разных точек зрения. Так, О.А. Хлопов рассматривает проблемы и вызовы для внешней политики США в регионе [Хлопов, 2022], Н.А. Цветкова и Т.А. Гришанина [Цветкова, Гришанина, 2023] делают особый акцент на вопросах региональной безопасности, Л.С. Хейфец и К.А. Коновалова утверждают, что американский подход к присутствию КНР в ЛКА определяется логикой борьбы за мировую гегемонию [Хейфец, Коновалова, 2021], а К. Шварцман показывает, как эта борьба сказывается на самих латиноамериканских государствах [Schwartzman, 2021]. Ю.В. Боровский и Б.Ф. Мартынов анализируют политику США в Западном полушарии после распада биполярной системы международных отношений [Боровский, Мартынов, 2023], В.П. Сударев рассматривает взаимодействие сторон в геополитическом треугольнике США — Китай — Европейский союз [Сударев, 2019]. Концептуальные основы политики Вашингтона в Латинской Америке и подходы государств в отношениях с Соединенными Штатами оцениваются в коллективной монографии российских ученых [Сударев и др., 2022], М.А.-М. Кодзоев исследует результаты антикубинской политики Д. Трампа [Кодзоев, 2020]. Шаги его администрации по выстраиванию отношений со странами Латинской Америки рассматриваются в работах А.А. Манухина как в общем, так и на примере взаимодействия США и Мексики

¹ Dueck C. Why the Monroe Doctrine still matters? // American Enterprise Institute. March 2023. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep48720> (accessed: 15.03.2024).

² Schneider M.L. How to stop the increasingly authoritarian slide in Latin America // The Hill. 02.03.2023. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/3881037-how-to-stop-the-increasingly-authoritarian-slide-in-latin-america/> (accessed: 15.03.2024); Guzmán Rodríguez D.E. Resisting authoritarian tendencies in Latin America // Dejusticia. 21.06.2022. Available at: <https://www.dejusticia.org/en/column/resisting-authoritarian-tendencies-in-latin-america/> (accessed: 15.03.2024).

³ Roy D. China's growing influence in Latin America // Council on Foreign Relations. 15.06.2023. Available at: <https://www.cfr.org/background/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (accessed: 15.03.2024).

[Манухин, 2018, 2019]. Подходы Вашингтона при администрации Д. Трампа к левым режимам в регионе уточняет Д.М. Розенталь [Розенталь, 2019].

В отечественных работах о политике Дж. Байдена в ЛКА рассматривается широкий спектр сюжетов: от общих тенденций и перспектив «перезагрузки» внешнеполитического курса США в регионе [Давыдов, 2023; Евсеенко, 2021; Кодзоев, 2021а, 2021b; Пшеничников, 2021; Сударев, 2022] до проблем кооперации в области безопасности [Krivolapov, Stepanova, 2021], миграционной политики [Кочегуров, 2022] и особенностей взаимодействия с леворадикальными режимами [Розенталь, 2022]. К вопросу об изучении политики Дж. Байдена в ЛКА через призму конструктивизма обращается Л.М. Соколышчик [Sokólshchik, 2023].

Зарубежные исследователи помимо общей характеристики курса администрации Дж. Байдена в отношении Латинской Америки⁴ [Ruvalcaba, 2021; Carbone, 2021] много внимания уделяют проблемам американо-китайского соперничества, в том числе рассматривая его через призму логики «новой холодной войны»⁵ [Ayuso, 2021; Castro Alegria, 2023; Morgenfeld, 2021; Milani, 2023; Prevost, 2024; Xing, Vaddell, 2024].

Оценивая нематериальные аспекты влияния США в странах Латинской Америки, ученые часто обращаются к идеям так называемой доктрины Монро. Так, К. Дьюек полагал, что она до сегодняшнего дня лежит в основе внешней политики США в регионе, в частности

⁴ Hügel J., Woischnik J. Joe Bidens Amerika-Gipfel: Neubestimmung des US-Amerikanischen Verhältnisses zu Lateinamerika? // Konrad Adenauer Stiftung. 30.05.2022. Available at: <https://www.kas.de/documents/252038/16191335/Joe+Bidens+Amerika-Gipfel.pdf/d39096c4-38fd-0926-b8a9-078950ae6ce5?version=1.2&t=1653991640133> (accessed: 15.03.2024); Marczak J., Guevara C. COVID-19 recovery in Latin America and the Caribbean: A partnership strategy for the Biden administration // JSTOR. 01.03.2021. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep30698> (accessed: 15.03.2024).

⁵ Kantor D. Der neue Kalte Krieg in der westlichen Hemisphäre: China als Herausforderung für die Vereinigten Staaten in Lateinamerika // Friedrich Ebert Stiftung. 26.01.2022. Available at: <https://www.fes.de/themenportal-die-welt-gerecht-gestalten/artikel-in-die-welt-gerecht-gestalten/der-neue-kalte-krieg-in-der-westlichen-hemisphaere-china-als-herausforderung-fuer-die-vereinigten-staaten-in-lateinamerika> (accessed: 15.03.2024); Malamud C., Núñez R. Biden y America Latina: Cambios y continuidades // Real Instituto Elcano. Available at: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/ari130-2020-malamud-nunez-biden-y-america-latina-cambios-y-continuidades.pdf> (accessed: 15.03.2024).

недопущения усиления присутствия других великих держав в Западном полушарии⁶. Отмечается, что заложенные в доктрину Монро идеи сформировали американскую идентичность и идеологию [Heiss, 2002; U.S. foreign policy and the other, 2015]. Впрочем, есть и иные точки зрения. Как утверждает Дж. Секстон, доктрина Монро всегда являлась мифом и так называемой изобретенной традицией для США [Sexton, 2023].

В данной статье предпринята попытка выявить и оценить роль политико-идеологических факторов в подходах администрации Дж. Байдена к выстраиванию отношений со странами ЛКА в условиях нарастания американо-китайского соперничества в регионе.

Роль Латинской Америки во внешнеполитической стратегии Дж. Байдена

В Стратегии национальной безопасности (СНБ) США 2022 г. Латинская Америка оказалась на третьем месте после Индо-Тихоокеанского и Европейского регионов. Сравнение с более ранними версиями СНБ, где ЛКА располагалась на пятой позиции, позволяет говорить о ее возросшей роли для Вашингтона⁷. Но в чем причина такого роста значимости региона?

Ключом к ответу на этот вопрос могут послужить официальные декларации администрации Дж. Байдена, содержащиеся, в частности, в Совместном стратегическом плане на 2022–2026 гг., выпущенном под эгидой Государственного департамента США. Там важнейшим приоритетом действующей администрации называется «обновление демократии в XXI в.», что ориентирует Вашингтон на борьбу с авторитаризмом в самых разных его проявлениях⁸.

Внешнеполитическая стратегия Дж. Байдена буквально пронизана мессианской идеей о необходимости противостояния

⁶Dueck C. Op. cit.

⁷National Security Strategy, October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 15.03.2024).

⁸Joint Strategic Plan, FY 2022–2026, March 2022 // U.S. Agency for International Development. 29.03.2022. P. 31. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/Final_State-USAID_FY_2022-2026_Joint_Strategic_Plan_29MAR2022.pdf (accessed: 15.03.2024).

авторитарному капитализму⁹. В своей речи на Мюнхенской конференции 2021 г. Дж. Байден, отметив, что демократические режимы подвергаются нападению со стороны автократий КНР, РФ и Ирана, выдвинул следующий тезис: «Мы должны сформировать правила, которые будут регулировать развитие технологий и нормы поведения в киберпространстве, искусственном интеллекте, биотехнологиях таким образом, чтобы они использовались для возвышения людей, а не для того, чтобы пригвоздить их к месту. Мы должны отстаивать демократические ценности, которые позволяют нам достичь всего этого, давая отпор тем, кто хотел бы монополизировать и нормализовать угнетение»¹⁰.

Латинская Америка воспринимается Вашингтоном в этом контексте как поле противостояния, как территория, «ландшафт» которой США определяют институализированными либерально-демократическими ценностями. Дж. Байден говорил и о своем видении Западного полушария, которое «должно быть демократическим, безопасным и населенным в основном людьми среднего класса от Канады до Чили»¹¹, о том, что «демократия не произрастает там, где не развивается экономика»¹². В этой связи государства Латинской Америки необходимо, по мнению Белого дома, защитить от посягательств со стороны нового «глобального зла» в лице авторитаризма, приверженцы которого, как утверждает Э. Блинкен, пытаются изменить международный порядок и сделать мир безопаснее для автократий¹³. В ходе двусторонней встречи

⁹ National Security Strategy, October 2022...

¹⁰ Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference // The White House. 19.02.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (accessed: 15.03.2024).

¹¹ 43rd annual Washington Conference: Vice President Joe Biden spells out U.S. administration priorities for the Americas // AS/COA. 09.05.2013. Available at: <https://www.as-coa.org/articles/43rd-annual-washington-conference-vice-president-joe-biden-spells-out-us-administration> (accessed: 15.03.2024).

¹² Remarks: U.S. Vice President Joe Biden at the 43rd Washington Conference on the Americas // AS/COA. 09.05.2013. Available at: <https://www.as-coa.org/articles/remarks-us-vice-president-joe-biden-43rd-washington-conference-americas> (accessed: 15.03.2024).

¹³ Secretary Antony J. Blinken remarks on Johns Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS) 'The power and purpose of American diplomacy in a new era' // US Department of State. 13.09.2023. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony->

президентов США и Эквадора Дж. Байден заявил: «Мы едины не только в наших ценностях, но и в нашем видении будущего, которое будет одновременно свободным и демократическим»¹⁴. Вице-президент К. Харрис развивает этот тезис: «Западное полушарие — это наш дом. И поскольку это наш дом, люди, живущие в нем, являются нашими соседями, крайне важно, чтобы мы продвигали демократию, надлежащее государственное управление, безопасность и процветание»¹⁵.

Особый вызов для стран региона в этом отношении, по мнению действующей администрации, представляет деятельность КНР. Так, государственный секретарь Э. Блинкен назвал Китай наиболее серьезной долгосрочной угрозой мировому порядку, поскольку китайское видение мира «отдалило бы нас от универсальных ценностей, которые способствовали бы мировому прогрессу»¹⁶. Стратегия национальной обороны США, отводя на Западное полушарие лишь четыре предложения, также называет КНР главным стратегическим соперником в регионе¹⁷.

Роль китайского фактора

В США воспринимают Китай не только как возмутителя спокойствия, напоминающего Вашингтону о попытках внерегиональных акторов в XIX и XX вв. бросить вызов американскому лидерству в Западном полушарии, но и как страну, несущую «чужие», угрожающие либерально-демократическому порядку ценности и нормы.

j-blinken-remarks-to-the-johns-hopkins-school-of-advanced-international-studies-sais-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era/ (accessed: 15.03.2024).

¹⁴ Remarks by President Biden and President Lasso of Ecuador before bilateral meeting // The White House. 19.12.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/19/remarks-by-president-biden-and-president-lasso-of-ecuador-before-bilateral-meeting/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁵ Remarks by Vice President Harris at Virtual Washington Conference on the Americas // The White House. 04.05.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/04/remarks-by-vice-president-harris-at-the-virtual-washington-conference-on-the-americas/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁶ Forgey Q., Kine Ph. Blinken calls China ‘most serious long-term’ threat to world order // Politico. 26.05.2022. Available at: <https://www.politico.com/news/2022/05/26/blinken-biden-china-policy-speech-00035385> (accessed: 15.03.2024).

¹⁷ National Defense Strategy of the United States of America, 2022 // U.S. Department of Defense. P.16. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 15.03.2024).

Уже ко второму десятилетию нового века Пекин не просто включил страны региона в свою масштабную инициативу «Пояс и Путь», но и стал для них крупнейшим торговым партнером¹⁸. По мнению нынешнего руководства США, администрация Д. Трампа не обращала должного внимания на эту проблему. Так, в одном из интервью Дж. Байден заявлял: «Они [избиратели] должны быть осведомлены, что некомпетентность и пренебрежительное отношение Трампа к Латино-Карибской Америке закончатся в первый день моей администрации»¹⁹. Он подчеркивал, что США необходим президент, «готовый повести регион в будущее, которого заслуживают люди»²⁰. Агрессивная риторика Д. Трампа и сокращение финансирования по линии Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) в отношении стран ЛКА²¹, а также большое количество вакантных должностей в американских дипломатических представительствах, по мнению главы новой администрации, отразились на лидерских способностях и совместных практиках Вашингтона с государствами региона. Пренебрежение региональной политикой также стало разрушать репутацию и образ США как лидера, отражаясь на общественном мнении стран ЛКА.

Статистика подтверждает подобные оценки: по данным Pew Research Center, уже в первые годы президентства Д. Трампа во многих странах Латинской Америки позитивное отношение к Соединенным Штатам резко пошло на спад²². В то же время восприятие КНР населением ЛКА за тот же период показало обратную

¹⁸ Roy D. Op. cit.

¹⁹ Joe Biden answers 10 questions on Latin America // Americas Quarterly. 04.03.2020. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/updated-2020-candidates-answer-10-questions-on-latin-america/> (accessed: 15.03.2024).

²⁰ Joe Biden: The Western Hemisphere needs U.S. leadership // Americas Quarterly. 14.12.2018. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/joe-biden-the-western-hemisphere-needs-u-s-leadership/> (accessed: 15.03.2024).

²¹ Trump administration again proposes slashing foreign aid // The Washington Post. 10.02.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/national-security/trump-administration-again-proposes-slashing-foreign-aid/2020/02/10/2c03af38-4c4c-11ea-bf44-f5043eb3918a_story.html (accessed: 15.03.2024).

²² Johnson C. Fewer people in Latin America see the U.S. favorably under Trump // Pew Research Center. 12.04.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2018/04/12/fewer-people-in-latin-america-see-the-u-s-favorably-under-trump/> (accessed: 15.03.2024).

динамику²³. Это закономерно повлекло за собой активизацию китайского присутствия в регионе.

Отношения Пекина со странами Латинской Америки к началу второго десятилетия XXI в. имели не только торгово-экономический характер, но быстро развивались в гуманитарной, научной и политической сферах, а также в области безопасности. Особенно ярко эти аспекты обозначились в рамках сотрудничества по преодолению последствий пандемии COVID-19²⁴, в совместных проектах в сфере космических технологий и в развитии связей по линии образования [Klinger, 2018]. Намерения Китая продолжать широкое взаимодействие с государствами региона были официально подтверждены в Стратегии КНР в отношении Латинской Америки и стран Карибского бассейна²⁵.

Основным инструментом китайского проникновения в регион являются крупные инфраструктурные проекты (в частности, по строительству гидро- и солнечных электростанций, морских портов²⁶). Кроме того, Китай использует прямые инвестиции в стратегически важные для стран ЛКА секторы промышленности, например в горнодобывающую промышленность Перу²⁷. КНР также проявляет активность в сфере внутренней безопасности государств региона, продвигая установку камер видеонаблюдения от компании Hua-

²³ Wintgens S. China's footprint in Latin America: Recent developments and challenges ahead // European Union Institute for Security Studies. September 2022. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_9_China%20in%20Latin%20America_web.pdf (accessed: 15.03.2024).

²⁴ María Laura Chang L. COVID-19 aid from China to Latin America twice that of US as it increases investments in the region // Centro de investigacion chino latinoamericano Fundacion Andres Bello. 20.10.2020. Available at: <https://fundacionandresbello.org/en/reporting/covid-19-aid-from-china-to-latin-america-twice-that-of-us-as-it-increases-investments-in-the-region/> (accessed: 15.03.2024).

²⁵ Full text of China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // The State Council of the People's Republic of China. 24.11.2016. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/11/24/content_281475499069158.htm (accessed: 15.03.2024).

²⁶ China regional snapshot: South America // Foreign Affairs Committee. 25.10.2022. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/china-regional-snapshot-south-america/> (accessed: 15.03.2024); Koop F, Pike L. China builds Latin America's largest solar plant // Dialogue Earth. 05.03.2019. Available at: <https://chinadialogue.net/en/energy/11117-china-builds-latin-america-s-largest-solar-plant/> (accessed: 15.03.2024).

²⁷ China regional snapshot...; Koop F, Pike L. Op. cit.

wei и внедряя технологии 5G, которые, как указывают некоторые американские эксперты, могут использоваться Пекином для сбора данных²⁸. Помимо прочего Китай инвестирует в космические программы стран ЛКА, в первую очередь Аргентины и Бразилии, что тоже увеличивает его возможности в области рекогносцировки на земной и околоземной орбитах в этом регионе²⁹. Китай также использует военно-техническое сотрудничество, укрепляя партнерские отношения по линии оборонных ведомств со странами региона, и, чего особенно опасаются американские аналитики, вероятно, планирует использовать ЛКА в будущем для размещения своих военных баз³⁰. Наконец, отдельные эксперты обвиняют КНР в поощрении коррупции и даже сотрудничестве с латиноамериканскими наркокартелями³¹.

Говоря об эффективности китайской политики в регионе, в первую очередь стоит отметить успешные действия, направленные на изоляцию Тайваня в обмен на инвестиции для ряда стран ЛКА. Так, с 2017 г. Пекин как единственно легитимный Китай в своих дипломатических отношениях признали Панама (2017), Доминиканская Республика (2018), Никарагуа (2021), Сальвадор (2018), Гондурас (2023). Кроме того, товарооборот между КНР и латиноамериканскими государствами уже в 2021 г. на 73 млрд долл. пре-

²⁸ Delgado J. China, 5G, and the security threat in Latin America // *Diálogo Americas*. 07.03.2023. Available at: <https://dialogo-americas.com/articles/china-5g-and-the-security-threat-in-latin-america/> (accessed: 15.03.2024); Wintour P. US defense secretary warns Huawei 5G will put alliances at risk // *The Guardian*. 15.02.2020. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/feb/15/us-defence-secretary-warns-us-alliances-at-risk-from-huawei-5g> (accessed: 15.03.2024).

²⁹ Funaiolo M.P., Kim D., Hart B., Bermudez Jr. J.S. Eyes on the skies: China's growing space footprint in South America // *Center for Strategic and International Studies*. 04.10.2022. Available at: <https://features.csis.org/hiddenreach/china-ground-stations-space/> (accessed: 15.03.2024).

³⁰ Gurola G. China-Latin America arms sales. Antagonizing the United States in the Western Hemisphere? // *Military Review*. 2018. Available at: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/July-August-2018/Gurola-China/> (accessed: 15.03.2024).

³¹ Spetelnick M., Zengerle P. U.S. takes aim at China over Latin America trade tactics and fentanyl role // *Reuters*. 07.06.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-takes-aim-china-over-latin-america-trade-tactics-fentanyl-role-2023-06-07/> (accessed: 15.03.2024).

высил товарооборот стран региона с США³², а к 2035 г., по оценкам Всемирного экономического форума, он должен удвоиться и достигнуть более 700 млрд долл.³³ Эти достижения Пекина создают для Вашингтона риски идеологического характера. Уменьшение количества стран, признающих Тайвань, негативно сказывается на возможностях США по использованию их как инструментов давления на КНР. Кроме того, китайские успехи в регионе снижают роль доллара и экономической привлекательности США для стран ЛКА. Так или иначе, на чем сходятся и отечественные [Каткова, Еремин, 2022], и зарубежные исследователи [Haibin, 2020], китайское присутствие является долгосрочным и представляет собой важный фактор развития региона.

Этот фактор меняет структуру региональной системы и показывает, что в перспективе у стран Латинской Америки может быть иной путь, имеющий в своей основе китайскую модель развития, при этом КНР будет уже в скором времени восприниматься там как региональный лидер.

Всё это вынуждает США вовлекаться в противоборство с Китаем, что нашло отражение в формировании межпартийного консенсуса о необходимости защиты американских позиций в ЛКА от поползновений авторитарных государств-ревизионистов, одним из которых, по мнению вашингтонских политиков, и является КНР³⁴. Как во второй половине XX в. возник консенсус холодной войны, согласно которому американская нация объединилась политически для отражения советской угрозы внутри США и за их пределами³⁵, так и в XXI в. мы можем наблюдать появление и упрочение консенсуса о необходимости противостоять Китаю.

³² Jourdan A., Aquino M., Spetalnick M. Exclusive: Under Biden, China has widened trade lead in much of Latin America // Reuters. 08.06.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/americas/exclusive-under-biden-china-has-widened-trade-lead-much-latin-america-2022-06-08/> (accessed: 15.03.2024).

³³ China's trade with Latin America is bound to keep growing. Here's why that matters // World Economic Forum. 17.06.2021. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/06/china-trade-latin-america-caribbean/> (accessed: 15.03.2024).

³⁴ Edmondson C. Senate passes \$280 billion industrial policy bill to counter China // The New York Times. 27.07.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/07/27/us/politics/senate-chips-china.html> (accessed: 15.03.2024).

³⁵ Watson M. What Cold War consensus? // Hudson Institute. 02.12.2019. Available at: <https://www.hudson.org/foreign-policy/what-cold-war-consensus> (accessed: 15.03.2024).

Инициативы администрации Дж. Байдена в Латино-Карибской Америке

Осознавая опасность потери регионального лидерства, нынешняя администрация США предлагает странам ЛКА ряд новых инициатив. При этом Вашингтон последовательно подчеркивает, что, в отличие от китайских проектов, эти инициативы носят исключительно равноправный, прозрачный и инклюзивный характер, ориентированы на соблюдение и продвижение прав человека.

Основные направления политики администрации Дж. Байдена в отношении Латинской Америки включают развитие инфраструктурных проектов, создание «зеленых» рабочих мест, сотрудничество в области защиты окружающей среды и поддержку национальных экономик с особым упором на малый и средний бизнес, что, по мнению политического руководства США, должно возродить веру государств региона в демократические ценности³⁶. Стратегическая же цель заключается в укреплении американского лидерства в ЛКА путем формирования проамериканских настроений через многостороннее взаимодействие в отдельных странах и на глобальном уровне³⁷. В Вашингтоне ожидают, что результатом такой политики должны стать долгосрочные экономические и политические выгоды для государств ЛКА, которые перевесят краткосрочные финансовые приобретения от продажи Китаю сырьевых ресурсов региона.

Проекты, предложенные для Латинской Америки администрацией Дж. Байдена, можно подразделить на следующие:

- 1) инициативы, направленные на искоренение диспропорций экономического развития, решение миграционной проблемы и повышение уровня жизни в развивающихся странах ЛКА;
- 2) гуманитарной проекты, включающие помощь в борьбе с последствиями пандемии COVID-19, развитие сектора образования, а также научно-технические и культурные программы сотрудничества;

³⁶ Americas Partnership for Economic Prosperity // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/americas-partnership-for-economic-prosperity/#:~:text=The%20Americas%20Partnership%20charts%20a,working%20people%20across%20the%20region> (accessed: 15.03.2024).

³⁷ National Security Strategy, October 2022...

3) инициативы, связанные с обеспечением региональной безопасности, в частности борьба с наркопреступностью и защита от продовольственных кризисов.

Говоря о конкретных шагах администрации Дж. Байдена, следует упомянуть проект «B3W» («Build Back Better World»), запущенный под эгидой «G7». Это глобальная инициатива ведущих экономик мира по финансированию инфраструктурных проектов в развивающихся странах, созданию рабочих мест и стимулированию роста национальных экономик с опорой на мелкий и средний местный бизнес³⁸. Изначальный вектор и политическую окраску этому проекту придало заявление Дж. Байдена: «Суть того, что происходит, — это наличие у Китая инициативы “Пояс и Путь”, и мы думаем, что у нас есть более справедливый план по удовлетворению нужд стран мира. <...> И мы верим, что это будет способствовать развитию не только отдельных государств, но и всего мира и будет олицетворять ценности, символизируемые нашими демократиями, а не отсутствие оных у автократий»³⁹. Отвечая в рамках своего выступления на саммите «G7» в 2021 г. на вопросы журналистов, Дж. Байден также отметил, что США и демократические страны находятся в соревновании не с Китаем *per se*, но в целом с автократическими режимами по всему миру в целях защиты демократических ценностей для будущих поколений⁴⁰. Эти заявления резко контрастируют с подчеркнуто прагматичным подходом КНР, реализуемым в рамках проекта «Пояс и Путь»⁴¹. Так или иначе, имплементация инициативы «B3W» непосредственно в странах ЛКА будет способствовать как укреплению

³⁸ Fact sheet: President Biden and G7 leaders launch Build Back Better World (B3W) partnership // The White House. 12.06.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed: 15.03.2024).

³⁹ Joe Biden G7 summit 2021 speech transcript // Rev. 13.06.2021. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-g7-summit-2021-speech-transcript> (accessed: 15.03.2024).

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Некоторые исследователи считают, что инициатива «Пояс и Путь» также является «скорее успешным примером брендинга, чем продуманной дорожной картой». См., например: Ibáñez M. Respondiendo a la Nueva Ruta De La Seda: Buenas ideas que requieren mejoras // Barcelona Centre for International Affairs. July 2021. Available at: https://www.cidob.org/es/content/download/78653/2515176/version/3/file/681_OPINION_MARC%20IBÁÑEZ_CAST.pdf (accessed: 15.03.2024).

Вашингтоном своего лидерства в регионе, так и созданию новых общих практик взаимодействия в сферах, затрагивающих жизненно важные общественные интересы государств Латинской Америки.

К 2022 г. «В3W» была переименована в «Партнерство за глобальную инфраструктуру и инвестиции», что, однако, не способствовало запуску масштабных проектов, обещанных администрацией Дж. Байдена и лидерами «G7»: инвестиции оказались гораздо скромнее⁴². Тем не менее в рамках этой инициативы к концу 2023 г. были запущены проекты по строительству портов в Эквадоре, развитию электрических сетей и повышению информационной защиты в Коста-Рике, созданию ветряных ферм в Бразилии на 346 млн долл. для производства более экологически чистой энергии⁴³.

В условиях, когда страны региона входят в период экономического спада, характеризующегося ростом инфляции и снижением покупательской способности населения⁴⁴, что может повлечь долгосрочные и многофакторные риски для США, администрация Дж. Байдена анонсировала в 2022 г. инициативу «Американское партнерство по экономическому процветанию». К ней присоединились Канада и несколько крупных экономик ЛКА: Уругвай, Чили, Колумбия и др. В рамках этой инициативы США предлагают создание «зеленых» рабочих мест, формирование новых, более устойчивых к кризисным явлениям логистических цепочек, повышение стандартов в области труда и защиты окружающей среды, а также работу в области привлечения частных инвестиций и укрепления региональных экономических институтов⁴⁵. Эта инициатива также основана на ценностном подходе, что позволяет США не только оказать мате-

⁴² Fickle promises from Washington reveal lack of sincerity // Shanghai Municipal People's Government. 10.09.2023. Available at: <https://www.shanghai.gov.cn/nw48081/20231009/ac1dcd6b303c4cc2bad4cdc1139a378b.html> (accessed: 15.03.2024).

⁴³ Fact sheet: Partnership for global infrastructure and investment at the G7 Summit // The White House. 20.05.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/fact-sheet-partnership-for-global-infrastructure-and-investment-at-the-g7-summit/> (accessed: 15.03.2024).

⁴⁴ Adler G., Chalk N., Ivanova A. Latin America Faces Slowing Growth and High Inflation Amid Social Tensions // IMG Blog. 01.02.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/02/01/latin-america-faces-slowng-growth-and-high-inflation-amid-social-tensions> (accessed: 15.03.2024).

⁴⁵ Fact sheet: President Biden announces the Americas Partnership for Economic Prosperity // The White House. 08.06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/>

риальную поддержку странам ЛКА в виде займов и инвестиций на фоне рисков экономической нестабильности, но и предложить четкий план совместного развития на основе либерально-демократических принципов⁴⁶.

В конце 2023 г. в США в рамках этого партнерства состоялся саммит, на котором были предложены новые шаги по решению региональных проблем: запуск системы грантов для социальных служб и помощи мигрантам, создание фонда для улучшения инвестиционного климата, а также проведение симпозиумов и начало совместной работы со странами региона по созданию квалифицированных рабочих кадров в области производства полупроводников⁴⁷.

Схожей инициативой, но для субрегиона Центральной Америки стал выдвинутый в 2021 г. вице-президентом США Камалой Харрис «Призыв к действию», под эгидой которого был основан государственно-частный проект «Партнерство для Центральной Америки»⁴⁸. Он также направлен на поддержку экономического развития путем создания рабочих мест, инфраструктуры и привлечения инвестиций со стороны крупного бизнеса. Так, в 2021 г. в рамках данного проекта США смогли аккумулировать 4,2 млрд

briefing-room/statements-releases/2022/06/08/fact-sheet-president-biden-announces-the-americas-partnership-for-economic-prosperity/ (accessed: 15.03.2024).

⁴⁶ Fact Sheet: Biden-Harris administration advances Americas Partnership for Economic Prosperity // The White House. 27.01.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/27/fact-sheet-biden-harris-administration-advances-americas-partnership-for-economic-prosperity/> (accessed: 15.03.2024); Joint Declaration on the Americas Partnership for Economic Prosperity // The White House. 27.01.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/27/joint-declaration-on-the-americas-partnership-for-economic-prosperity/> (accessed: 15.03.2024).

⁴⁷ Fact Sheet: President Biden hosts inaugural Americas Partnership for Economic Prosperity leaders' summit // The White House. 03.11.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/03/fact-sheet-president-biden-hosts-inaugural-americas-partnership-for-economic-prosperity-leaders-summit/> (accessed: 15.03.2024).

⁴⁸ Fact Sheet: Vice President Harris launches a call to action to the private sector to deepen investment in the Northern triangle // The White House. 27.05.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/27/fact-sheet-vice-president-harris-launches-a-call-to-action-to-the-private-sector-to-deepen-investment-in-the-northern-triangle/> (accessed: 15.03.2024).

долл., а в 2023 г. — дополнительно более 950 млн долл.⁴⁹ Вашингтону удалось привлечь инвестиции таких крупных фирм, как Nestle, Millicom, Nextil Group, что позволило многим латиноамериканским компаниям в партнерстве с USAID улучшить инвестиционный климат, повысить предпринимательскую активность, создать новые рабочие места и начать строительство возобновляемых источников энергии в странах Северного треугольника⁵⁰.

С помощью инициативы «Призыв к действию» США пытаются решить назревшие экономические проблемы субрегиона путем прозрачных финансовых мер, а также показать возможность аккумулировать в кратчайшие сроки средства для развития их экономик⁵¹.

Вашингтон делает акцент на индивидуальном подходе, принимая во внимание уникальные потребности каждой из стран Центральной Америки. При этом даже недавний разрыв дипломатических отношений Сальвадора и Гондураса с Тайванем и их курс на более тесное экономическое сотрудничество с КНР не изменили позицию США⁵².

Говоря об инициативах гуманитарной направленности, следует подчеркнуть, что с приходом администрации Дж. Байдена расходы на USAID, которое курирует и финансирует большую часть программ помощи и сотрудничества, начали расти, увеличиваясь год от года. Так, в 2023 г. бюджет агентства вырос на 6% по сравнению с 2022 г., а бюджет на 2024 г. увеличится еще на 10%⁵³. Администрация

⁴⁹ Fact Sheet: Vice President Harris announces public-private partnership has generated more than \$4.2 billion in private sector commitments for Northern Central America // The White House. 06.02.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/02/06/fact-sheet-vice-president-harris-announces-public-private-partnership-has-generated-more-than-4-2-billion-in-private-sector-commitments-for-northern-central-america/> (accessed: 15.03.2024).

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Remarks by Ambassador Katherine Tai at World Economic Forum Partnership for Central America event // Office of the United States Trade Representative. Available at: <https://ustr.gov/node/12541> (accessed: 15.03.2024).

⁵² Remarks by Vice President Harris at the Central America Forward launch event // The White House. 06.02.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/06/remarks-by-vice-president-harris-at-the-central-america-forward-launch-event/> (accessed: 15.03.2024).

⁵³ Fiscal Year (FY) 2023 President's Budget Request for the United States Agency for International Development (USAID) // U.S. Agency for International Development. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_FY_2023_BudgetRequest_FactSheet.pdf (accessed: 15.03.2024).

запрашивает у Конгресса большее финансирование на инициативы, курируемые как USAID, так и другими ведомствами. Наиболее известными гуманитарными программами администрации Дж. Байдена в регионе стали следующие⁵⁴.

1. «Amazonia Connect» — инициатива, направленная на сохранение биоразнообразия в дождевых лесах Амазонии путем сокращения вырубки лесов и выбросов парниковых газов в цепочках поставок сельскохозяйственной продукции. Реализация этой инициативы связана с цифровизацией ферм на площади 129 тыс. га, что должно способствовать получению сельхозпроизводителями большего доступа к цифровым технологиям. Первые результаты ожидаются к 2027 г. в Бразилии, Колумбии и Перу, а размер финансирования со стороны USAID составляет 16,3 млн долл.⁵⁵

2. «100k KLIMA» — проект, предусматривающий построение так называемых альянсов между правительствами, предприятиями и образовательными организациями, целью которых будет кооперация под эгидой Государственного департамента США для коллективных усилий по защите окружающей среды. К маю 2023 г. в рамках этой инициативы было одобрено 306 грантов для 572 команд из Соединенных Штатов и стран ЛКА на развитие образовательного сотрудничества между государствами Западного полушария⁵⁶.

3. Наконец, «Американо-карибское партнерство по борьбе с климатическим кризисом 2030», или РАСС, которое ставит своей задачей развитие энергетического сектора стран Карибского бассейна для достижения условий Парижского соглашения по климату и Соглашения ООН по климату и устойчивому развитию. Заявленная сумма на осуществление поставленных задач по линии USAID со-

⁵⁴ Fact Sheet: Tackling climate change and creating clean energy jobs in Americas // The White House. 09.06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/09/fact-sheet-tackling-climate-change-and-creating/> (accessed: 15.03.2024).

⁵⁵ Amazonia Connect // U.S. Agency for International Development. April 2022. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/Amazonia_Connect_FS-English-16apr22.pdf (accessed: 15.03.2024).

⁵⁶ The 100,000 Strong in the Americas innovation fund announces new 100k KLIMA Grand Competition for higher education partnerships and exchanges between the United States and Argentina, Chile, Paraguay, and Uruguay // 100,000 Strong in the Americas. 03.05.2023. Available at: <https://www.100kstrongamericas.org/southern-cone/> (accessed: 15.03.2024).

ставит 140 млн долл. К октябрю 2023 г. США оказывали техническую и финансовую поддержку предпринимателям и фермерам в странах-партнерах, организовывали образовательные программы для выстраивания связей между бизнес-компаниями региона⁵⁷.

Все указанные инициативы имеют ярко выраженную экологическую направленность и ориентированы на кооперацию, которая, как предполагают в Вашингтоне, будет носить долгосрочный характер. Тем самым данные проекты призваны утвердить лидерство США в решении наиболее острых проблем региона⁵⁸.

Продвижение экологической повестки активно используется США в рамках идеологического противостояния с КНР. Как подчеркивают эксперты из Council on Foreign Relations, авторитарные режимы, подобные китайскому, эксплуатируют биоразнообразие и природные ресурсы стран региона для сиюминутной выгоды и без учета наносимого ими экологического ущерба⁵⁹. Американские же инициативы призваны конструировать отношения государствами ЛКА таким образом, чтобы коллективная борьба с глобальными вызовами опиралась на продвигаемые США либерально-демократические ценности. Тем самым указанные программы должны побудить страны региона отказаться от заключения проектов с государствами, пренебрегающими коллективно понимаемыми региональными принципами в области экологии.

Наконец, следует упомянуть еще одну инициативу, которая нашла выражение в документе «Обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в Западном полушарии». Данное предложение было мотивировано беспокойством, связанным с «украинским кризисом», мировым ростом цен на энергоносители,

⁵⁷ U.S.-Caribbean Partnership to Address the Climate Crisis 2030 (PACC 2030) // U.S. Agency for International Development. October 2023. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-10/PACC%202030%20Fact%20Sheet_New%20Draft_10182023.docx.pdf (accessed: 15.03.2024).

⁵⁸ WMO issues report State of Climate in Latin America and Caribbean // The Economic Commission for Latin America and the Caribbean. 22.07.2022. Available at: <https://www.cepal.org/en/news/wmo-issues-report-state-climate-latin-america-and-caribbean> (accessed: 15.03.2024).

⁵⁹ China's green investments won't undo its environmental damage to Latin America // Council on Foreign Relations. 25.04.2019. Available at: <https://www.cfr.org/blog/chinas-green-investments-wont-undo-its-environmental-damage-latin-america> (accessed: 15.03.2024).

изменением климата и последствиями пандемии COVID-19 в экономической сфере⁶⁰. США взяли на себя обязательства выделить гуманитарную помощь в размере 331 млн долл. на обеспечение продовольственной безопасности, большая часть которой пойдет на страны Центральной Америки⁶¹. Для Вашингтона политика продовольственной безопасности является приоритетной, поскольку позволяет не только поддерживать внутренний сельскохозяйственный сектор, но также помогать развивающимся странам, формируя у них положительный образ США как государства-защитника. По заявлению заместителя секретаря по экономическому развитию США Х. Фернандес, Соединенные Штаты до сих пор остаются лидером в обеспечении продовольственной безопасности на глобальном уровне⁶².

В целях формирования и закрепления в странах Латинской Америки представления о США как о государстве-помощнике и государстве-защитнике Вашингтон инициировал издание совместной декларации стран-экспортеров в области сельского хозяйства в Западном полушарии, подписантами которой стали Соединенные Штаты, Канада, Бразилия, Аргентина и Мексика⁶³. Помимо перечисления конкретных шагов в деле совместного укрепления продовольственной безопасности в декларации также подчеркивается общность ценностных установок всех ключевых стран региона. Тем самым данный документ позволяет Вашингтону сохранить роль лидера и одновременно показать государствам, имеющим большие

⁶⁰ Fact sheet: Biden-Harris administration announces commitments to advance food security in the Western Hemisphere // The White House. 09.06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/09/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-commitments-to-advance-food-security-in-the-western-hemisphere/> (accessed: 15.03.2024).

⁶¹ Ibidem.

⁶² Telephonic press briefing on food security across Latin America with Jose Fernandez, Under Secretary of State for Economic Growth, Energy and the Environment // U.S. Department of State. 23.06.2022. Available at: <https://www.state.gov/telephonic-press-briefing-on-food-security-across-latin-america-with-jose-fernandez-under-secretary-of-state-for-economic-growth-energy-and-the-environment/> (accessed: 15.03.2024).

⁶³ Summit of the Americas Agriculture Producers Declaration // The White House. 13.06.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/13/summit-of-americas-agriculture-producers-declaration/> (accessed: 15.03.2024).

региональные амбиции, возможность совместного решения глобальных проблем.

* * *

В настоящей статье были рассмотрены особенности подходов администрации Дж. Байдена к выстраиванию отношений со странами Латино-Карибского региона на фоне нарастания противоречий в рамках региональной подсистемы, в том числе в связи с активизацией деятельности внерегиональных игроков.

Показано, что внешнеполитический курс, определенный командой Дж. Байдена в Латинской Америке, изначально имел ярко выраженный идеологический компонент. Это отразилось на содержании всех выдвинутых США региональных инициатив, направленных на развитие стран региона и обеспечение его безопасности в различных областях. Данные инициативы призваны одновременно утвердить образ Соединенных Штатов не только как проводника коллективных региональных интересов, но и как защитника стран ЛКА от авторитарных, хищнических практик.

Акцент на последних связан с усилением китайского проникновения в регион на фоне замедления мировой экономики и последствий пандемии COVID-19, нанесшей странам ЛКА наибольший ущерб по сравнению с другими регионами мира. Для противодействия росту китайского влияния США делают ставку как на увеличение инвестиций в традиционные секторы национальных экономик, создание инфраструктурных проектов, так и на формирование уникальных проектов сотрудничества для субрегионов или отдельных наиболее развитых государств в целях выстраивания общих практик, которые призваны в конечном счете сформировать новую совместную идентичность.

При этом можно заключить, что китайский фактор играет в выдвинутых администрацией Дж. Байдена инициативах достаточно противоречивую роль. Часть из них, имея ярко выраженную идеологическую окраску, выступают прежде всего как альтернатива китайской программе «Пояс и Путь». Как следствие, инициативы, разработанные в рамках ключевого тезиса СНБ-2022 о противостоянии либерально-демократического капитализма авторитарной капиталистической модели, излишне политизируются. Тем самым эти инициативы заставляют латиноамериканские государства не

только выбирать сторону в американо-китайском противоборстве, но и одновременно делать идеологический, ценностный выбор.

В рамках этого дискурса растущее влияние Пекина воспринимается Вашингтоном как пагубное и разлагающее самые основы демократических институтов. При этом, стремясь обезопасить, защитить свои интересы в регионе и не допустить, как представляется США, новой инкарнации авторитаризма, угрожающей американскому влиянию, администрация Дж. Байдена сама запускает механизм конструирования крайне идеологизированного соперничества с КНР в духе новой холодной войны.

Сегодня нельзя утверждать наверняка, переживут ли все выдвинутые инициативы администрацию Дж. Байдена, но очевидно одно: снижающееся глобальное лидерство США вынуждает Белый дом использовать новые способы охраны своей роли на мировой арене. Одним из таких инструментов и стал разработанный администрацией демократов ценностно-идеологический подход к странам Латинской Америки, целью которого являются упрочение либерально-демократического порядка и сохранение лидирующей роли США в регионе с помощью активизации экономического сотрудничества. Рост китайского присутствия в ЛКА будет и дальше оказывать влияние на восприятие Соединенными Штатами себя и своих подходов в отношении стран региона.

Выстраивая собственный образ как защитника молодых латиноамериканских демократий от дрейфа в сторону авторитаризма, Вашингтон отказывает государствам ЛКА в субъектности и навязывает им конструкт времен холодной войны, в котором они должны сделать выбор и занять правильную, по мнению США, сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023 гг.). М.: Аспект-Пресс, 2023.
2. Давыдов А.А. Близкие не союзники: политика США по отношению к Мексике при администрации Дж. Байдена // *Iberoamérica*. 2023. № 4. С. 148–171. DOI: 10.37656/s20768400-2023-4-08.
3. Евсеенко А.С. Инициативы США на латиноамериканском направлении: проблемы и перспективы // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 7. С. 83–89. DOI: 10.31857/S268667300015578-5.

4. Каткова Е.Ю., Еремин А.А. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-07.

5. Кодзоев М.А-М. Администрация Дж. Байдена и страны Центральной Америки и Карибского бассейна // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 27–40.

6. Кодзоев М.А-М. Латиноамериканская политика администрации Дж. Байдена: первые шаги // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 7. С. 63–69. DOI: 10.31857/S268667300015574-1.

7. Кодзоев М.А-М. Результаты антикубинской политики Д. Трампа и перспективы американо-кубинских отношений в период администрации Дж. Байдена // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8. № 4 (30). С. 39–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-4-39-53.

8. Кочегуров Д.А. Миграционная политика США в контексте кризиса на границе с Мексикой // Россия и Америка в XXI веке. 2022. № S1. DOI: 10.18254/S207054760018171-5.

9. Манухин А.А. Мексика и США: есть ли новые решения старых проблем? // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 52–66.

10. Манухин А.А. Особенности политики администрации Дональда Трампа в Латинской Америке // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № S1. С. 14. DOI: 10.18254/S207054760005322-1.

11. Пшеничников И.Б. Политика США в Латинской Америке при президенте Дж. Байдене // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 160–178. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_160.

12. Розенталь Д.М. Леворадикальные режимы Латинской Америки во внешней политике Джо Байдена // Россия и Америка в XXI веке. 2022. № S1. DOI: 10.18254/S207054760023922-1.

13. Розенталь Д.М. США и левые режимы в Латинской Америке: подход администрации Д. Трампа // Ибероамериканские тетради. 2019. № 3 (25). С. 46–49. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-3-46-49.

14. Сударев В.П. Латиноамериканская политика США при Дж. Байдене. Произошла ли перезагрузка? // Свободная мысль. 2022. № 3 (1693). С. 103–114.

15. Сударев В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — Европейский союз. М.: МГИМО-Университет, 2019.

16. Сударев В.П., Кудеярова Н.Ю., Манухин А.А. и др. Трансформация региональной модели международных отношений в Западном полушарии. Екатеринбург: Издательские решения, 2022.

17. Хейфец Л.С., Коновалова К.А. Латинская Америка в сотрудничестве Юг–Юг на фоне противоречий глобализации // Мировая экономика

и международные отношения. 2021. Т. 65. № 4. С. 21–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-21-29.

18. Хлопов О.А. Современная политика США в странах Латинской Америки и Карибского бассейна // Латинская Америка. 2022. № 12. С. 47–63. DOI: 10.31857/S0044748X0023420-1.

19. Цветкова Н.А., Гришанина Т.А. «Цифровая сила» в странах Латинской Америки: хэштеги и дипфейки как политические инструменты // Латинская Америка. 2023. № 3. С. 21–33. DOI: 10.31857/S0044748X0024414-4.

20. Ayuso A. La agenda exterior de Biden y sus implicaciones para la Unión Europea y América Latina // Relaciones Internacionales. 2021. Vol. 30. No. 60. P. 265–278. DOI: 10.24215/23142766e134.

21. Carbone V.L. La administración Biden y América Latina: ¿Puede hablarse de una nueva relación con la región? // Huellas de Estados Unidos. 2021. No. 20. P. 110–120.

22. Castro Alegría R.F. ¿Todos los caminos conducen a Pekín? La política de Joe Biden hacia América Latina y el Caribe // Documentos de trabajo. 2023. No. 80. P. 1–27. DOI: 10.33960/issn-e.1885-9119.DT80.

23. Haibin N. Building development partnership: Engagement between China and Latin America // China Currents. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 1–9.

24. Heiss M.A. The evolution of the imperial idea and U.S. national identity // Diplomatic History. 2002. Vol. 26. No. 4. P. 511–540. DOI: 10.1111/1467-7709.00324.

25. Klinger J.M. A brief history of outer space cooperation between Latin America and China // Journal of Latin American Geography. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 46–83. DOI: 10.1353/lag.2018.0022.

26. Krivolapov O.O., Stepanova N.V. La cooperacion de EE.UU. con paises de America Latina en el ambito de seguridad antes y despues de la llegada de Joseph Biden al poder // Iberoamerica. 2021. No. 4. P. 58–79. DOI: 10.37656/s20768400-2021-4-03.

27. Milani L.P. U.S. hegemony in Latin America during the age of challenges: The perception of threats by the U.S. Southern Command // Latin American Perspectives. 2023. Vol. 50. No. 5. P. 221–237. DOI: 10.1177/0094582X221140418.

28. Morgenfeld L.A. Biden, América Latina y las mutaciones geopolíticas // Estados Unidos: miradas críticas desde Nuestra América. 2021. No. 5. P. 9–16.

29. Prevost G. The Biden administration and the rise of China: Implications for U.S. policy in Latin America // China-US rivalry and regional reordering in Latin America and the Caribbean / Ed. by L. Xing, J. Vadell. London: Routledge, 2024. P. 73–87.

30. Ruvalcaba D.M. La política exterior de Joseph Biden hacia América Latina: Un análisis prospectivo al inicio del nuevo gobierno // Izquierdas. 2021. No. 50. P. 1–26.

31. Schwartzman K.C. Mexico's fate amid U.S.-China competition // *Class, Race and Corporate Power*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 1–45. DOI: 10.25148/CRCP.9.1.009648.

32. Sexton J. The Monroe Doctrine in an age of global history // *Diplomatic History*. 2023. Vol. 47. No. 5. P. 845–870. DOI: 10.1093/dh/dhad043.

33. Sokólshchik L.M. América Latina en la política exterior de EE.UU. durante la administración de Joe Biden // *Iberoamérica*. 2023. No. 1. P. 53–77. DOI: 10.37656/s20768400-2023-1-03.

34. U.S. foreign policy and the other / Ed. by M.P. Cullinane, D. Ryan. New York: Berghahn books, 2015.

35. Xing L., Vadell J. China-US rivalry and regional reordering in Latin America and the Caribbean. London: Routledge, 2024.

REFERENCES

1. Borovskii Yu.V., Martynov B.F. 2023. *Dve Ameriki v sovremennykh mezh-dunarodnykh otnosheniyakh (1991–2023 gg.)* [Two Americas in modern international relations (1991–2023)]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)

2. Davydov A.A. 2023. Blizkie ne soyuzniki: politika SSHa po otnosheniyu k Meksike pri administratsii Dzh. Baidena [Close non-allies: U.S. policy towards Mexico under Joe Biden presidency]. *Iberoamérica*, no. 4, pp. 148–171. DOI: 10.37656/s20768400-2023-4-08. (In Russ.)

3. Evseenko A.S. 2021. Initsiativy SSHa na latinoamerikanskom napravlenii: problemy i perspektivy [Latin America focus of U.S. foreign policy initiatives: Challenges and prospects]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 7, pp. 83–89. DOI: 10.31857/S268667300015578-5. (In Russ.)

4. Katkova E.Yu., Eremin A.A. 2022. Otnosheniya KNR s regionom Latinskoï Ameriki i Karibskogo basseina na sovremennom etape [China's relations with Latin America and the Caribbean at the present stage]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-07. (In Russ.)

5. Kodzoev M.A.-M. 2021a. Administratsiya Dzh. Baidena i strany Tsentral'noi Ameriki i Karibskogo basseina [Joe Biden administration and the countries of Central America and the Caribbean]. *Svobodnaya mysl'*, no. 6, pp. 27–40. (In Russ.)

6. Kodzoev M.A.-M. 2021b. Latinoamerikanskaya politika administratsii Dzh. Baidena: pervye shagi [The Latin American policy of the J. Biden administration: Initial steps]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 7, pp. 63–69. DOI: 10.31857/S268667300015574-1. (In Russ.)

7. Kodzoev M.A.-M. 2020. Rezul'taty antikubinskoï politiki D. Trampa i perspektivy amerikano-kubinskikh otnoshenii v period administratsii Dzh. Baidena

[The results of Donald Trump's anti-Cuban policy and the prospects for US-Cuban relations under Joseph Biden]. *Iberoamerican Papers*, vol. 8, no. 4 (30), pp. 39–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-4-39-53. (In Russ.)

8. Kochegurov D.A. 2022. Migratsionnaya politika SShA v kontekste krizisa na granitse s Meksikoi [US migration policy in the context of the crisis on the border with Mexico]. *Russia and America in the XXI century*, no. S1. DOI: 10.18254/S207054760018171-5. (In Russ.)

9. Manukhin A.A. 2018. Meksika i SShA: est' li novye resheniya starykh problem? [Mexico and the United States: Are there new treats for old sores?]. *Latinskaya Amerika*, no. 4, pp. 52–66. (In Russ.)

10. Manukhin A.A. 2019. Osobennosti politiki administratsii Donal'da Trampa v Latinskoi Amerike [The features of Donald Trump administration's policy in Latin America]. *Russia and America in the XXI century*, no. S1, p. 14. DOI: 10.18254/S207054760005322-1. (In Russ.)

11. Pshenichnikov I.B. 2021. Politika SShA v Latinskoi Amerike pri prezidente Dzh. Baidene [U.S. policy towards Latin America under the presidency of J. Biden]. *National Strategy Issues*, no. 3 (66), pp. 160–178. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_160. (In Russ.)

12. Rozental' D.M. 2022. Levoradikal'nye rezhimy Latinskoi Ameriki vo vneshnei politike Dzh. Baidena [Radical Leftist Latin American regimes in Joe Biden's foreign policy]. *Russia and America in the XXI century*, no. S1. DOI: 10.18254/S207054760023922-1. (In Russ.)

13. Rozental' D.M. 2019. SShA i levye rezhimy v Latinskoi Amerike: podkhod administratsii D. Trampa [USA and leftist regimes in Latin America: D. Trump administration approach]. *Iberoamerican Papers*, no. 3 (25), pp. 46–49. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-3-46-49. (In Russ.)

14. Sudarev V.P. 2022. Latinoamerikanskaya politika SShA pri Dzh. Baidene. Proizoshla li perezagruzka? [Latin American policy of J. Biden. Was there really a reset?]. *Svobodnaya mysl'*, no. 3 (1693), pp. 103–114. (In Russ.)

15. Sudarev V.P. 2019. *Latinskaya Amerika v geopoliticheskom treugol'nike SShA — Kitai — Evropeiskii Soyuz* [Latin America in the U.S. — China — European Union geopolitical triangle]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

16. Sudarev V.P., Kudayarova N.Yu., Manukhin A.A. et al. 2022. *Transformatsiya regional'noi modeli mezhdunarodnykh otnoshenii v Zapadnom polusharii* [Transformation of the regional model of international relations in the Western Hemisphere]. Ekaterinburg, Izdatel'skie resheniya Publ. (In Russ.)

17. Kheifets L.S., Konovalova K.A. 2021. Latinskaya Amerika v sotrudnichestve Yug–Yug na fone protivorechii globalizatsii [Latin America in the South-South cooperation against the background of globalization controversies]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 4, pp. 21–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-21-29. (In Russ.)

18. Khlopov O.A. 2022. Sovremennaya politika SShA v stranakh Latinskoi Ameriki i Karibskogo basseina [The modern US policy towards Latin America and the Caribbean]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 47–63. DOI: 10.31857/S0044748X0023420-1. (In Russ.)

19. Tsvetkova N.A., Grishanina T.A. 2023. 'Tsifrovaya sila' v stranakh Latinskoi Ameriki: kheshtegi i dipfeiki kak politicheskie instrumenty [Digital power in Latin America: Hashtags and deepfakes as political tools]. *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 21–33. DOI: 10.31857/S0044748X0024414-4. (In Russ.)

20. Ayuso A. 2021. La agenda exterior de Biden y sus implicaciones para la Unión Europea y América Latina. *Relaciones Internacionales*, vol. 30, no. 60, pp. 265–278. DOI: 10.24215/23142766e134.

21. Carbone V.L. 2021. La administración Biden y América Latina: ¿Puede hablarse de una nueva relación con la región? *Huellas de Estados Unidos*, no. 20, pp. 110–120.

22. Castro Alegria R.F. 2023. ¿Todos los caminos conducen a Pekín? La política de Joe Biden hacia América Latina y el Caribe. *Documentos de trabajo*, no. 80, pp. 1–27. DOI: 10.33960/issn-e.1885-9119.DT80.

23. Haibin N. 2020. Building Development Partnership: Engagement between China and Latin America. *China Currents*, vol. 19, no. 1, pp. 1–9.

24. Heiss M.A. 2002. The evolution of the imperial idea and U.S. national identity. *Diplomatic History*, vol. 26, no. 4, pp. 511–540. DOI: 10.1111/1467-7709.00324.

25. Klinger J.M. 2018. A brief history of outer space cooperation between Latin America and China. *Journal of Latin American Geography*, vol. 17, no. 2, pp. 46–83. DOI: 10.1353/lag.2018.0022.

26. Krivolapov O.O., Stepanova N.V. 2021. La cooperacion de EE.UU. con paises de America Latina en el ambito de seguridad antes y despues de la llegada de Joseph Biden al poder. *Iberoamerica*, no. 4, pp. 58–79. DOI: 10.37656/s20768400-2021-4-03.

27. Milani L.P. 2023. U.S. hegemony in Latin America during the age of challenges: The perception of threats by the U.S. Southern Command. *Latin American Perspectives*, vol. 50, no. 5, pp. 221–237. DOI: 10.1177/0094582X221140418.

28. Morgenfeld L.A. 2021. Biden, América Latina y las mutaciones geopolíticas. *Estados Unidos: miradas críticas desde Nuestra América*, no. 5, pp. 9–16.

29. Prevost G. 2024. The Biden administration and the rise of China: Implications for U.S. policy in Latin America. In: Xing L., Vadell J. (eds.). *China-US rivalry and regional reordering in Latin America and the Caribbean*. London, Routledge, pp. 73–87.

30. Ruvalcaba D.M. 2021. La política exterior de Joseph Biden hacia América Latina: Un análisis prospectivo al inicio del nuevo gobierno. *Izquierdas*, no. 50, pp. 1–26.

31. Schwartzman K.C. 2021. Mexico's fate amid U.S.-China competition. *Class, Race and Corporate Power*, vol. 9, no. 1, pp. 1–45. DOI: 10.25148/CRCP.9.1.009648.

32. Sexton J. 2023. The Monroe Doctrine in an age of global history. *Diplomatic History*, vol. 47, no. 5, pp. 845–870. DOI: 10.1093/dh/dhad043.

33. Sokólshchik L.M. 2023. América Latina en la política exterior de EE.UU. durante la administración de Joe Biden. *Iberoamérica*, no. 1, pp. 53–77. DOI: 10.37656/s20768400-2023-1-03.

34. Cullinane M.P., Ryan D. (eds.). 2015. *U.S. foreign policy and the other*. New York, Berghahn books.

35. Xing L., Vadell J. 2024. *China-US rivalry and regional reordering in Latin America and the Caribbean*. London, Routledge.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования
05.05.2024; принята к публикации 20.06.2024

The paper was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 05.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-230-240

Рецензия / Book review

В.И. Мизин*

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ?

***Рецензия на монографию О.М. Александрии, А.Г. Савельева
«Контроль над ядерными вооружениями
в российско-американских стратегических отношениях
(2010 — начало 2020-х гг.)»*****

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

В центре внимания данной рецензии находится новая монография О.М. Александрии и А.Г. Савельева «Контроль над ядерными вооружениями в российско-американских стратегических отношениях (2010 — начало 2020-х гг.)», увидевшая свет в 2024 г. Рецензент отмечает научную новизну предлагаемого исследования, обусловленную стремлением авторов вписать вопросы контроля над ядерными вооружениями в отношения между США и Российской Федерацией в более широкий исторический, международно-политический и военно-технологический контекст. Подробно рассмотрены содержание трех глав работы и ключевые авторские выводы и наблюдения по таким дискуссионным вопросам, как причины, обусловившие стагнацию стратегического диалога в настоящий момент, роль третьих стран с точки зрения перспектив возобновления переговоров о контроле над ядерными вооружениями и проблема учета фактора новых вооружений. Рецензент соглашается с заключением авторов, что в ближайшей перспективе наиболее

** Мизин Виктор Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: mizin56@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-7903-4454).*

*** Александрия О.М., Савельев А.Г. Контроль над ядерными вооружениями в российско-американских стратегических отношениях (2010 — начало 2020-х гг.) М.: URSS, 2024.*

вероятным видится вариант ограниченной модернизации положений Договора по СНВ 2010 г. при сохранении установленных им лимитов и режима верификации. Возможностей для качественного развития и углубления диалога о контроле над ядерными вооружениями и его адаптации к новым стратегическим реалиям пока не наблюдается. В то же время рецензент отмечает, что определенным недостатком данной работы следует признать отсутствие в ней подробного анализа динамики изменения российско-американского стратегического ядерного баланса в рассматриваемый период. Между тем в этой области произошли существенные изменения, которые будут иметь решающее значение для российско-американского стратегического диалога, когда (если) он возобновится. Данное замечание несколько не принижает достоинств представленного исследования, а лишь указывает на возможности дальнейшего его развития и углубления. Как таковая данная монография представляется исключительно актуальной и, безусловно, будет интересна как специалистам, так и всем интересующимся проблематикой международной безопасности, контроля над вооружениями и российско-американских отношений.

Ключевые слова: контроль над ядерными вооружениями, российско-американские отношения, стратегическая стабильность, стратегические наступательные вооружения, Пражский договор

Для цитирования: Мизин В.И. История с продолжением? Рецензия на монографию О.М. Александрии, А.Г. Савельева «Контроль над ядерными вооружениями в российско-американских стратегических отношениях (2010 — начало 2020-х гг.)» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 230–240. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-230-240.

Viktor I. Mizin

TO BE CONTINUED?

**Book review of ‘Nuclear arms control
in Russian-American strategic relations (2010 — early 2020s)’
by O.M. Aleksandriya and A.G. Savel’ev**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
3, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The book under review is a new monograph by O.M. Aleksandriya and A.G. Savel’ev ‘Nuclear arms control in Russian-American strategic relations

(2010 — early 2020s)' published in 2024. The reviewer notes the academic novelty of the study as the authors examine issues of nuclear arms control in the relations between the United States and the Russian Federation within a broader historical, international and military-technological framework. The reviewer considers the content of the book's three chapters and the authors' key findings regarding such controversial issues, as the ongoing impasse in the strategic dialogue and the possible role of both third countries and new types of weapons in the negotiations on nuclear arms control, whenever they resume. The reviewer agrees with the authors that in a current situation a limited modernization of the New START provisions with their limits and verification measures is the most viable option, given the lack of feasible opportunities for qualitative development and deepening of the dialogue on nuclear arms control and its adaptation to new strategic realities. At the same time, the reviewer notes that the book lacks a detailed analysis of changes in the Russian-American strategic nuclear balance over the last fifteen years. Meanwhile, this balance has changed significantly, which will be crucial for the Russian-American strategic dialogue when (if) it resumes. This remark, however, by no means downplays the merits of the presented research and only indicates the prospects for its further development. As such, this monograph is a timely and insightful research that would be of interest to both specialists and anyone concerned with the issues of international security, arms control and Russian-American relations.

Keywords: nuclear arms control, Russian-American relations, strategic stability, strategic offensive arms, New START

About the author: *Viktor I. Mizin* — PhD (History), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: mizin56@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-7903-4454).

For citation: Mizin V.I. 2024. To be continued? Book review of 'Nuclear arms control in Russian-American strategic relations (2010 — early 2020s)' by O.M. Aleksandriya and A.G. Savel'ev. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 230–240. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-230-240. (In Russ.)

Монография О.М. Александрии и А.Г. Савельева посвящена крайне актуальной теме, которая сегодня является, вероятно, одной из центральных в мировой политике, — проблеме контроля над ядерными вооружениями. При этом данная проблематика особо актуализировалась в последнее время в связи с такими событиями

на международной арене, как выход Соединенных Штатов Америки из ключевых договоров по контролю над вооружениями, а также (главным образом) беспрецедентным даже для прошлой холодной войны коллапсом отношений России и так называемого коллективного Запада во главе с США после начала специальной военной операции РФ на Украине.

Научная новизна работы определяется тем, что вопросы ограничения и сокращения ядерных вооружений были рассмотрены авторами с точки зрения проблем обеспечения стратегической стабильности в условиях появления таких военно-технологических угроз, как потенциально новая фаза развития космических вооружений и американской стратегической (глобальной) противоракетной обороны (ПРО), совершенствование систем высокоточного оружия в неядерном оснащении и т.д.

Исследование открывается главой, посвященной концепции «стратегической стабильности», в которой авторы рассмотрели процесс становления этой концепции в политическом дискурсе США и СССР, а также ее значение в современных условиях. Отмечается, что на сегодняшний день ни Россия, ни США пока не готовы, к большому сожалению, возобновить неформальные консультации по проблемам стратегической стабильности. А ведь в нынешней ситуации в мире требуется качественно новое прочтение данной концепции, отвечающее современным реалиям и учитывающее не только ядерные потенциалы (а ныне число реальных ядерных держав существенно возросло по сравнению с периодом холодной войны) но и общие вопросы безопасности. Сегодня стратегическая стабильность уже не может сводиться исключительно к вопросам ядерного сдерживания. Ее понимание не должно ограничиваться и традиционной «узкой» интерпретацией, согласно которой суть кризисной стратегической стабильности состоит в обеспечении отсутствия стимулов к нанесению первого удара в ситуации сохраняющегося ядерного противостояния (пусть и с учетом новых стратегических факторов), появления новых ядерных держав и угрозы распространения оружия массового уничтожения.

Сегодня поддержание стратегической стабильности — это выстраивание такой системы миропорядка, которая способна уберечь отдельные регионы (в частности, Россию и Евразию), а также мир в целом от крупных вооруженных конфликтов и стратегических

вызовов, угрожающих интересам всех стран при возникновении политического кризиса. Таким образом, стратегическая стабильность в «широком» значении начинает охватывать едва ли не все ключевые аспекты международной безопасности. Соответственно с учетом современных технологий проблематика стратегической стабильности должна включать не только вопросы ядерных вооружений, но и сферу всех новых стратегических инструментов силы: космические и высокоточные обычные вооружения, ресурсы космического, информационного и основанного на искусственном интеллекте оружия и кибероружие¹. Как отмечают в этой связи авторы, «для России укрепление стратегической стабильности является непременным условием продолжения диалога по вопросам безопасности и разоружения. <...> При этом особое внимание уделяется новым факторам, которые могут повлиять на стратегическую стабильность. А именно, проблеме противоракетной обороны, космических вооружений и высокоточных стратегических систем оружия» (с. 174).

Следует отметить, что концептуальное осмысление новых контуров стратегической стабильности, нового характера войн и конфликтов в современных условиях потребует глубинного пересмотра самых основ теории военной политики.

Большой интерес представляют описанные авторами во второй главе факторы стагнации переговорного процесса после заключения Нового (Пражского) Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договора по СНВ) 2010 г. Этот документ авторы, повторяя укоренившуюся у нас в СМИ и даже в экспертной среде (например, в работах академика Сергея Рогова)² ошибку, называют СНВ-3³. Он предусматривал определенные меры транспарентности и преследовал цель разграничить

¹ См. подробнее: Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 141–168. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.8.

² Рогов С. Система российско-американских соглашений разваливается // Коммерсантъ. 04.02.2020. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4242135> (дата обращения: 11.05.2024).

³ В российской академической среде и СМИ Новый (Пражский) Договор по СНВ 2010 г. поразительно упорно продолжают именовать — от академиков до СМИ — «СНВ-3», хотя другой договор, но с таким же названием (рамочный СНВ-3, START-III), был выработан еще в 1997 г., но не ратифицирован. См.: The START III Framework at a Glance // Arms Control Association. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/start3> (accessed: 12.03.2024).

системы ПРО, в частности ограничить стратегическую оборону от межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок взаимоприемлемыми параметрами. Однако этот позитивный импульс остался в итоге, как отмечают авторы, в полной мере нереализованным. Напротив, с 2018 г. начался процесс стремительной деградации системы стратегической стабильности. В октябре 2018 г. Д. Трамп объявил о намерении Соединенных Штатов выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (с. 89). Следующим важным шагом США, ведущим к подрыву стратегической стабильности, был выход из Договора по открытому небу (2020). Дж. Байден критиковал администрацию Д. Трампа за этот шаг, однако после прихода к власти также не пошел на возобновление участия США в данном договоре. От этого серьезно пострадал процесс рассмотрения вопросов стратегической стабильности в отношениях РФ и США. При этом Россия не раз выступала за продолжение диалога.

К концу 2020 г. Соединенные Штаты выдвинули российской стороне предложение продлить Договор по СНВ 2010 г. на год в обмен на замораживание ядерных потенциалов, включая нестратегическое ядерное оружие. США также настаивали на подключении к переговорам Китая в целях выработки нового договора по СНВ на долгосрочную перспективу. В итоге стороны пришли к соглашению о продлении Пражского договора без каких-либо дополнительных условий, на чем, собственно, и настаивала Москва. Казалось, что диалог может быть продолжен. И действительно, в июле 2021 г. Россия и США возобновили «консультации по стратегической стабильности» в Женеве. Однако американская сторона предприняла попытку навязать РФ свои подходы к решению данной проблемы, и переговоры окончательно зашли в тупик (с. 92).

Особого упоминания заслуживает проведенный авторами масштабный опрос среди ведущих российских экспертов, занимающихся проблематикой стратегической стабильности и контроля над вооружениями (с. 95–113). Его анализ позволяет лучше понять, как российское экспертное сообщество оценивает основные факторы, влияющие на стратегическую стабильность, политику России по обеспечению надежного стратегического ядерного сдерживания и, как следствие, на возможную позицию РФ на переговорах о дальнейшем ограничении и сокращении ядерных вооружений.

Говоря о факторах, препятствующих конструктивному развитию диалога по контролю над ядерными вооружениями, авторы отдельно останавливаются на проблеме учета роли третьих стран. Исследователи отмечают, что с самого начала переговоров о СНВ между СССР и США в конце 1960-х — начале 1970-х годов Москва указывала на тот факт, что у Вашингтона есть союзники (Великобритания и Франция), которые не имеют никаких обязательств по ограничению своих ядерных средств. Названная проблема третьих ядерных держав поднималась Советским Союзом практически в ходе всех переговоров по СНВ с США и ни разу не нашла удовлетворительного решения (с. 114). В современных условиях она приобретает еще большее значение.

Наконец, авторы также предприняли попытку в первом приближении оценить влияние «украинского кризиса» на перспективы процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений. Итог малоутешителен: в обозримом будущем не стоит ожидать начала многосторонних переговоров о контроле над ядерными вооружениями. Тем не менее в условиях подавляющего превосходства РФ и США по количеству ядерных боезарядов и средств их доставки сохраняется возможность продолжения хотя бы двустороннего диалога по этим проблемам. Именно на перспективах этого диалога авторы сосредотачивают свое внимание далее.

В третьей главе — «О перспективах достижения следующего договора по ограничению ядерных вооружений» — авторы представили анализ ряда предложений о полном уничтожении ядерного оружия в глобальном масштабе и наиболее перспективных направлений развития переговорного процесса по контролю над ядерными вооружениями между США и Россией.

Что касается первого комплекса вопросов, то, несмотря на нынешний печальный застой в отношениях с США, эту тему нашим специалистам, бесспорно, следует анализировать «на будущее», аккумулируя конструктивные идеи и наработки — без какого-либо ущерба для наших национальных интересов, поскольку все такие инициативы соответствуют уже поддержанным Россией позициям и подходам. Разумеется, полной ликвидации ядерных вооружений ждать не имеет смысла до наступления «золотого века» без войн, насилия и конкуренции держав. Но дальнейшие сокращения СНВ вполне мыслимы — конечно же, при наличии политической воли

(которая пока отсутствует у обеих сторон). Например, по мнению известного российского специалиста, бывшего начальника Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения генерал-полковника в отставке В. Есина, Россия вполне могла бы согласиться на давнее американское предложение ограничиться 400–500 оперативно развернутых носителей и 1000 боезарядов⁴, причем без ущерба для своих программ модернизации, а тем более приоритетов ядерного сдерживания. Однако реализация этой идеи, естественно, возможна только при условии сохранения стратегической стабильности и аналогичных встречных шагов США и блока НАТО, которые пока не просматриваются даже в перспективе в нынешней ситуации ожесточенной антироссийской кампании.

В этих условиях можно согласиться с выводами авторов: «С практической точки зрения возможно в достаточно приемлемые сроки несколько “модернизировать” действующий Договор СНВ-3 и вернуться к полному запрету на ракеты средней и меньшей дальности, заключив соответствующие двусторонние соглашения между РФ и США. Для смягчения напряженности в сфере нестратегического ядерного оружия возможно рассмотреть вариант односторонних обязательств и односторонних действий, что не предусматривало бы соответствующих юридических обязательств, но способствовало бы установлению режима большей предсказуемости и доверия между двумя странами. В этом контексте фактор снятия санкций, наложенных на РФ в результате Украинского кризиса, мог бы сыграть дополнительную стимулирующую роль» (с. 172).

Пока же за счет действий прежде всего США происходит постепенный слом той системы международной безопасности, которая выстраивалась сторонами со второй половины 1980-х годов. На смену достигнутым соглашениям ничего конкретного не пришло. В целом всё это свидетельствует о глубоком кризисе, поразившем всю систему международной безопасности, базировавшуюся на международных договорах и соглашениях (с. 175).

По второму комплексу вопросов авторы обращают внимание на отсутствие ясности относительно того, какие конкретно воору-

⁴ Аничкина А.Б., Есин В.И. Дальнейшее сокращение стратегических ядерных вооружений России и США в контексте широкого понимания военно-стратегического баланса // Россия и Америка в XXI веке. 2015. № 2. Доступ: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23775102_56953866.htm (дата обращения: 11.05.2024).

жения могут стать предметом переговоров, как подступаться к решению проблем ПРО, космических вооружений и высокоточного оружия и согласны ли стороны вообще обсуждать эти вопросы и увязывать их с договоренностями по ядерным вооружениям. Как представляется, наиболее реалистичным сценарием в современных условиях может стать достижение соглашения об ограничении СНВ в неядерном оснащении. По остальным же вопросам, особенно по космическим вооружениям, заключение какого-либо юридически обязывающего договора крайне маловероятно.

Авторы отдельно останавливаются на проблеме проверки и контроля выполнения сторонами принятых на себя обязательств. Такая система разработана и согласована только применительно к СНВ России и США. Но если круг переговорщиков будет расширен, нет никаких гарантий того, что названная система будет принята и другими возможными участниками будущих переговоров, а это резко осложнит достижение нового соглашения (с. 176).

В итоге на основе серьезного анализа обширного круга источников и литературы авторы монографии приходят к следующему выводу: «...в обозримом будущем контроль над ядерными вооружениями имеет шансы не уйти полностью из повестки дня российско-американских отношений. В пользу такого вывода свидетельствуют как минимум три факта. Первый — это явная заинтересованность и США, и России в сохранении и продолжении договорных отношений в рассматриваемой области. Эта заинтересованность неоднократно подтверждалась сторонами на самом высоком уровне. Поэтому если к 2026 году, сроку окончания действия Договора СНВ-3, вступить в новые переговоры не удастся, то вполне вероятен вариант принятия “модифицированного” соглашения на базе этого Договора. Такой договор может содержать несколько пониженные уровни разрешенных стратегических вооружений (носителей и боезарядов) с сохранением всех остальных положений действующего Договора» (с. 177).

Второй аргумент в пользу сохранения режима контроля над ядерными вооружениями в российско-американских отношениях, приводимый авторами, заключается в том, что «в сложившихся международных условиях консультации и переговоры по ядерному разоружению остаются чуть ли не единственным постоянно действующим форумом контактов высокого уровня между сторонами. И если во многих других сферах такие контакты были прерваны или

резко ослаблены в силу прежде всего наложенных на Россию санкций и вызванных ими ответных санкций со стороны РФ, то поддержание контактов по линии контроля над вооружениями приобретает гораздо большее значение, чем “просто” попытка решить проблему безопасности» (с. 177).

Наконец, третий аргумент в пользу необходимости «продолжения политики контроля над вооружениями заключается в том, что такая политика способствует сохранению режима открытости и предсказуемости в отношениях двух великих ядерных держав, по крайней мере в сфере стратегических наступательных вооружений. Отсутствие такой предсказуемости, как показывает исторический опыт, неизбежно ведет к усилению неконтролируемой гонки вооружений, росту и без того высокой подозрительности между сторонами, во многом бессмысленному наращиванию ядерных арсеналов, непродуктивному расходованию огромных финансовых средств и ресурсов, не говоря уже о целом ряде других негативных последствий» (с. 178).

Высоко оценивая эти выводы и в целом данную монографию, мы не можем в то же время не высказать некоторые замечания относительно отдельных ее аспектов. Недостатком данной работы следует признать отсутствие серьезного анализа российско-американского стратегического ядерного баланса в рассматриваемый период. Между тем на протяжении последних 12 лет в этой сфере произошли огромные перемены. В то время как российская сторона смогла не только осуществить обновление своей стратегической ядерной триады и, кроме того, разработать принципиально новые типы стратегических ядерных носителей, не входящих в традиционную ядерную триаду, Соединенные Штаты так и не приступили к обновлению своих стратегических ядерных сил, обеспечивая поддержание стратегического баланса за счет носителей, принятых на вооружение еще в прошлом столетии. В настоящее время Вашингтон только планирует приступить к обновлению своей стратегической ядерной триады в конце 2020-х — начале 2030-х годов. Наблюдается также отставание США от РФ в разработке и оснащении вооруженных сил новейшими гиперзвуковыми системами, часть которых способны решать стратегические задачи и в неядерном оснащении.

Это американское отставание в модернизации стратегических ядерных вооружений не означает исчезновения паритета между

двумя ядерными сверхдержавами, тем не менее впервые с начала переговоров по ядерным вооружениям между Москвой и Вашингтоном более 50 лет тому назад сложилась ситуация, когда у России (а не у США) имеется целый ряд технологических преимуществ над потенциальным противником, которые могут быть использованы в ходе будущих переговоров о новом соглашении по ограничению стратегических вооружений вместо Договора по СНВ 2010 г. Хотелось бы надеяться, что в своих дальнейших работах по данной проблематике авторы уделят больше внимания эволюции российско-американского стратегического ядерного баланса.

К сожалению, пока отсутствуют какие-либо сигналы о том, что после истечения срока действия Пражского договора в 2026 г. переговоры возобновятся. Остается вероятность, что Россия и США могут заключить соглашение о продолжении имплементации его лимитов при сохранении режима верификации, однако в нынешней ситуации и эта перспектива выглядит крайне туманной⁵.

Тем не менее сегодня как никогда важно работать над углублением нашего понимания всего комплекса проблематики контроля над ядерными вооружениями, искать наиболее эффективные пути международного сотрудничества в деле нейтрализации неконтролируемой угрозы ядерного оружия для международного мира и безопасности. В этом контексте рассматриваемая книга исключительно полезна и актуальна.

Работа, безусловно, будет интересна и специалистам, и всем интересующимся проблематикой международной безопасности, контроля над вооружениями и российско-американских отношений.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 26.06.2024

The paper was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 26.06.2024

⁵ Заявление МИД России о ситуации с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2023. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1852877 (дата обращения: 11.05.2024).